дмитрий глуховский

РАССКАЗЫ О РОДИНЕ

РАССКАЗЫ О РОДИНЕ

АСТ • Астрель Москва УДК 821.161.1 ББК 84(2Рос=Рус)6 Г55

Подписано в печать 25.04.2010 г. Формат 76х108 1/32. Усл. печ. л. 18,0. Тираж экз. Заказ №

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

> Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение \mathbb{N}_{2} 77.99.60.953. \mathbb{Z} .012280.10.09 от 20.10.2009 г.

Дизайн обложки — Илья Яцкевич
Портрет Дмитрия Глуховского — Василий Кудрявцев,
обработка — Илья Яцкевич
В оформлении книги использована иллюстрация
Василия Половцева

Глуховский Д.А.

Г55 Рассказы о Родине: [сборник рассказов]/ Дмитрий Глуховский. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 379, [5] с.

ISBN 978-5-17-067175-5 (ООО «Изд-во АСТ») ISBN 978-5-271-27865-5 (ООО «Изд-во Астрель»)

«Рассказы о Родине» — самая долгожданная и самая неожиданная книга Дмитрия Глуховского. Может быть, первая за долгое время попытка честно рассказать о нашей Родине глазами нового поколения. Провокация. Скандал. Бомба. Новая литература.

УДК 821.161.1 ББК 84(2Рос=Рус)6

© Д.А. Глуховский, 2010 © ООО «Издательство Астрель», 2010 Все имена героев, организаций, компаний и государств в этой книге являются вымышленными, и совпадения их с именами и названиями реально существующих людей, организаций и государств — случайны.

FROM HELL

— Михаил Семенович! Проснитесь! Там такое... — потряс профессора Штейна за плечо ассистент.

Профессор закряхтел и повернулся на другой бок. Ничего «такого» в этой бездарной и бессмысленной экспедиции быть не могло. Ничего, кроме кровожадной мошки́, способной, наверное, сожрать за десять минут целую корову. Ничего, кроме комаров размером с откормленную дворнягу, ничего, кроме пота и водки. Да, еще пыль, грязь и камень.

Поперся на старости лет.

- Пшел, предложил Штейн ассистенту.
- Михаил Семенович! Тот не сдавался. Михаил Семенович! Бур провалился! И мы что-то нашли!

Профессор раскрыл глаза. Сквозь брезент палатки просачивались первые лучи восходящего солнца. У изголовья валялась пачка анальгина и граненый стакан. Рядом лежала общая тетрадь с его теоретическими выкладками. Когда экспедиция закончится, он сможет мелко нарезать эти клетчатые листочки, заправить их подсолнечным маслом и сожрать. Зря потраченное время. Потому что, если Штейн посмеет представить свои теории в Академии наук, там научные оппоненты поместят в него эту тетрадь уже своим способом. Ректально.

- Михаил Семенович! отчаянно протянул ассистент. Λ юди всю ночь работали... Вас только в последний момент уже стали будить, когда поняли, что нашли
 - Что нашли? наконец очнулся профессор.
 - Мы не знаем!

Штейн вскинулся, зябко обнял волосатые плечи, выдохнул:

— Ладно. Иди там... Я сейчас. Соберусь...

Неужели они нашли то, за чем ехали в эту идиотскую экспедицию? Экспедицию, из-за которой он поругался с женой. Из-за которой пошел на обострение

со своим хроническим простатитом и остеохондрозом... А ведь вроде научились мирно сосуществовать за последние двадцать лет! В экспедицию, из-за которой Штейн после мирной кабинетной работы решился снова выбраться в поле.

И зачем ему это все было?

А затем, что довольно успешный и довольно признанный доктор геолого-минералогических наук, профессор Михаил Семенович Штейн, советский и российский ученый, был совершенно недоволен своим положением. Он шел в науку, чтобы стать великим. Чтобы сделать открытия, которые смогли бы перевернуть мир. А наработал в лучшем случае только на полторы строчки в энциклопедии. И случись ему откинуть копыта, эти бессмертные ослы в Академии наук еще придут потоптаться на его могиле, а потом сделают все возможное, чтобы статью в полторы строчки даже не включали в переиздание! Вражье...

— Господи, да что же там такое?! — вскрикнула на улице девушка. Бабы.

Штейн натянул портки, посадил на нос очки — как у Киссинджера, — напялил накомарник и ткнул непослушные ноги в резиновые сапоги. Век бы он не видал этой полевой романтики! Отчего-то, когда с возрастом становится невозможно крутить башкой по сторонам, пропадает и желание ею крутить. А вот какой у него замечательный и уютный кабинет! Там тепло и нет клещей, и нет мошки, и сортир в десяти шагах по коридору, и, чтобы вскипятить чаю, не надо посылать никого за водой к реке...

А тем временем именно в этом кабинете он сделал важнейшее открытие: предположил новое место разлома земной коры. Если он оказался бы прав, всего через три-четыре миллиона лет территория нынешней России окажется разорвана между двумя новыми континентами! А это уже вопрос государственный.

Но, конечно, за такую крамолу первосвященники из Академии сразу его распнут. Если только он не сумеет предоставить доказательств... Пробы пород... Свидетельства процессов, которые идут уже сейчас — пока на больших глубинах...

Назавтра после своего юбилея — праздновал семьдесят пять — он все-таки решился. Скрупулезно рассчитал, где должно находиться искомое место, договорился со старым другом, который из геологоразведки пошел в директоры горнодобывающего комбината, выбил грант, поссорился с женой, забил полчемодана лекарствами, проворочался трое суток в поезде, потом протрясся еще трое на «козле» по бездорожью, а теперь вот уже полгода торчит в сибирской глуши.

И все тщетно.

— Профессор! Ради бога, взгляните на это!

Мамонта кусок, что ли, откопали? Или трилобита какого-нибудь?

Штейн откинул полог палатки, прошаркал мимо охраны за частокол — мало ли в тайге зверья — и остановился у входа в шахту. Вокруг толпились рабочие, геологи, стоял с двустволкой наперевес сторож. Люди испуганно перешептывались, тыча пальцами...

Что же там такое?! Штейн протиснулся внутрь круга.

В середине лежала, подергивая огромными кожистыми крыльями, омерзительная тварь. Из разможженной плоской башки натекла лужа черной крови. Взгляд зеленых глаз с узкими горизонтальными зрачками был неподвижен. Но веки опускались и поднимались еще время от времени, а ребра вздымались в редких тяжелах вздохах.

- Никита подстрелил, сообщил Штейну ассистент, кивая на алкоголика сторожа.
- Я сначала думал белочка, икнул Никита, зачем-то вытирая руки о грязный тельник. То есть все, белочка.

Профессор подошел к твари поближе и ткнул ее резиновым наконечником своей палки.

- Откуда оно взялось? спросил он.
- Из шахты, отозвался кто-то из рабочих.
- И как же, интересно, оно попало в шахту? обернулся на голос Штейн.
- Оно там... было, шепотом ответил рабочий. Мы его освободили.
- Исключено, отрезал профессор. На глубине в три километра? Это антинаучно!

Внезапно бестия вздрогнула и подняла голову. Горизонтальные, словно у козы, зрачки, совершенно неуместные на отвратительной харе, нацелились на Штейна. Пасть, на акулий манер усеянная острыми клыками, раскрылась...

И тварь загоготала.

Чудовищный, невозможный звук: смесь хохота и басовитого, слишком низкого для человеческого горла бараньего блеяния.

Отсмеявшись, она запрокинула голову и подохла. А еще через несколько минут, когда солнце окончательно вышло уже из-за сопки, под его прямыми лучами туша вдруг задымилась и сгинула.

— Антинаучно, — глядя на бурую лужицу сквозь запотевшие очки, повторил IIIтейн.

* * *

«Россия поможет Ирану построить ядерный реактор» — ползла по экрану новостная строчка. Диктор что-то шлепал губами, но звук у этих телевизоров был не предусмотрен.

Черт знает что происходит, покачал головой профессор. Зачем нам это? Ради миллиарда-другого? Неужели не понимают, что может жахнуть на весь Ближний Восток?

Впрочем, спасибо. Хоть ненадолго отвлекся... Потому что сейчас, в минуты вынужденного безделья — пока не позовут на посадку, Михаилу Семеновичу было совсем непросто в одиночку отбиваться от насевших тревожных мыслей.

Из проклятого иркутского аэропорта Штейн улетал с некоторым страхом. После обнаружения странного создания над экспедицией словно повис страшный рок. Сторож спился и утонул, занятые на шахте рабочие после очередной смены сбежали в тайгу и пропали там с концами, одного из геологов нежданно поразил лунатизм, и во сне он попытался с топором пробраться в профессорскую палатку.

Что место нехорошее, можно было сообразить и раньше.

Например, когда выяснилось, что ровно в той точке, где Штейн собрался бурить, находится старая шахта. Кто и когда тут копал, установить было нельзя. Самое раннее — при Ермаке. В шахте нашли кости — совсем уже истлевшие, но, несомненно, человеческие.

Бригадир рабочих, из местных, насупился, напросился к профессору на конфиденциальный разговор и сообщил, что бурить тут не советует, а если Штейну очень надо, то его люди согласятся только за двойную плату. Профессор сбил цену на семьдесят процентов. Бригадир сумел-таки перебороть суеверия по компромиссной цене. Но, возможно, стоило к нему прислушаться...

Потом — эта история с крылатой тварью, так и не получившая никаких вразумительных объяснений.

А потом...

А потом бур повис над бездной.

Огромной, нескончаемой пусто́ты. Вроде пещеры — если забыть, что на такой глубине никаких пещер быть не могло. $\mathcal U$ одно это открытие уже обещало профессору некоторое бессмертие.

Только теперь как докажешь?

После того, как бригадир спустился в шахту с ящиком динамита и подорвал себя там на километровой глубине?

Теперь уже никому ничего не докажешь.

Что уж говорить об открытии настоящем, ошеломляющем, которое было сделано вскоре после обнаружения пустот? Профессор — атеист советской чеканки и космополит по безвыходности — сжал в руке образок. Нет, лучше не заикаться даже.

— Иркутск—Москва, на посадку! — завопила пергидрольная хабалка в старорежимной униформе.

Штейн украдкой прижал образок к губам.

Было бы неудобно, если бы коллеги застали за целованием иконы. Хотя, говорят, Эйнштейн вот верил — и ничего. А хоть бы даже и застали! В такой истории подстраховаться перед полетом не помешает...

А что в Москве? Куда он там сунется со своей доказательной базой? Чего стоят свидетельства геологов, половина из которых летит домой в смирительных рубашках? И все, что у Штейна есть в арсенале — электронные файлы с записанными звуками, — в бездну спускали эхолоты и микрофон. Теперь, если файлы не размагнитятся и не сотрутся по пути назад, у него есть записи страшных воплей, чрезвычайно похожих на человеческие, и рычания неизвестных чудищ.

Маловато, чтобы перевернуть вверх тормашками всю науку.

Недостаточно, чтобы обосновать совершенное Штейном открытие.

А ведь он открыл Преисподнюю!

* * *

- Дедушка, тебя к телефону! выговорила Алиса.
- Спасибо, зайка моя, иду!

Михаил Семенович нехотя оторвался от своего старого компьютера. Подумал, распечатал страницу, положил ее в стопку и придавил сверху булыжником селенита. Набиралась уже довольно внушительная пачка. Его крестовый поход на Академию наук. Пусть старперы горят на кострах Инквизиции! Ведь Инквизиция теперь непременно потребуется... Ничего, просто немного перепрофилируют одну действующую организацию, которая прилично набила руку в охоте на ведьм.

Идти недалеко — из одной комнаты, заваленной образцами минералов и завешанной картами (тут же и дээспэшная, под орех, румынская кровать на двоих), — в другую, как бы гостиную (потому что там стоит телевизор и постелен азербайджанский ковер, а в остальном — те же минералы и карты).

- Штейн, сказал Штейн.
- Михаил Семенович, зашуршал в трубке неживой голос. Рекомендуем вам немедленно прекратить вашу работу.
 - Какого черта?! возмутился профессор. Кто говорит?
- Говорят из больницы Алексеева, прошелестел угрожающе собеседник. Y нас тут проходит реабилитацию один из ваших коллег...
 - Вам меня не запугать! заорал Штейн. Слышите?! Вам меня не запугать! В трубке тихо засмеялись.

Алиса, которая под аккомпанемент телевизора строила из томов Большой Советской Энциклопедии тридцать пятого года выпуска домик для своих кукол, перепуганно уставилась на деда огромными синими глазами.

— «Москва выступает категорически против введения санкций в отношении КНДР, — заполнил тишину телевизор. — Народ Северной Кореи имеет полное право развивать мирную атомную энергетику. Пхеньян неоднократно доказывал свою приверженность мирному процессу и является надежным и предсказуемым партнером, — говорится в заявлении российского МИД».

«Да что же это такое-то? — досадливо подумал Штейн. — И эти тут еще продолжают... А наши-то, главное! Наши-то куда лезут... Нашим-то это зачем?»

- Михаил Семенович, позвал его голос. Если вы вздумаете куда-нибудь с вашими бумагами идти, мы за вами сразу «неотложку» отправим.
 - Не запугаете! сказал Штейн.
 - Запугаем, заверил голос.

И гудки.

- Дедушка, Алиса притронулась к его колену, у тебя все хорошо?
- Не знаю... Не очень.

Штейну не хватало сил даже подняться с кресла у телевизора.

- «У пенсионерки Нины Николаевны, камера поехала по просторной трехкомнатной квартире, — жизнь налажена. Но в этом месяце ее пенсия будет повышена на семь целых и три десятых процента, и все станет еще лучше», — перед объективом предстала румяная и подтянутая старушка, гоняющая чаи на милой и уютной кухне.
- Дедушка, серьезно произнесла Алиса, у меня к тебе вопрос. А почему в телевизоре все такое яркое? И почему всегда у всех все хорошо? Так разве бывает?
- «В этом году ассигнования на науку увеличатся на семнадцать процентов, тут же пообещал ящик. Наш корреспондент Иван Петров заглянул в

научный центр в Королеве и ознакомился с новейшими технологиями! Тут гагаринскую центрифугу используют для лечения болезней позвоночника...»

- А это, Алисочка, потому, рассеянно ответил Штейн, что телевизор — это окно в другой мир. В волшебную страну Зазеркалье. Там все оченьочень похоже на то, как у нас, но все по-другому. Там люди все счастливые, и у всех все получается. И денег всем хватает.
 - Антинаучно, поморщила носик Алиса.
 - Других объяснений нет, вздохнул профессор.
- Дедушка, поразмыслив, сказала девочка, а в это твое Зазеркалье можно как-нибудь попасть? Хоть на минуточку?
- Надо очень хорошо учиться, соврал Штейн. Ладно, зайка, я пойду поработаю еще...
- «Тем временем в России открыто крупнейшее в мире газовое месторождение, сказал диктор. Запасы природного газа месторождения Сахалин-4, по предварительным оценкам, составляют более полутора триллионов кубометров. Компания «Газпром» заявила, что...»
- «Вот, мрачно подумал Штейн. Нечего было заниматься тектоникой. А надо было из геологоразведки туда идти, к газовикам. И не куковал бы сейчас в поганой двушке в Чертаново, а проживал в барском особняке на Рублевке, и звонили бы не из Кащенки, а из Администрации Президента орденами награждать, за заслуги перед Родиной».

Есть ведь и среди геологов счастливые люди.

Только Михаилу Семеновичу в те двери стучаться уже поздно. Жизнь прошла, все выборы сделаны десятилетия назад. Остается бороться, отстаивать свое. Доказывать. Пусть и нет доказательств.

А Алиса посидела-посидела со своими куклами и полезла к телевизору — смотреть, что там у аппарата с другой стороны.

Вдруг — дверка?

* * *

«В результате уникального и беспрецедентного эксперимента по глубинному бурению, проведенному нашей научной группой, было установлено, что при проникновении в земную кору на глубину более чем в три тысячи метров, вопреки всем

существующим прогнозам и общепринятому мнению, не было обнаружено ни верхней, ни средней, ни нижней коры, сложенной метаморфическими и магматическими породами. На указанной глубине вскрываются огромные полости, населенные весьма своеобразной фауной. Имеем все основания полагать, что нашей группе удалось обнаружить место, известное в мифологии различных народов как Aд».

Ничего себе затравочка, а?

И дальше — сто тридцать страниц отчета о ходе экспедиции, несколько фотографий скверного качества, акустические записи и образцы минералов.

Штейн еще раз оглядел свой труд, аккуратно сложил все в вытертый портфель и выглянул в окошко. Прямо у подъезда стоял современный реанимобиль — импортный, чистенький, выкрашенный в бежевый цвет с оранжевыми полосами на боках. Такие не присылают за простыми смертными. На таких, должно быть, праведников в Рай доставляют...

Или наоборот.

За ним?!

Профессор принялся лихорадочно соображать. Растормошил сонную Алису — благо жена вышла за хлебом, помешать не сможет, — одел внучку, на спину ей — школьный ранец (скоро в нулевой класс), в ранец — свой доклад и фотографии. Минералы рассовал по карманам пальто, замотал лицо шарфом и заковылял вместе с сонной девочкой вниз по лестнице. Может быть, решат, что ведет девочку в садик? Прости, Алисочка.

Вылез на свет божий и сразу — к остановке.

Реанимобиль завелся, моргнул фарами и тихо покатил вслед.

Они вскочили в отходящую маршрутку в самый последний момент. «Неотложка» поползла за ними по пробкам. Лобовое стекло у нее было темное, светонепроницаемое.

Добрались до метро, нырнули в толпу, смешались с человеческим фаршем в мясорубке у эскалатора, протолкнулись кое-как на станцию и сели в первый же поезд. Штейн затравленно осмотрелся по сторонам. Лица у пассажиров были обычными, будто на молнию застегнутыми: каждый в себе.

Так, все пока в норме. Кажется, сбежали. Теперь бы только до Академии доехать, выступить в заявленное время, отбрехаться от оппонентов, а там — гори все синим пламенем. Лишь бы выступить дали... А потом — забирайте хоть к черту на кулички. Хотите — в Кащенко, хотите — в Сербского.

В кармане вдруг запиликал сотовый. Жена!

Вернулась из магазина, дома никого нет, записки он не оставил... Хорошо бы все-таки именно в Сербского: там-то жена до него не доберется. Потому что за Алису она у него всю кровь выпьет. И будет, кстати, права.

Как только телефон в поезде метро принимает, да еще и на их богом забытой линии? Видимо, жене очень надо прозвониться.

Жена, потому что больше этого номера ни у кого нет.

Штейн вытянул сотовый из внутреннего кармана пальто.

Номер не определен.

- Наташа?!— отгородившись горстью от стука колес, прокричал в телефон профессор.
- Михаил Семенович, ответил незнакомый человек сочным баритоном, перекрывающим вагонную какофонию. Вас беспокоят из компании «Газпром».
 - Что? У профессора глаза на лоб полезли.
- Из «Газпрома», подтвердил незнакомец. Мы хотели бы предложить вам работу.
 - Мне?! Почему мне?
- Мы наслышаны о вашем уникальном опыте глубинного бурения и считаем, что вы могли бы стать незаменимым консультантом, охотно объяснил звонящий. Вам интересно наше предложение?
- Я... Штейн переложил сотовый от одного уха, обожженного дыханием из трубки, к другому. Мне интересно, да. Конечно, мне интересно!
- Михаил Семенович, вкрадчиво попросил голос, а вы не могли бы сейчас подъехать в наш офис? У нас сейчас проходит совещание, и мы как раз обсуждаем вашу кандидатуру. Наравне с прочими. Но если бы вам удалось быть здесь, скажем, через полчаса-час, мы бы даже не стали рассматривать других претендентов на должность...
- Я, простите, сейчас никак не могу! закричал Штейн. У меня сейчас очень важное выступление.
- Михаил Семенович, голос стал строже. Нам очень хотелось бы переговорить с вами до вашего выступления. Не помню, сказал ли я уже о зарплате консультанта? Она составляет около пятнадцати тысяч условных единиц в месяц, но для специалиста вашего уровня...
- Я не смогу! твердо сказал Штейн. Сначала на выступление, потом к вам! Никак иначе.
 - Это вы так думаете, отозвался незнакомец.

- А откуда у вас вообще этот номер? вдруг очнулся от морока профессор.
- От вашей супруги, Михаил Семенович, усмехнулся человек. Она, кстати, передает вам привет.

Штейн чувствовал, как его внутренности сковывает мороз.

- Почему же, черт его дери, под землей так хорошо сотовый принимает? вдруг совсем не о том спросил себя он.
- Это ведь наша исконная сфера интересов и влияния, словно отвечая на незаданный вопрос, как бы невпопад продолжил голос. Так что вы не удивляйтесь ничему, Михаил Семенович. До встречи.

Это разве давление? Вот в советские времена давили — так давили!

«Нет, — твердо решил Штейн. — Сначала — запланированный доклад, потом — все остальное. Спасение жены, сопротивление соблазнам, битва с психиатрами — все потом. Служенье муз не терпит суеты».

* * *

Он умылся холодной водицей в прокуренном академиками нужнике, взял внучку за руку и двинулся в бой.

Зал оказался наполовину пуст.

- Там снизу, в вестибюле, объявление повесили, что все отменяется! развел руками профессор Синицын, один из немногих штейновских союзников в этом эмеином логове.
- Не дождутся, нахмурился Штейн. Посмотри за девочкой, Петр Иваныч.

Михаил Семенович взошел на кафедру, браво оглядел многоголовую академическую гидру, упрямо вскинул подбородок и начал:

— Дорогие коллеги! Тема доклада, которую я заявил на сегодня, претерпела определенные изменения. Сегодняшнее мое выступление окажется немного более революционным, чем планировалось. Как некоторые из вас, возможно, знают, недавно мною была предпринята экспедиция в Иркутскую область, в место предположенного мною разлома, который может оказаться линией будущего раздела тектонических плит.

В аудитории зашептались.

— Однако моими сотрудниками, из которых многие поплатились рассудком, а кое-кто — и жизнью, было сделано удивительное открытие. В результате уни-

кального и беспрецедентного эксперимента по глубинному бурению, проведенному нашей научной группой, было установлено, что при проникновении в вещество земной коры на глубину более чем в три тысячи метров...

В горле пересохло. Зал, завороженный, молчал.

— Уважаемые коллеги... Товарищи... Мы нашли Преисподнюю!

Спрятавшись за толстыми стеклами киссинджеровских очков, Штейн зажмурился. Раз, два, три...

— Позор! — заорал кто-то громогласно.

Кажется, Акопян.

— Мы отказываемся участвовать в этом!

Так, это Шмешкевич.

— Провокация!

Лазуткин.

- Прошу вас дослушать доклад до конца! набрал воздуху Штейн.
- Лишить его ученого звания!
- Лженаука!
- Исключить!
- Мракобесие!

Выкрики академиков были будто комья грязи, летящие в ветровое стекло экспедиционного «козла» из-под колес впереди идущего грузовика. Штейн снял очки (стало хуже видно, словно ему и вправду их захаркали), протер носовым платком, водрузил на место и уткнулся в свой доклад.

— Какие у вас доказательства? — подмахнул из первого ряда Синицын.

Спасибо, старик.

- Группой была собрана обширная доказательная база, однако во время спешной эвакуации с места работ почти вся она была утеряна.
 - А что же ваша шахта в Ад? поддели с галерки.
- К несчастью, шахта была подорвана и почти полностью обрушилась... Но я готов указать на место, где мы проводили бурение, и при необходимости возглавить новую экспедицию, экспедицию от Академии наук...
 - Клоун!

Это точно Томашевский.

Штейн смолк и поднял глаза. В аудитории оставались трое человек.

— Слышали, Уго Чавес собирается Колумбии войну объявлять, — шушукал друг его Синицын коматозному академику Сидорову, которого вместе с каталкой

РАССКАЗЫ О РОДИНЕ

в спешке забыли эвакуировать из зала. — А потом, дескать, всей Латинской Америке. Будет боливарианский порядок. А мы ему продаем десять сухогрузов автоматов, вертолеты и чуть не подлодки. Ума не приложу, нашим-то это зачем? Неужели ради денег?

Несчастный Сидоров только закатывал глаза. Ничем другим он двигать не мог. Фиаско...

Стоп. А где Алиса?

Бросив свой портфель на кафедре, Штейн спустился вниз и жестоко затряс Синицына.

- Где внучка моя? Где моя Алиса?!
- Так за ней папа пришел, улыбаясь блаженной улыбкой прошедшего через лоботомию, сказал Синицын. Сказал, что пойдет купит ей мороженое, пока дед распинается.
 - Папа у нее в Австралии! Маразматик ты старый!

Задыхаясь, он выбежал в коридор. Два силуэта — легкий, крошечный — Алисин — и другой — мрачный, массивный, будто из базальта вырубленный, удалялись от него по коридору.

Нагнал он их только на улице.

Девочку сажали в черный лимузин, длинный и строгий, как жизнь партийного функционера.

— Стойте! Подождите! — закричал Штейн.

Базальтовая фигура послушно замерла, позволив профессору сократить дистанцию.

— Да мы без вас никуда и не собирались, Михаил Семенович, — сказал незнакомый человек знакомым голосом. — Поедемте?

Он был весь какой-то европейский: костюм с иголочки, очень правильный галстук, беззлобное лицо. Нет, скорее — лицо вообще без каких-либо эмоций. И гладкое, без морщин.

- Я никуда... начал было Штейн.
- Не поверили вам коллеги? сочувственно спросил человек. Засмеяли?
- Мне все равно, поверят мне или нет! солгал профессор. Мне важна истина, а не признание!
- А я вот вам верю, спокойно сказал человек. Потому что знаю: вы правы. Преисподняя существует, и я готов вам кое-что об этом рассказать.
 - Но вы ведь не... Штейн сжал в кармане образок.

— Нет, конечно, — улыбнулся человек. — Я в «Газпроме» работаю. Это я вам сегодня звонил.

Из недр машины послышался веселый — и совершенно неуместный — собачий лай. С пассажирского сиденья выглянул чрезвычайно симпатичный черный пудель и лизнул Алисину руку красным язычком.

- A мы тебе еще такого щеночка подарим, улыбнулся базальтовый.
- Дедушка! Поедем с ними покатаемся! взвизгнула от восторга девочка.

Мягко чмокнула трехпудовая дверь, и лимузин плавно снялся с места — будто над землей парил.

- Вы, Михаил Семенович, во всем правы, говорил человек. И безусловно, сделали бы вы великое открытие, да есть загвоздка. Открытие это уже сделано давно и не вами.
- О чем вы? возмутился Штейн. Это вы какую-то белиберду несете! Ведь тогда обязательно начался бы уже крестовый поход какой-нибудь, Армагеддон с современным вооружением, ядерными зарядами бы их дотла... Вон у нас в стране этот мирный атом не знают, куда девать!
- Вы, Михаил Семенович, право, какой-то экстремист, укорил профессора человек. Мы же в двадцать первом веке живем. В веке глобализации, свободной торговли! А вы мне про крестовые походы. Варварство какое...
 - Ч_{то}э!
- А как же. В новостях ничего про Сахалин-4 не слышали? Полтора триллиона кубометров новых запасов... Вот, партнеры стараются. Обеспечивают выполнение контракта.
 - Какого контракта?.. Штейн снял очки.
- Контракта на прямую поставку природного газа ООО «Газпром» из Преисподней. Ну, по бумагам там, конечно, их юрлицо по-другому называется, но партнер, — базальтовый человек погладил пуделя, — партнер именно тот.
- Почему газа? Я думал, люди гибнут за металл, попытался шутить профессор.
- Ну, они там тоже идут в ногу со временем. Нужно было золото поставляли золото. Нужна нефть могут нефть. Сейчас вот мода на экологически чистое топливо газу дадут. Недра... Ведь если поглубже копнуть они же безграничны. Главное договориться.

Серой в машине не пахло. Пахло дорогим французским парфюмом и — чутьчуть — гаванской сигарой. Но это, наверное, водитель баловался.

- И как же вы договорились? Душу продали? после долгой паузы отважился Штейн.
- Михаил Семенович! покачал головой человек. Ну какую душу? «Газпром» ведь компания государственная. Правительство просто взяло на себя определенные обязательства. В основном международного характера. Ну и некоторые внутриполитические.
- Господи, да как я сам-то не сообразил... Ведь если подумать, других объяснений нашей истории и не найдешь... А какие именно обязательства? полюбопытствовал Штейн. Ничего, что я сказал «Господи»?
- Что вы. У нас же многоконфессиональная страна, успокоил его человек. А по вашему вопросу... Есть некоторое число международных проектов, которые мы осуществляем, так сказать, от лица наших партнеров. Он снова погладил пуделя. Сотрудничество с Ираном, с Северной Кореей, с некоторыми арабскими государствами... Энергетическая сфера, иногда вопросы безопасности...
 - Но ведь это... Они же... вякнул Штейн. Они же готовят...
 - Думайте о хорошем, улыбнулся человек.

* * *

Машина остановилась перед красивым загородным домом, утопающем во фруктовых деревьях. Вдоль дорожки, ведущей к крыльцу, толпились телеоператоры с камерами наизготовку. Тут же томилась и напомаженная стилистами профессорская жена.

- Где мы? Кто эти люди? тревожно привстал профессор.
- Деревня Барвиха. Это ваш будущий дом. А репортеры ждут вас, потому что вам только что присуждена Государственная премия.
- За какие такие заслуги? удивился Штейн. Ведь, если я верно все понимаю, о моем открытии мне говорить теперь нельзя?
- Нельзя. У нас в стране каждый день делаются открытия, о которых нельзя говорить, так что ничего страшного. А вот вам на выбор, он раскрыл папку, три научных прорыва, которые только что рассекречены. Выбирайте, становитесь автором. Вчера, кстати, в новостях видели про гагаринскую центрифугу? Только-только гриф секретности сняли и пожалуйста! А завтра и вас по телевизору покажут.

— Ура! — обрадовалась Алиса. — Иы попадем в Зазеркалье!	
— Ну и на финансирование ваших новых геологических исследований,	разуме-

ется, Газпром выделит грант. — Человек взялся за ручку дверцы.

Журналисты метнулись к машине, как таежные комары к вышедшему опростаться геологу.

- Скажите, промолвил Штейн, а Газпром не финансирует исследований в области астрономии?
- Нет, этим мы не занимаемся, вежливо засмеялся человек. В небе ловить нечего.
- Очень хорошо, удовлетворенно кивнул Михаил Семенович и открыл дверь.

Схватив внучку, он решительно потащил ее за собой сквозь кольцо репортеров — прочь от особняка, а по дороге сгреб и жену.

- A Зазеркалье? всхлипнула Алиса. A щеночек?
- Кошку купим, буркнул профессор.
- Профессор Штейн! пробился к нему корреспондент Главного канала. Расскажите о ваших планах на будущее! Мы, конечно, понимаем, что вам уже семьдесят шестой, но вдруг?
- Ухожу из геологии. Планирую заняться астрономией, сообщил Штейн. Мне кажется, в небесах еще тоже предстоят открытия. Не подскажете, где тут ближайшее метро?

Че почем

Плов получился жидковатым, но за три месяца Абдурахим к такому успел привыкнуть. Расскажи он кому в родном Понгозе, что плов можно готовить из небритых куриных ляжек, жира в которых было не больше, чем в расчерченном на квадраты Абдурахимовом животе, его бы точно засмеяли.

Нет, настоящий плов должен быть густым и слипшимся от желтого бараньего жира, и есть его положено, конечно, не ломкими пластмассовыми вилками, а пальцами, уминая рис и отправляя себе в рот комки размером с детский кулак.

Но откуда ему было взять хорошего барашка в слякотной задымленной Москве? Для Абдурахима столица России оказалась совсем небольшой: с квадратный километр, и то вряд ли. Нет, за трехметровым бетонным забором Москва продолжалась, продолжалась сколько хватало глаз, но туда Абдурахиму и его соплеменникам путь был заказан.

Пробраться через КПП в ближайший табачный киоск еще можно. На далекой солнечной родине он по недоразумению и молодости сиживал, так что опыт общения с вертухаями у него остался: ты мне, я тебе.

Но за забором маленький Таджикистан заканчивался, и скупого Абдурахимова языка не хватало, чтобы отбрехаться от свирепых вечно голодных милиционеров, барражирующих вокруг строек века в поисках легкой добычи.

Пытался как-то сварщик Фарух из третьей бригады пронести через КПП кусок баранины, но охрана отобрала, и влетело всей бригаде за нее покрепче, чем за перехваченный неделей раньше гашиш. Правил тут было много, и не обо всех строителям рассказывали.

Но ничего, курица так курица. Обедать часто приходилось и вялой лапшой из стаканчиков, и ускользающими сосисками, так что Абдурахим не капризничал. Плов варили не просто так: всю бригаду переводили на новый объект.

Возведенная в самом центре комплекса «Москва-Сити» башня «Памир», высокая, как сама гора, подпирала обваливающееся и прохудившееся московское не-

бо. Ее верхние этажи почти никогда не были видны, облака плотно обкладывали бесконечное здание не выше его середины. Несмотря на родное имя, скучающий по дому Абдурахим о новом месте работы думал с опаской.

«На небеса — самый короткий путь», — мрачно шутили рабочие. Шептались, что на «Памире», окруженном предгорьем трехэтажных теплушек, несчастные случаи происходили чуть ли не каждый день. Подтверждений не было: отработавших на «Памире» строителей отправляли обратно в Среднюю Азию для соблюдения условностей визового режима, а оттуда везли уже на другие объекты. Правило странное, но были и постраннее, зато платили на «Памире» вдвое больше обычного.

Куриный плов, вроде бы и легкий, в кишках у Абдурахима вел себя тревожно, никак не хотел упокоиться. Сны ему в ту ночь виделись нехорошие: будто он надеялся добраться до самого верха башни «Памир» и все карабкался по лестнице, но конца ей не было видно. А потом кто-то сказал ему, что затея его пустая, потому что башня эта живая и все время растет...

* * *

Секретарь резво обежал вокруг машины, взялся за ручку и потянул тяжелую, словно у банковского хранилища, дверь на себя. Кротов, прикорнувший на расползшемся диване двухцветного «Майбаха», глянул на него мутно, зевнул и потянулся. Чертова обложка Vogue так ухайдокала его прошлой ночью, что он уже готов был пересмотреть свое пренебрежительное отношение к моделям. Девочка старалась, ей явно кто-то нашептал про его повышение в списке Forbes.

Завтра на стройку делового центра должны были заехать кураторы и инспекция, и чтобы рутинное распитие шотландских резервов не превратилось в неприятный разговор об изменении расценок на благожелательность властей, Кротов должен был навести на территории марафет. Заодно и кинуть взгляд на новую технику.

Прорабы и начальники объектов, шлейфом тянувшиеся за ядром секьюрити, в центре которого шагал мрачный Кротов, на подступах к «Памиру» рассеялись. Хозяин всегда уделял центральному небоскребу особое внимание, и режим там был тоже особый. Стройплощадка в стройплощадке, «Памир» управлялся собственным начальством, и попасть за забор за забором могли лишь избранные.

В кармане Кротова запиликал забрызганный сапфирами мобильный с особой кнопкой. В стандартных телефонах одним ее нажатием можно было соединиться с консьержем, который мог ответить на любые вопросы обладателя телефона в

РАССКАЗЫ О РОДИНЕ

любой точке мира. Однако Кротову волшебную кнопку перенастроили на номер его начальника службы безопасности, который все эти вопросы мог еще и решить в течение получаса.

- А что, рейсовыми нельзя? Топливный кризис? На черта мы тогда долю покупали? — бурчал в трубку Кротов, остановившись у рядов хромированных агрегатов с многосложным немецким словом на консервативном лого. — Ладно, хрен с вами, отправьте джетом. А еще лучше — подождите пару деньков, пусть наберется на чартер, на Ил-76 какой-нибудь, а то велика честь мой Бомбардир гонять... Ничего, подождут, никуда не денутся. Пусть у индусов порченый товар берут по дешевке, без сертификатов, с камнями!
- Это оно, Аркадий Петрович, одними губами сообщил секретарь, деликатно указывая на парк хромированных аппаратов.
- Не стухнет же, в самом деле! рыкнул в телефон Кротов, в нетерпении отвешивая безгласной машине звонкую оплеуху. Все, решили. Со Штатами завтра разберемся. Давай, у меня вторая линия. Да, привет. Что, всю сеть купили? Ляле на юбилей? Ребрендинг? Была у меня идейка... Давай назовем «Биоорганика»... Или просто «Органика», точно. Ну, пусть теперь вегетарианская будет, это модно, от мяса уже всех тошнит. Все, пока, у меня вторая линия. Да! Господи, да перекупи его с потрохами, прости за каламбур. Сколько там этот профессор получает, со всеми взятками и подарками? Дай ему двадцатку в месяц, он тебе и студентов своих приведет... Окупится, конечно, за неделю. Извини, у меня вторая линия...

* * *

Предчувствия Абдурахима не обманули.

В первый же день их бригаду развели по разным этажам, и, бродя по своему, шестьдесят второму, он поражался тому, что холеная, сверкающая башня внутри оказалась диковатой, полузаброшенной. Отделочные работы тут вроде как начинались, но внезапно были прерваны, и уже довольно давно. Кое-где голый бетон стен начал обрастать гипсокартоном и даже розетками, в других местах с этими признаками жизни спорили расписанные от пола до потолка титанические партии в крестики-нолики и навязчивый запах прелой мочи.

Остальные рабочие на этаже казались необщительными и чудаковатыми, и Абдурахим решил, что посылки из Чуйской долины доходят-таки до здешних адресатов. Весь день работы не было, и заскучавший Абдурахим, просидевший пять часов на корточках перед панорамическим окном с видом почти на всю Москву разом, добровольно отправился сдаваться бригадиру. Тот вяло и даже с некоторой жалостью поинтересовался у Абдурахима, что же ему не сидится, прикурил одну от другой и продолжил ковыряться в сканворде.

Но не успел Абдурахим снова устроиться напротив Москвы в самой удобной из доступных человеку поз, как у бригадира щемящими душу ферганскими распевами заголосил сотовый. Рассредоточившиеся вокруг своего начальника бездельники насторожились, как собаки, которым пообещали прогулку, да и сам бригадир напружинился, внимая отрывистому лаю из исцарапанного аппарата.

Через минуту Абдурахим наконец получил боевое задание: приступить к шпатлевке щелей между небрежно собранными гипсокартонными ширмами и потолочными плитами. Еще через две минуты — после того, как он взобрался по шатающейся стремянке, отчего-то утопленной в мотках электропроводов, к незаделанным щелям и умиротворению, сильнейший разряд электрического тока, пройдя от левой ступни Абдурахима к его правой ступне, оборвал его строительную карьеру.

* * *

На ухоженной гостевой парковке замерла, медленно выпуская сквозь жабры жар и топорща акулий плавник, хищная «семерка» с угрожающими спецслужбистскими номерами. Рядом степенно расположились два купеческих «пятисотых» с залихватски нахлобученными мигалками и триграмматонами «А... МР». Водители молча курили, закинув головы и пытаясь узреть пик «Памира».

Сверху вниз с семьдесят восьмого этажа на них глядел холеный пожилой мужчина в невообразимо дорогом темно-синем костюме, нежнейшей рубашке с собственными инициалами и запонками из золота 750-й пробы и алой эмали с достоверным изображением генеральских звезд.

- Вот руководство обеспокоено участившимися несчастными случаями на вверенной вам территории, смакуя «Глен Гариох» пятьдесят восьмого года, задумчиво обронил он.
 - Редкие осечки, развел руками Кротов.

- По обычному тарифу, пожал плечами человек с генеральскими запонками. Каждая несостоявшаяся публикация в прессе о смерти на ваших объектах сто девяносто тысяч, каждая состоявшаяся плюс три процента к ежемесячным выплатам. Мы тоже несем имиджевые риски.
- Я вот чего не пойму, присоединился к разговору пухлый розовощекий очкарик, придушенный английским галстуком. При таких-то бюджетах что же используете киргизов на стройке? Я, ей-богу, побоюсь жить и работать в самом высоком в Евразии здании, если его собирали люди, всю жизнь прожившие в юрте... Неужели вы не можете позволить себе добросовестных немецких рабочих?
- Можем, отчего не можем... Думали уже. Да они столько пива жрут, печень ни к черту, пространно объяснил Кротов. И работают у нас, кстати, не киргизы, а таджики. Они непьющие.
- Техника безопасности? понимающе кивнул очкастый. Ну с немцами вы меня удивили, конечно. А таджики у вас тут ухоженные, не то что в этой псевдосталинке на Тверской...
- Обижаете, ухмыльнулся Кротов. У нас тут трехмесячный курс реабилитации. Чуть ли не чистка организма получается. Они все такими живчиками становятся, подтянутыми одно загляденье.
- Приятно иметь дело с таким современным, рачительным хозяином, широко улыбнулся третий из гостей, высокий и худой мужчина с узким черепом и скверно замаскированной плешью.
- Ну, знаете... Они ведь точно такие же люди, как мы, развел руками Кротов и зачем-то добавил: по счастью...

* * *

Слава Аллаху! Голова раскалывалась, рот, нос и глотку переполнял омерзительный горько-кислый смрад, но он был жив. Собрав все силы, Абдурахим приподнял с подушки голову и осмотрелся. Он лежал на каталке, совершенно нагой и прикрытый лишь сиротливой простынкой в застиранных кровавых разводах. В нескольких шагах от него находился большой операционный стол, над которым сгорбились трое облаченных в зеленые хирургические костюмы. Что же случилось? Абдурахим помнил шпатель, стремянку, провода... Чуть не убило током, но

его спасли! Воистину, русская медицина способна на чудеса. Случись такое даже в самом Душанбе, уже до захода солнца Абдурахима закопали бы, чтобы не кормить мух.

Он хотел было сказать докторам спасибо, но голос еще не вернулся к нему. Это Аллах его уберег: приглядевшись к тому, что происходило на операционном столе, Абдурахим похолодел.

Трудно дыша в пластиковый намордник, от которого к прозрачным электрическим мехам уходил гофрированный шланг, на столе лежал его знакомый плиточник, Фахраддин. Похоже было, бедняге крепко досталось: возившиеся с ним врачи были основательно перемазаны кровью. Абдурахим закрыл глаза и попросил Бога, чтобы тот помог Фахраддину выбраться из этой передряги целым. Что же могло с ним приключиться? Неужели сорвался с высоты?

— Пече! — произнес незнакомое слово один из врачей, и сразу вслед за этим что-то тяжело хлюпнуло.

Абдурахим навострил уши. Иностранец?

— Переворачиваем!

Нет, вроде говорят по-русски. Просто надо было старательнее учить язык, чтобы все-все понимать, а не только про строительство.

— Почки! — лязгнул хирург, и Абдурахим приоткрыл один глаз.

Уж это слово он знал хорошо: таджикские почки — лакомая цель для милиции и скинхедов, одни норовят угодить в них резиновой дубинкой, другие — засадить заточку...

Помощник достал из-под стола пластмассовый ящик с ручкой, вроде переносного холодильника, и главный доктор что-то туда осторожно положил.

— Переворачиваем!

Теперь Абдурахим глядел в оба глаза, чувствуя, как холодеет и намокает спина и все громче колотится сердце. Завизжала пила, смачно хрустнули кости, разошлась в стороны грудина. Хирург устало утер лоб рукавом.

— Сердце!

Ритмично попискивавший датчик завыл тонко и монотонно. Доктор опустил подергивающийся клубень в услужливо подставленный контейнер.

— Остальное так себе, — флегматично произнес он. — Это в рефрижератор, давайте следующего.

РАССКАЗЫ О РОДИНЕ

* * *

— A туалет, я извиняюсь, где? — Плешивый поднялся из кожаного кресла. — Пойдем, Славик, пройдемся? — обратился он к очкастому.

Кротов проводил удаляющуюся парочку настороженным взглядом.

- Ну что же, Аркадий Петрович, оторвался наконец от окна генерал. Теперь давайте уже серьезно с вами поговорим. У вас замечательный бизнес. Но вы же не думали, что он может пройти мимо внутренних органов, хе-хе?
 - Что вы...
- Замечательный, рентабельный, мудрый бизнес. Мне тут подготовили справку... Он опустил руку в нагрудный карман и извлек оттуда блокнот. Население Таджикистана на сегодняшний день составляет семь миллионов двести одиннадцать тысяч человек. Данные на июль, и сейчас их развелось еще больше, потому что рождаемость в стране высокая, три целых и четыре сотых ребенка на пару ваш бизнес требует именно такой точности, да? Рождаемость, храни господь Таджикистан, превышает смертность почти в четыре раза. Каждый год население страны прирастает на два процента. Газ когда-нибудь кончится, нефть иссякнет, но таджики будут вечно. Так сказать, единственный природный ресурс, запасы которого только увеличиваются. И тут так кстати вы со своим блестящим ноу-хау.
 - Я..
- Аркадий Петрович, ласково погрозил пальцем вспотевшему Кротову генерал. Не отпирайтесь. Мы многое слышали о том, что человеческая жизнь бесценна. Это не так: всему есть цена. Но какая удачная мысль монетизировать этот виртуальный капитал! Мне тут подготовили справку, он перелистнул пару страниц в своем блокноте, по развитым странам, Японии и США. Почки в среднем сто тысяч за одну штуку, две одинаковых почему-то дороже, сразу двести пятьдесят тысяч долларов. Печень от ста пятидесяти до трехсот тысяч. Сердце цены доходят до трехсот пятидесяти тысяч долларов. Ну и селезенка, конечно, и прочая требуха. Умножаем получаем. Шестьсот тысяч долларов за комплект плюс-минус, если все доставить быстро и в сохранности. Минус три месяца по семьсот долларов зарплаты этому комплекту минус взятки иммиграционной службе минус доставка органов пациентам, это, надо понимать, самое дорогое, но оптом скидка. И так по двадцать человек в день. Красиво! Изящно, Аркадий Петрович. Да кому после этого нужен строительный бизнес?

Кротов перекрестился и шагнул к открытому окну.

* * *

Абдурахим нагишом мчался по коридору так быстро, как никогда в своей жизни не бегал. Летел мимо рядом деловито жужжащих хромированных агрегатов, в которых словно в ваннах отмокали тела почти всех его товарищей по бригаде... Несся мимо бесконечных рядов холодильных камер, на дверцах которых, будто на дверях кабинетов, висели таблички с чьими-то именами. Перепрыгивал через каталки, расталкивал опешивших от такой прыти охранников...

Впереди маячило пятно света — выход на балкон. Если повезет, там окажется пожарная лестница. И тогда уже никто его не остановит, никто! В лицо ему дохнуло необычайно свежим для этого чахоточного города воздухом... Он стоял на одном из самых верхних этажей «Памира», рыхлые облака пластались в нескольких десятках метров внизу, а здесь было солнечно, как в родной Ферганской долине, и небеса действительно казались совсем близкими.

Пожарной лестницы здесь нигде не было. Просто обзорный балкон, может быть, курилка. А выход в коридор уже перекрыли охранники, за спинами которых маячили люди в зеленых одеждах.

Абдурахим с обезьяньей ловкостью вскарабкался на высокое ограждение и застыл, представляя, как сейчас нырнет в облака.

* * *

— Ну-ну, не надо глупостей. — Генерал примирительно поднял ладонь. — У нас же не звери работают, в конце концов.

Кротов, успевший уже перекинуть одну ногу за окно, выжидающе замер.

- Пятьдесят процентов от оборота и добровольные пожертвования материала, генерал подмигнул, в фонд ветеранов групп особого назначения. Там это добро всегда пригодится.
 - Пятьдесят? недоверчиво переспросил Кротов.
- По-божески, а? Президент запретил кошмарить бизнес, не слышали? Живи и дай жить другим, вот наше кредо.
 - Я не...
- Поверьте, от сотрудничества с нами вы только выиграете. Вот, например, вы куда сейчас деваете отходы? Ну, все то, что остается после изъятия органов?

TA /I		
 IVI	ы	

— Это риторический вопрос, не волнуйтесь. Мне подготовили справку. Скупили сеть киосков шаурмы и утилизируете. Аркадий Петрович! Ведь это до первой серьезной проверки. А вот мы давно и успешно работаем с Микояном. И их, уж поверьте, никто никогда не проверяет.

Кротов, механически кивая и вытирая ладони о штанины, вернулся к своему столу. Из туалета возвращались заметно оживившиеся чиновники, перешучиваясь и пихая друг друга в бок кулаками.

- Удивительные у вас сортиры, оценил очкастый. Вот эта вот сенсорная панель и самонаводящееся биде! Вы опережаете свое время, чесслово, Аркадий Петрович!
- Слушайте, Аркадий Петрович! А не хотите к нам, в Партию, а? Нам ведь тоже нужна свежая кровь! подмигнул плешивый.

Кротов устало и понимающе кивнул, приготовился было поблагодарить за приглашение, но тут...

...За окном мелькнуло что-то большое и черное, резанул слух и тут же стих короткий вопль. Аркадий Петрович вздрогнул и присел, чиновники переглянулись. Генерал достал карандашик и сделал пометку в своем блокнотике.

— Это по обычному тарифу, — заверил он Кротова. — Да расслабьтесь вы, расслабьтесь. Всё, хэппи-энд!

Протез

— Я прекрасно понимаю, что «силикон» на русский язык переводится как «кремний». За примерами далеко ходить не надо, возьмем прямо из отрасли: знаменитая Силиконовая долина на самом деле называется Кремниевой долиной. Что логично: именно из кремния делают микросхемы, на которых зиждется весь американский хай-тек, от CISCO до Microsoft. И все же я настаиваю: в русском уже есть устоявшийся термин, пусть и заимствованный. Он привычен конечному потребителю. Он вызывает у него доверие и игривые мысли. Он прочно ассоциируется с гламуром, с достатком и с dolce vita в ее ярчайших проявлениях. Для многих это слово означает пропуск в лучшую жизнь. Оно воплощает перфекционизм, бесконечное стремление к улучшению себя, причем самым радикальным, смелым, хирургическим путем. All in all, уважаемые коллеги, используя этот термин для позиционирования нашего нового продукта на российском рынке, мы должны придерживаться той терминологии, которая здесь уже прижилась. Было бы непозволительной расточительностью отказываться от всего пласта позитивных образов, наработанных индустрией за последние двадцать лет. Dixi.

Гольдовский выдернул свою флэшку из ноутбука, завершая анимированную презентацию. Карикатурные человечки, чешущие голову над табличкой с надписью «СИЛИКОН!», ушли в небытие, а на экране выскочило сообщение об ошибке. Гольдовский окинул собравшихся цепким взглядом, вычисляя скептиков. Над разработкой рекламной стратегии его команда работала уже неделю, и ему страшно не хотелось ничего менять.

Гениальная идея пришла ему позапрошлой ночью, когда он отчаянно искал изящный эвфемизм для слова «протез». Насадка? Вставка? Имплант! Остальное родилось само, он еле успел направить хлынувший поток слоганов в компьютер. Спать не пришлось вообще, но увесистая подшивка с детально прописанной концепцией была готова к сроку.

Делегация заказчиков сидела с отсутствующим видом, механически перелистывая разложенные на столе папки. Гольдовский прекрасно знал, что, назначая презентацию на понедельник, он удваивает свои шансы подавить любое сопротивление в зародыше. Судя по мятым и опухшим лицам, у большинства сидевших с той стороны стола были трудные выходные. Многим из них сейчас очень пригодилась бы услуга, которую они собирались продавать.

— Мы ведь просили вас избегать именно этого слова, — все же возроптал вражеский директор по маркетингу.

Массивное золотое кольцо на пухлом пальце... Небось, уик-энд провел на даче с женой и детьми, поэтому сейчас мыслит четко, все помнит, но оказался в меньшинстве среди своих же.

Их генеральный, подтянутый и подкопченный в солярии хлыш в дизайнерских очках без диоптрий, медленно, как барбус в аквариуме с застоявшейся водой, повернулся к нему. «Сейчас вступится — из корпоративной солидарности», — понял Гольдовский. Приободренный рыбым взглядом руководства, директор по маркетингу продолжил:

— Есть и целый ряд негативных ассоциаций. Прежде всего то, что для многих «силиконовое» означает синтетический заменитель натурального. Эрзац. Подделку. И кроме того, мы вынужденно уходим из области медицины, науки — в область опостылевшего гламура, бессодержательного глянца!

Генеральный, не успев открыть рот, нахмурился, и директор по маркетингу испуганно смолк. Гольдовский, понимая, что оппонент только что забил гол в свои ворота и матч, по сути, уже выигран, все же не смог отказать себе в удовольствии пересмотреть решающий удар в замедленной съемке.

— Да что вы? А не в глянце ли вы и собираетесь рекламировать ваш продукт? Вы вообще не забыли, кто ваша основная аудитория?

* * *

Танюшка так убегалась по Столешникову, что к ланчу еле держалась на ногах. Решила перекусить тут же, в модном баре, расписанном под палехскую шкатулку. Заказала что-то с рукколой, что-то с сельдереем, экзотический фрэш. Вытряхнула из символической сумочки телефон со стразами и обиженно надула в него и без того пухлые губки:

Рассказы о Родине

— Кать, ну ты где?

Подружка мучительно парковала свой вагинально-алый «Континентал Джи-Ти» на Петровке, значит, Тане нужно было перемотать вперед минимум десять минут. Она достала из черного бумажного пакета с новыми сапогами тяжелый, как шапка Мономаха, модный журнал.

Прилежно изучила первые двадцать страниц, забитые рекламой, старательно запоминая новые названия. Стала читать оглавление, но быстро утомилась. Листнула дальше, скользнула взглядом по явно проплаченной статье о чудесах пластической хирургии и вдруг увлеклась.

Когда наконец подошла Кэт, раскрасневшаяся от исполнения фигур высшего пилотажа и перебранки с парковщиком, Таня даже не обратила на нее внимания. Катя не стала обижаться: ей не терпелось поделиться свежей сплетней:

— Прикинь, чего Олька себе замутила!

Таня вскинула на нее круглые глаза, в которых уже горел огонь желания. Все сделанные ранее операции, все эти незначительные улучшения линии груди, будничные липосакции на бедрах и надувание губ меркли на фоне того, что обещал с ней сделать журнал. Через мгновение ее глаза округлились еще больше: выяснилось, что Олька ее опередила.

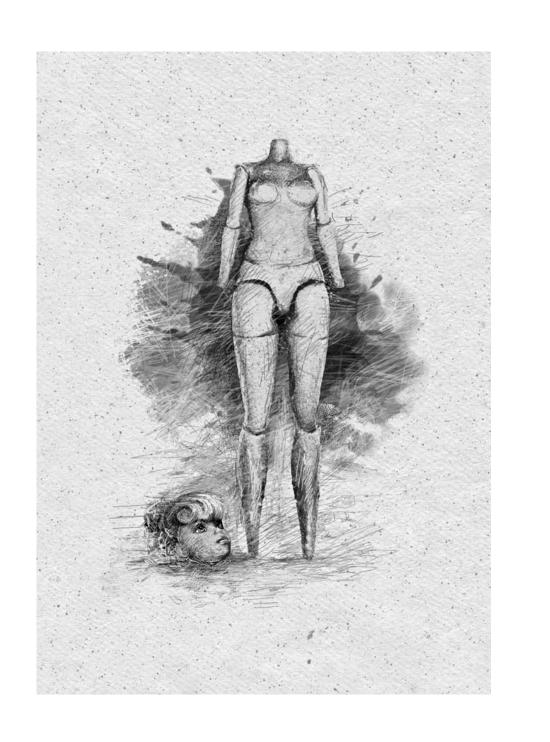
- И как, не страшно? Все-таки не просто пластика...
- Доктор ей сказал, ничего особенного. Типа, вшивают маленький имплантик, и все. Заживает через пару недель.
- Ну Олька дает! Только появилось, а она первая в очереди! восхищеннопрезрительно воскликнула Таня.
- Да она, блин, в этой клинике круглосуточно пасется. Одни сиськи себе уже три раза переделывала. Немудрено.
 - А теперь уже очередь, наверное, протянула Таня, глянув на часики.
- Я бы не стала. Кэт почему-то поправила лиф и уточнила: Сейчас. Пока еще не испытано как следует... У меня было уже. Зашьют говно какое-нибудь тайваньское, а потом еще сама платить будешь за повторные операции.
- Да нет, сейчас пока материал весь штатовский, качественный. Таня накрыла ладонями журнальную статью, словно защищая ее от нападок. Я бы сделала. Прикинь, что с мужиками должно твориться!
- Олька говорит, млеют! захихикала Катя. Они об этом уже сколько веков мечтают! Да за это нобелевку надо дать, как за виагру!

- И сама себя чувствуешь, наверное, по-другому, предположила Таня.
- Ну конечно, согласилась Кэт. Я грудь-то когда сделала, потом такая гордая ходила, что мужики просто на взгляд и на осанку клевали. С одного показа чуть с Π рохоровым не уехала. А тут такое!
- Жалко, когда я в институте училась, такое нельзя было сделать, улыбнулась Таня.
- А тогда тебе и не нужно было, по молодости, возразила Катя. Естественные формы в мини обеспечивают сдачу любого зачета.
- Ну не знаю... Вдруг еще для чего-нибудь пригодится? нахмурила бровки Таня. Слушай, а сколько это стоит-то?

* * *

- Все зависит от объема вмешательства. Приятный пожилой мужчина во врачебном костюме американского образца почтительно передал ей яркий проспект. Мы предлагаем несколько стандартных вариантов имплантов. Базовый Shine! всего шесть тысяч евро, но это бюджетное решение, может быстро устареть. Потом идет эконом-класс, Immediate Reaction, стоит десять. Популярно среди тех, кто делает операции в кредит. Далее имплант Illumination, крепкий бизнес-класс, обойдется в пятнадцать тысяч. Ну и наш премиум, Deep Blue. Стоимость определяется индивидуально.
 - А какие чаще берут? Таня поерзала на бежевом кожаном диване.
- Смотря кто... Доктор заговорщически улыбнулся, давая Тане понять, что достойные люди вроде нее не должны мелочиться.
 - А кто вообще делает? Таня вдруг испугалась оказаться не в тренде.
- Имена клиентов раскрывать мы не имеем права, сами понимаете, посмотрел на нее с ласковым укором врач. Но по секрету могу сказать, что через нас уже прошли несколько очень известных людей. Звезды эстрады первой величины.
- Правда? А среди них есть кто-то из тех, что на коньках катаются? Танюша кивнула в сторону аристократической плазменной панели, демонстрирующей чудеса современной медицины.

Доктор с достоинством кивнул, и Таня расслабленно откинулась на спинку. Она так и знала: загадочные перемены, случившиеся с некоторыми участникам ле-

довых побоищ в последнее время, можно было объяснить только хирургическим вмешательством. Что-то другое вряд ли бы им помогло.

- Скажу вам больше. Мужчины к нам тоже обращаются, доверительно сообщил доктор. И очень серьезные люди.
 - Они тоже собой в этом плане недовольны? прыснула Танюша.
- Ну, они же меряются друг с другом, подмигнул ей доктор как-то совсем по-мальчишески. И даже у самых самодовольных иногда проскальзывают сомнения в своей состоятельности.
 - И олигархи? Она изумленно взмахнула ресницами.
- И даже сотрудники администрации, шепнул ей врач. Берут эксклюзив. Я слышал, им аппарат оплачивает.
- Вот это условия! восторженно зарделась Таня. Оплачивают даже аппарат... Значит, сейчас уже часто делаете?
- Нет, разумеется.. Если честно, думаю, со временем все приличные страховые компании включат это в стандартный набор услуг. У нас ведь, сами понимаете, почти все население нуждается в такой операции. Генетическая проблема, еще классиком подмеченная. Делают же в Бразилии почти все поголовно уменьшение груди... А у нас вот другое наболело.
 - Кстати, не больно? вспомнила Таня.
- Ну что вы... Все делается на современном швейцарском оборудовании, под полным наркозом. Вот здесь, доктор указал на висящую на стене схему, делаем аккуратный надрез...
- Ой, ладно, не рассказывайте, а то я еще передумаю. Где расписаться? заторопилась она.

* * *

- Котенок! Я тебя заждалась! Таня одернула черный пеньюарчик и отрепетировала призывный изгиб перед вмонтированным в шкаф зеркалом.
 - Ща я, зубы почищу, донесся усталый рык.

Наконец Армен, почесывая поросшие черным выонком плечи, развалистой борцовской походкой преодолел тридцать метров от ванной комнаты до алькова. Навис над ней, ослабил узел, и тяжелое махровое полотенце упало на пол, давая Тане сигнал к действию.

РАССКАЗЫ О РОДИНЕ

 Котенок — робко сказала она, снизу вверх заглядывая в его карие гла-
за. — $Я$ хочу сделать тебе подарок.
Армен насторожился.

— Конечно же все программное обеспечение отечественного производства, —
объяснил очкастый консультант. — Железо импортное, софт наш. Мы их ПО да-
же не устанавливаем, полная несовместимость, может сгореть.
 — Ну ладно! А что из нашего есть? — протянул Армен с деланым безразличием. — Вот, пожалуйста, несколько хороших пакетов. Это — «Умники и Умницы».
Вся школьная программа до девятого класса включительно.
— A десятый—одиннадцатый? — возмутился Армен.
— Это в варианте «Большие Умники и Умницы». Но лично вам я рекомендую
скорее пакет «Светская львица». Содержание всех номеров Vogue и l'Officiel за
последние три года.
 Ой, хочу-хочу! — совсем как маленькая всплеснула руками Танюша.
— Стоимость — пятнадцать тысяч рублей, — сказал консультант. — Но ес-
ли добавить всего десять тысяч, получите пакет «Интеллектуальная блондинка».
Содержание всех номеров Vogue и l'Officiel за последние три года плюс школьная
программа до одиннадцатого класса включительно.
— Ой-ой-ой! — Таня пришла в полный восторг и утратила дар речи.
— Слушай, брат, а попроще чего нет? Можно, чтобы с журнальчиками, но
школа до девятого класса только? — отозвал консультанта в сторону Армен.
— Вообще-то есть, предыдущая версия «Блондинки». Однако стоит она ров-
но столько же, так что экономии никакой. Зачем вам?
— Ну как сказать? Вдруг слишком умной станет — Армен опасливо огля-
нулся на свою подругу.
— A мы предоставляем вам возможность, так сказать, соблюдать паритет, —
угодливо улыбнулся консультант. — Предлагаю вам пакет «Бизнесмен»: включа-
ет лицензионную копию «1С: Предприятие», «1С: Бухгалтерия», живой апдейт
основных котировок плюс база сайта Индивидуалки.ру.

чиво, и он подумал: какого черта, бабе можно, а ему нет?!

— Да я еще... — начал было Армен, но предложение звучало слишком заман-

Оплатив покупку, пара перешла в другое помещение, столкнувшись в дверях с невысоким стильно одетым брюнетом средних лет. Подойдя к консультанту, Гольдовский спросил:

- Ну как?
- Вы знаете, Марат Яковлевич, мужчины неожиданно много берут. Их только название железа часто отпугивает.
- Ну да, ну да. Ну, может быть. В конце концов, тот же l'Oreal мужскую линию совсем по-другому дает... бубнил себе под нос Гольдовский. Ну, пусть для мужчин кремниевым называется... Хрен с ним, переделаем.

* * *

Танюша опустила веки и полной грудью вдохнула из пластиковой маски. Полупрозрачный поток снотворного газа подхватил ее, укачал и понес далеко-далеко, в новую прекрасную жизнь. Убедившись, что девушка спит, хирург включил циркулярку и поднес ее к Таниному темечку, на котором маркером была обозначена линия разреза.

Ассистент, дожидаясь своего часа, распаковывал крошечный чип, который предстояло вживить пациенту, и изучал недавно повешенный в операционной красочный постер.

Плакат, удачно стилизованный под американские ріп-ир-открытки пятидесятых, изображал белозубую блондинку с шикарными формами, которая держала в руках маленькую коробочку, перевязанную атласными лентами, и счастливо улыбалась.

Надпись на постере гласила:

«Подарите вашей любимой силиконовый мозг!»

Панспермия

— Надо! — твердо сказал Сергей.

Кореянка, зачарованно уставившись в его стальные глаза, безвольно кивнула. Еще когда по старинной советской традиции они всем экипажем семнадцатой экспедиции смотрели «Белое солнце пустыни» без перевода, в фойе байконуровской гостиницы «Космонавт», она знала, как все будет. Сергей тогда время от времени наклонялся к ней, чтобы нашептать на ухо перевод очередной шутки или киноцитаты, высеченной в граните времен, но она слышала только его чеканное русское «р». От него веяло спортивным мужским одеколоном, свежим и сладковатым. И каждый раз, когда он щекотал ее ушки своим мятным дыханием, когда она слышала его мягкое рычание, ее сердце на миг переставало биться. И когда за несколько секунд до старта он приподнялся, чтобы еще раз проверить, надежно ли ее тело опутано ремнями, и успокаивающе прикрыл ее руку своей ладонью, она уже отдалась судьбе.

Ее мечта о космосе началась с пубертантных грез о космонавтах. И почему-то не Нил Армстронг, не Эдвин Олдрин глядели со стены тесной девичьей спаленки в ее кровать. Нет, сияющая улыбка русского пионера манила ее стократ сильнее. Она знала, что Гагарин погиб еще до того, как она появилась на свет. Но вырезанный из журнала черно-белый портрет в низком разрешении испускал почти видимую глазу ауру запретной чувственности. Он был русский, и любить его не полагалось. Он был павшим героем, и это придавало ему сходство с персонажем любимых анимэ.

— You have to, — ободряюще кивнул Олег. — It is an order. He's Commander of the Expedition 17, so he's your Commander, too.

 $^{^{1}}$ Придется тебе это сделать. Это приказ. Он — командир Семнадцатой экспедиции, а значит, и твой командир тоже (*англ*.).

- The command hasn't been handed over yet, возразила Пегги Уитсон. I'm still in charge here. And I officially object it. If you dare to consume alcohol aboard the ISS, I will formally complain to NASA.¹
- Come on, Peggy! Бортинженер Маленченко сделал бровки домиком. It was a hard long day. We've been so busy working, and then that press conference... We need to relax!²
- Oh Yuri, Уитсон недовольно нахмурилась. You start reminding me of those ridiculous ever-drunk Soviet cosmonauts from our stupid movies...³
- Редду, please! вступил наконец и сам Сергей. You know that it is a very special day for us three... 4 Еще немного дожать ее, ребята, шепнул он Юрию и Олегу Кононенко.
 - Very special day, подтвердил Кононенко. Very⁵.
 - Oh guys, come on... Голос Пегги дрогнул. You can't be serious...
 - The 12th of April! 7 на всякий случай уточнил Волков.

Пегги растерянно оглянулась на своего соотечественника. Но Гаррет Рейзмэн, с интересом наблюдавший за ходом прений, поспешно отвернулся и забегал пальцами по клавишам компьютера.

- The day of Cosmonautics!8 торжественно объявил Сергей.
- Goddamn, I know it, believe me! We've been celebrating it the whole freaking day! This press conference, and these wonderful Korean salads!.. Петти сердито сверкнула глазами на кореянку. Personally, I think we've been celebrating too much⁹.

 $^{^1}$ Руководство МКС еще не было передано официально, а значит, командую здесь я. И я официально протестую. Если вы осмелитесь употреблять алкоголь на МКС, я пожалуюсь в НАСА (англ.).

² Да ладно, Пегги! У нас был долгий и трудный день. Пришлось крепко потрудиться, а потом еще эта пресс-конференция! Надо же как-то расслабляться! (англ.)

³ О, Юрий! Ты начинаешь напоминать мне этих смехотворных вечно пьяных советских космонавтов из наших дурацких фильмов... (*англ*.)

⁴ Пегти, ну пожалуйста! Ты же знаешь, для нас троих — сегодня совершенно особенный день (англ.).

⁵ Очень особенный день. Очень (англ.).

⁶ Да ладно вам, ребята... Вы ведь это все не всерьез... (англ.)

⁷ 12 апреля! (англ.)

⁸ День космонавтики! (англ.)

⁹ Черт подери, я прекрасно знаю это, поверьте мне! Мы сегодня праздновали целый чертов день! И эта пресс-конференция, и эти распрекрасные корейские салатики!.. Лично я думаю, что мы как раз праздновали слишком бурно (англ.).

РАССКАЗЫ О РОДИНЕ

- Сеансов связи сегодня больше не будет? негромко уточнил Кононенко у Волкова.
- \mathcal{A} сказал, оборудование будет на профилактике. И вообще, у нас сейчас официально сон. Часа два точно в запасе есть. Отключай камеры.
- Редду, it is safe, no one will know, заверил упрямую американку Волков. Word of officer! 1
- Excuse me? Oh, whatever?! Okay, guys... Anyway, with this mission I've just set a new world record, I don't care, I can quit. Think about your careers yourself, what the hell I have to be your mummy... Уитсон взъерошила челку. Нарру Day of Cosmonautics, people!²
- O! одобрительно загудел Кононенко, извлекая из кармана соску и отбирая у Волкова бутылку.

Движения его были скупы и отточены до совершенства. Детская соска была натянута на оголенное горлышко со скоростью, которой позавидовала бы любая профессионалка. Ни единой капли драгоценного напитка не было пролито зря. Отвинченная пробка крохотным Sputnik'ом отправилась в космическое странствие по собственной игрушечной орбите.

Кононенко почтительно передал сосуд командиру Семнадцатой экспедиции. Тот отсалютовал бутылкой суровой американке и подмигнул затрепетавшей Ли Со F.н.

— Dear colleagues, — начал он. — Exactly forty-seven years ago Yuri Gagarin was here, on the orbit. And he was the first human ever to do it. My father knew him personally, you know. Gagarin told him once he saw things during his flight... So every time someone was said Gagarin was the first in space, he would always correct this man. Only the first human, he always insisted...³

¹ Пегги, это совершенно безопасно, уверяю тебя! Слово офицера! (англ.)

² Что, простите? О, да какая разница?! Ладно, ребята. Неважно, лично я этой миссией установила новый мировой рекорд, мне-то все равно, могу и уволиться. Заботьтесь о своих карьерах сами, какого черта я должна быть вашей мамочкой... Счастливого Дня космонавтики! (англ.)

³ Дорогие коллеги! Ровно сорок семь лет назад Юрий Гагарин был здесь, на орбите. И он был первым человеком, который сделал это. А надо сказать, мой отец знал его лично. Гагарин сказал ему однажды, что во время того полета он видел такое... И с тех пор, каждый раз, когда кто-то при нем говорил, что он был первым в космосе, Гагарин непременно уточнял: «Первым человеком в космосе» (англ.).

Он говорил и говорил на своем чудном и чудесном русском английском, и Пегги Уитсон уже морщинисто улыбалась, и Гэррет Райзмэн, осмелев, показался изза своего компьютера и потянулся к людям... А Ли Со Ен плыла в волшебной дреме. Время замедлилось для нее, и в одно слились две улыбки: мальчишеская, задорная — молодого русского командира, и порочная, зовущая — черно-белого Юрия Гагарина с портрета в ее спаленке. И глаза Волкова блистали отражением звезд, увиденных Гагариным. Он воплотился в этом человеке и нашел ее. Теперь она была в этом уверена.

- So, let's drink to the continuation of our international cooperation of space exploration, and to Yuri Gagarin, who paved the road to space for all of us, so that we could meet each other! закруглил свое выступление Волков и джентельменски вручил бутылку Пегги.
 - Na zdrovye! сдержанно откликнулась та.

Уитсон, которая на правах командира, сдающего космическую вахту, должна была первой пригубить vodka, отнеслась к этой почетной обязанности донельзя формально и с видимым облегчением вернула бутылку русскому.

- Все-таки боится, что свой же америкос и стуканет, сквозь зубы поделился Маленченко с Кононенко.
- Ну и бог с ней, тоже невнятно, стараясь не двигать губами, чтобы не попортить широкий дружественный оскал, ответил Олег.
- На эдоровье! принял вахту Волков и, решительно обхватив губами соску, сделал большой глоток. So, So-Yeon Yi, where are your famous Korean salads now? обратился он к девушке.

Ли Со Ен зарделась, попыталась было поклониться, но не рассчитала сил и ушла в сальто. Вынырнула она из него совершенно пунцовая от смущения, и опытный космонавт, чтобы сгладить неловкость, в нарушение штабной культуры протянул бутыль сразу ей. Кореянка, неожиданно даже для себя самой, вцепилась в сосуд, приникла к нему и отважно вдохнула огненную жидкость. Алкоголь ласково притронулся к ее сознанию, навевая игривые ассоциации, заставляя вытянутое бутылочное горлышко с соской на конце превращаться... Превращаться...

¹ Так давайте же выпьем за продолжение международного сотрудничества в освоении космического пространства, и за Юрия Гагарина, который проложил дорогу в космос для каждого из нас, так что все мы смогли здесь встретиться (англ.).

 $^{^2}$ Итак, Ли Со Ен, где там были твои знаменитые корейские салатики? (англ.)

Рассказы о Родине

- I'll bring the salads... Sergey, Ли Со Ен отчаянно попыталась взять себя в руки, did you like the kchim-chi cabbage salad? The hot one?
- Oh yeah... I always like it hot^2 , вальяжно растягивая гласные, ответил Волков.

Бутылка пошла по кругу. Пегги, сославшись на усталость, покинула компанию, но Гаррет остался. После полугодового отсутствия тренировок и с учетом невесомости, пол-литра по неизвестным астрофизическим формулам по воздействию приравнивались к полутора. Через несколько раундов Волков, увлекшись спором с Рэйзмэном, потерял кореянку из фокуса. Салат из капусты кхимчи пользовался оглушительной популярностью. Ли Со Ен, время от времени пытаясь встретиться взглядом с Сергеем, пела для Маленченко и Кононенко свою любимую песню «Отвези меня на Луну». Сквозь иллюминаторы в кабину с нескрываемым любопытством заглядывала Земля, ожидая развязки.

- I'll tell you what. Обычно сдержанный Рэйзмэн распалился и жестикулировал с такой силой, что с трудом удерживался на месте. — I am no rookie in this space business. I've graduated California Tech. And I don't believe in all this black cats crap... But look... The more I learn about organic chemistry, the more I think about life on Earth... The less I believe it could just appear out of nowhere... I'm telling you. It was created. We all were created. There's God's hand in it³.
- Garrett! горячился Волков. You know, religion is back in fashion in Russia. But communism had one right thing: materialism. And you will not convince me that this entire fucking Universe, он подплыл к иллюминатору и махнул рукой на звезды, крупные и яркие, как в Сочи, was just created by someone⁴. Дудки!

 $^{^1}$ Я принесу салаты... Сергей. Вам понравились салат из капусты кхимчи? Острый? (англ.)

 $^{^{2}}$ О да. Я люблю все острое... и горячее (англ.).

³ А я тебе вот что скажу. В космическом деле я не новичок, и вообще я технарь, Калифорнийский Технический оканчивал, и я не верю в черных кошек там и во все такое. Но слушай... Чем больше я знакомлюсь с органической химией, чем больше думаю о происхождении жизни на Земле, тем меньше я могу поверить в то, что она просто взяла и появилась из ниоткуда. Говорю тебе, ее создали. Всех нас создали. Тут рука Господа (англ.).

⁴ Гарретт! Ты знаешь, у нас в России религия сейчас снова в моде. Но и в коммунизме было кое-что хорошее — материалистическое мышление. И ты меня не убедишь в том, что вся эта чертова Вселенная была создана кем-то одним (англ.).

- Okay! Okay! But do you seriously believe that life has just occasionally appeared on Earth? Do you really think that it has never existed elsewhere, and then, nowhere but on our goddamn little planet it just occasionally sprang up? Come on! Рэйзмэн вернулся от иллюминатора к бутылке.
 - О чем они спорят? спросил Маленченко у Кононенко.
 - Откуда взялась жизнь на Земле, нетвердо отозвался тот.
 - До вопроса жизни на Марсе еще не дошли?
 - Приближаются, оценил ситуацию Кононенко.
- The so-called «vodka effect», ухмыльнулся Маленченко. Мужики! вмешался он в дискуссию Волкова и Рэйзмэна. Have you ever heard of the Panspermia theory?²
 - What? поморщился американец.
- There's a theory saying that all the life in the Universe comes from one source... And it spreads like a virus through the galaxies... Probably, someone is deliberately sawing its seeds... And probably, it's just happening occasionally³.
- Okay, I can agree that there was some meteor that contained some bacteria as it strikes the empty and dead Earth, допустил Волков. And that it can bring the seeds of life to it. But hell, it doesn't explain how these bacteria appeared where they came from...⁴
 - Came from somewhere else, I suppose⁵, пожал плечами Маленченко.
- I think you could be right, неожиданно поддержал Юрия американец. Life coming from one source in the Universe... That's it. That's it!⁶
 - That's what? 7 уточнил Волков, прикладываясь к бутылке.

¹ Хорошо! Хорошо! Ну и что же, ты веришь в то, что нигде во Вселенной жизни больше нет и никогда не было и только на нашей маленькой забытой планетке она взяла и прямо так появилась? Хорош! (англ.)

 $^{^2}$ Так называемый «водка-эффект»... Вы когда-нибудь слышали о теории панспермии? (англ.)

³ Есть такая теория, которая утверждает, что вся жизнь во Вселенной происходит из одного источника и она распространяется по галактикам как вирус. Возможно, кто-то намеренно сеет ее семена... А может быть, все это происходит случайно (англ.).

⁴ О'кей, я могу согласиться, что некий метеор нес на себе некие бактерии, когда он упал на пустынную и неживую Землю. И что он мог занести семена жизни на нее. Но, черт подери, это не объясняет, откуда эти бактерии взялись там, откуда они попали к нам! (англ.)

 $^{^{5}}$ Прилетели еще откуда-нибудь, видимо... (англ.)

 $^{^6}$ Я думаю, что ты прав! Жизнь, происходящая из одного источника во Вселенной. Да! Это оно! (anzn.)

⁷ Что — оно? (англ.)

РАССКАЗЫ О РОДИНЕ

- That's a clear manifestation of God himself! One origin, sawing life throughout the galaxies...¹
 - Whatever, устало согласился с ним Волков. If you're happy with it...²
- Absolutely. There's God's hand in giving birth to life, and God's will in spreading it, in transporting its every piece in the right direction, giving it a soil where it can prosper and reproduce!³

Ли Со Ен, поникшая от нехватки мужского внимания и развлекавшаяся игрой с корейским национальным цветком, который она пыталась поместить в водяной шар, при слове «репродукция» воспряла и кинула полный надежды взгляд на Волкова. Тот, уставший от экзистенциальных дебатов, улыбнулся и кивнул ей.

- Some more kchim-chi salad? робко спросила она.
- Yes, please. I need something hot. Very much 5 , вспомнил он точку, на которой прервался их многообещающий разговор.

Кореянка незаметным движением высвободила волосы из колодок заколки, и они, разметавшись черными лучами вкруг ее точеного личика, превратили ее в настоящую маленькую звезду. В звезду, которая и была подлинной целью его космической одиссеи.

Рэйзмэн, наставительно воздев палец кверху, вскрикнул «God's will!» и захрапел. Маленченко и Кононенко, видя, что орбиты Ли Со Ен и их командира пересекаются со всей неизбежностью, тактично ретировались.

Волков обнял Ли Со Ен за талию и увлек к иллюминатору. Она уперлась ладонями в стену, а разгоряченным лбом — в холодное черное стекло. Он испытующе провел рукой по ее гибкой кошачьей спине; она льнула к нему, отзывалась чутко на каждое его движение. Он играючи, словно обхаживая клавиши аккордеона,

¹ Это ясное проявление Господа! Единый источник, сеющий жизнь по всем галактикам! (англ.)

 $^{^{2}}$ Ну и фиг с ним. Если тебя это устраивает... (англ.)

³ Абсолютно! Очевидно вмешательство руки Господней в зарождении жизни, и Божественной воли в распространении ее по Вселенной. В том, что каждая ее частичка направлялась на благодатную почву, туда, где она смогла бы процветать и размножаться! (англ.)

⁴ Может, еще салатика из капусты кхимчи? (англ.)

 $^{^5}$ Да, было бы здорово. Мне сейчас очень нужно что-нибудь острое. И горячее. Очень (англ.).

расстегнул враз все застежки на ее комбинезоне, и миг спустя тот ушел в свободный полет. Тогда Сергей по-хозяйски намотал прекрасные смоляные волосы Λ и Со Ен на кулак и показал ей звезды.

* * *

- Олег, вставай! Волков тряхнул Кононенко за плечо.
- Что такое? Бортинженер с трудом продрал глаза и удивленно уставился на командира 17-й экспедиции.
 - Надо от вещдоков избавляться.
 - Выходить будешь? очнулся наконец Олег.
- А что делать? Протащить бутылку на борт еще как-то можно... А куда ее тут прятать? Вдруг во время сеанса связи выплывет...
- A что ЦУПу докладывать? лихорадочно пытался сообразить Кононенко.
- Как обычно. Обнаружены неполадки в одной из солнечных батарей. Принято решение внепланово выйти в открытый космос и устранить неисправность.

Створка шлюза раскрылась, и от причудливого белого коралла МКС отделился бесформенный полупрозрачный пузырь. Неспешно переваливаясь и перетекая, он иногда выпячивал из своего чрева цилиндрические очертания — словно ребенок бил в живот матери ножкой изнутри — и снова поглощал их.

По подсчетам, на земной орбите находятся 1147 тысяч предметов так называемого космического мусора. Замороженные до температуры абсолютного нуля, не подверженные тлену, они навечно обречены водить свой проклятый хоровод вокруг нашей планеты. Целлофановый пакет, содержащий пустую водочную бутылку, и завязанный на бесхитростный узелок использованный презерватив ожидала та же тоскливая судьба.

Все изменил астероид, зарегистрированный в звездном каталоге под номером 18794 и известный астрономам под именем «Айюб Гулиев». В какой-то момент его траектория перерезала планетарную орбиту и, подхватив целлофановый пакет, унесла его за пределы Солнечной системы. Через несколько тысячелетий он столкнулся с другим космическим телом, не учтенным астрономами уже опустевшей Земли. Пакет сделал пересадку и отправился в созвездие Тау Кита, где спу-

стя полтора миллиона лет вошел в прореженную кислородную атмосферу одной из планет и упал в безжизненный водородный океан.

Шестьсот миллионов сперматозоидов — практически население всей Европы — погибли при посадке. Но более примитивные организмы сумели выжить. И размножиться.

* * *

- God's will! всхрапнул Гарретт Рэйзмэн.
- Оттащи его в каюту, пока он не проснулся, приказал Волков Кононенко, пряча детскую соску в нагрудный карман комбинезона.

¹ Воля Господня!

ПЕРЕД ШТИЛЕМ

Из окна Иванова, заслоняя собой вид на город, было видно только непостижимо большой воздушный шар с надписью «Вперед, Россия!». Андрей Богов смотрел на этот шар, моргал, пытался проглотить вставший в горле ком, силился чтото сказать и не мог...

— Прости, Андрей, ничего личного, — дежурно вздохнул Иванов.

Тело Богова сковал могильный холод. Эта гангстерская отговорка, с которой его сейчас заливали цементом, готовясь сбросить в Гудзон забвения, и эта гангстерская легкость и безжалостность, с которой ему вынесли приговор... Нет, его не пугали, просто решили с ним расправиться, не объясняя даже, где и когда он оступился, как будто он не служил им верно все эти годы. Им? Народу!

- Лучше пристрели меня, попросил Богов у Иванова.
- Ну-ну, зачем драматизировать? холодно улыбнулся тот. Жизнь не заканчивается.
- Для ведущего самой рейтинговой программы канала ИксТВ с отлучением от эфира?!.. Разумеется, жизнь заканчивается! с жаром воскликнул Богов.
 - Некогда самой рейтинговой, поправил его Иванов.
- Да, я видел, цифры падают... Но это сезонное! И в прошлом году апрель был мертвым... А с сентября я планировал...
- Человек предполагает, а бог располагает. Иванов подобострастно погладил обложенный свежими фруктами и цветами белый гербовой телефон на своем столе.
- Неужели приказ сверху? Богов сразу сник, прекратил трепыхаться в своей заполненной цементом бочке.
- Приказы сверху в нашей стране только юридически оформляют коллективное бессознательное, ответил Иванов. Был опрос ВЦИОМа. Спрашивали что вы думаете о передаче «Дуэль» Андрея Богова. Спрашивали —

идет ли она на пользу телеканалу ИксТВ. Спрашивали — что вы думаете о Богове в целом.

Иванов разворошил бумаги на своем бескрайнем столе, нашел нужную — с клеймом ВЦИОМа — и откашлялся.

- Читать?
- Читай! словно Овод, командующий «Огонь!» своим палачам, произнес Богов.
- Читаем... Так... Так... А, вот. Большинство респондентов считают, что передача «Дуэль» Андрея Богова утратила свою первоначальную искру... За восемь лет в эфире... Шестьдесят три процента... Надуманные проблемы... Семьдесят процентов... Отсутствие настоящего конфликта... Пятьдесят восемь процентов... Предсказуемость результата голосования зрителей... Шестьдесят процентов... Излишняя интеллигентность ведущего... Девяносто процентов. Вяло, короче. Нету адреналина.
 - Но моя аудитория любит...
- Андрей! Иванов помахал результатами опроса. Нет твоей аудитории. Есть наша аудитория. И наша аудитория полюбила новую яркую концепцию вещания телеканала ИксТВ. Нашей аудитории нравятся сюжеты о том, как бультерьер съел младенца. Нашей аудитории интересна расчлененка. Наша аудитория хочет смотреть, как карлик в прямом эфире ведет репортаж из-под юбки Пугачевой. Это актуальные, жизненные темы. Что ты можешь предложить нашей аудитории?
- Я мог бы... Богов хватал ртом воздух, судорожно пытаясь придумать хоть что-нибудь.
- Андрей! Твоя программа осколок старого ИксТВ. Да, это осколок, засевший у самого сердца нашего канала, но именно поэтому его и надо удалить. Наша программная политика зиждется на трех китах: секс, смерть и деньги. И ты со своей вечной интеллигентской рефлексией здорово выбиваешься.
- Дай мне еще один день! Я исправлюсь. Завтра же принесу тебе концепцию обновленной программы, которая будет гармонично вписываться в ваш эфир. Программы, которую будет смотреть вся страна! Настоящий конфликт. Горячие темы...

В голосе его сквозило такое отчаяние, что Иванов, внутренне уже поздравивший себя с победой в этом непростом бою, похваливший себя уже за проявленные стойкость и мужество, в последний момент дрогнул.

Рассказы о Родине

- От меня, сам понимаешь, ничего не зависит, протянул он. Напишешь концепцию скинь на почту. Там, он воздел палец кверху, посмотрят. И решат.
 - Да, да. Ты уж только перешли им, заторопился Богов. А я все сделаю...
- Завтра чтобы все было. А то там на твое место уже очередь... Племя молодое, незнакомое, усмехнулся Иванов.

* * *

До глубокой ночи Богов метался по своему лофту, обдумывая план спасения. Приникал к ноутбуку, занося на хард-диск робкие, тщедушные идеи и тут же стирал, хлестал себя по щекам и умывался ледяной водой, варил кофе и бросал его выкипать, потому что в голову приходила новая мысль, в первую секунду казавшаяся гениальной, но почти сразу же разъедаемая кислотой сомнений.

Нужен ребрендинг, твердил себе он. Нужно наделить программу новой энергетикой. Им недостаточно конфликта? Что ж, Богов знал, как сделать передачу более драматичной. Не хватает эрелищности? Он даст им запоминающуюся картинку! Можно будет поменять и название, чтобы сразу дать аудитории понять: игры кончились, теперь все всерьез! Больше никаких дуэлей, никакой куртуазности... Ла! Но вот тема?

Для первой его передачи, только что прошедшей ребрендинг, нужна яркая тема. С одной стороны — глобальная, государственного масштаба. С другой — понятная и близкая каждому. Секс? Не хватает государственности. Смерть? Слишком большая конкуренция...

Измучавшись, Богов включил поздние новости. Попал на экономический блок: премьер-министр осматривал новейшие воздушные шары, только что введенные в эксплуатацию. Наполняемые благословенным западным ветром, парусиновые гиганты быстро оживали, распрямлялись, как сама поднимающаяся с колен страна, раздувались, как горделивые клещи невообразимых размеров.

Миг — и над полями Поволжья реет десяток трехсотметровых воздушных шаров, поддуваемых ветром с запада...

«Прирост экономики в этом году составит более семи процентов, — любуясь на шары, сообщил корреспондент. — Таким образом, запланированное к 2020 году удвоение ВВП будет достигнуто на пять лет раньше установленного срока!»

Богов, чернее тучи, выключил телевизор и полез в морозилку за водкой. Он чувствовал себя сейчас как пассажир поезда Соликамск—Москва, которого милиция ссаживает где-то на вонючем полустанке, как раз когда лучезарная и желанная столица с ее головокружительно красивой жизнью только забрезжила где-то вдалеке...

Хлопнуть водки Богов так и не успел.

Его муза, словно жалостливая проводница, улыбнулась ему и милостиво откинула железную подножку, и Богов, спотыкаясь на сыпучем гравии, набивая нахлынувшие вдруг идеи на клавиатуре ноутбука, успел-таки нагнать отъезжающий голубой вагон, успел вскочить на подножку и, раскрасневшись от бега и от счастья, тяжело дыша, забраться внутрь.

Еле уняв разбушевавшийся мозговой шторм, он упорядочил креатив в «Ворде» и нажал кнопку «Send».

* * *

- Яблоко принес? строго спросил Иванов.
- Конечно! взволнованно кивнул Богов.

Достав спелую антоновку, он передал ее Иванову. Тот, обтерев яблоко о пиджак, золотым ножом для резки бумаг отхватил от него дольку и осторожно положил рядом с белым гербовым телефоном. Богов не без удовольствия отметил, что его подношение сегодня оказалось первым. Настенные часы показывали девять утра.

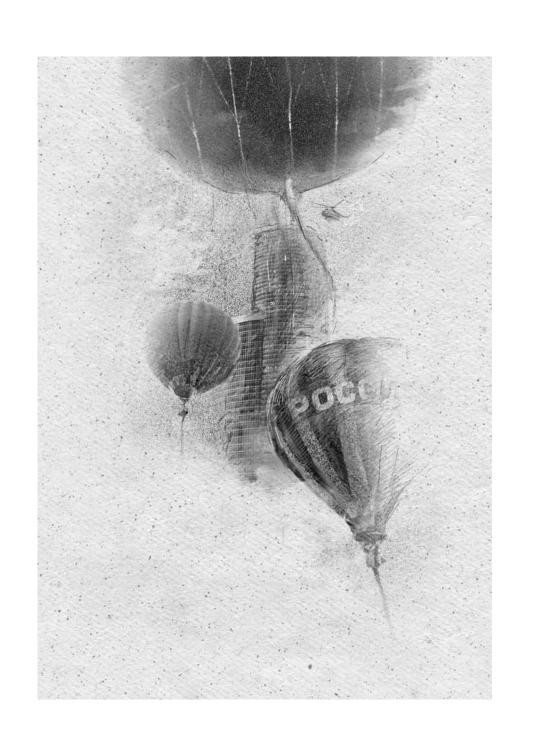
- Я слышал, некоторые им пузико ароматическим маслом умащают, тоже помогает, почти шепотом сказал он, исподволь поглядывая на телефон.
- Язычество какое-то, скривился Иванов. Ладно, к делу. Твои мольбы услышаны. Тебе дают еще один шанс. Давай обсудим концепцию по пунктам.

Богов в экстазе перекрестился.

— Что понравилось, — начал Иванов. — Во-первых, удачная мысль о смене названия. «Мордобой» мне лично импонирует куда больше, чем «Дуэль». Больше экспрессии, больше надрыва и, однозначно, намного народнее.

Богов скромно потупился.

— Новое оформление студии — тоже браво. Пусть это и обойдется нам в копеечку, но оно того стоит. Ринг, залитый жидкой грязью, на котором будут лоб в лоб сталкиваться политические оппоненты, — это красиво. Единственное, ты вот

тут предлагаешь, чтобы герои были одеты в борцовские трико. Мне лично кажется, что строгие костюмы дадут больше контраста. И еще можно считать баллы по итогам раунда... Кто проигрывает раунд, снимает с себя одну деталь одежды. Это позволит подключить женскую аудиторию.

- Отличная идея, согласился Богов.
- А если тема, например, свобода слова... Можно там Хакамаду позвать от демократов, а от единороссов, скажем, Хоркину, начал фантазировать Иванов. Молодец, в общем! похвалил он Богова.
 - Как озарение вчера случилось, зарделся тот.
- Теперь о неприятном, оборвал его Иванов. Тему ты выбрал опасную для первого выпуска. Не боишься, что ситуация выйдет из-под контроля? Все-та-ки прямой эфир!
 - Но они же хотели конфликта! Хотели ведь настоящую проблему!
- Допустим. Но стоит ли сейчас, когда в стране наступила долгожданная стабильность, тревожить народ апокалиптическими пророчествами? Зачем заставлять его задаваться лишними вопросами?
 - Рейтинги будут, уверенно сказал Богов.
- Будут, согласился Иванов. Ну, смотри... Не удержишь в правильном русле мы с тобой не знакомы и никогда раньше не встречались. Тебе-то терять нечего...
 - Беру всю ответственность на себя! решительно насупился Богов.
 - Иди, готовься. Иванов поднялся из кресла, сжал Богову руку.

А когда тот вышел из кабинета, Иванов покосился на белый телефон, нагнулся к селектору и попросил секретаршу:

— Арина! Ариночка, а пошли кого-нибудь за ароматическим маслом, пожалуйста. Нет, нет. Ну при чем здесь вазелин, глупенькая?

* * *

На этот эфир Богов собирался, как на дуэль, как на последний бой. Лично присматривал за рабочими, которые заполняли ринг жидкой грязью, две ночи напролет как школьник зубрил редакторскую справку по экономической ситуации в стране, как тренер сам массировал плечи обоим героям, накручивал их, рассказывая каждому, как его оппонент давеча сплетничал о нем на премьере лунгинского «За царя».

РАССКАЗЫ О РОДИНЕ

Потом, когда студия уже наполнилась отборной публикой — не какими-нибудь старушками по пятьсот рублей за передачу, а ухоженными женщинами и мужчинами среднего возраста по две с полтиной, Богов включил любимого «Тореадора» Бизе, надел свежевыглаженную белую рубашку, глубоко вдохнул. Все, пора!

— Погоди! — в гримерку шагнул Иванов. — Вот, тебе просили передать...

Он разжал кулак. Внутри оказалась маленькая бархатная коробочка — из тех, в каких принято преподносить обручальные кольца. Богов осторожно поднял крышку...

- Что это? Он покрутил в руках миниатюрный наушник телесного цвета.
- Внутренний Голос, с благоговением произнес Иванов. Это тебе только на время эфира. В нем будут комментарии от нашего куратора из Администрации. Если собъешься, Внутренний Голос подскажет.

Богов молча кивнул и осторожно вложил крошечный Внутренний Голос в ухо. По-военному отдал Иванову честь и вышел из гримерки.

— Это программа «Мордобой» и я, Андрей Богов! Вы ждали продолжения этого поединка десять лет, и сегодня он состоится! Дамы и господа, поприветствуйте наших героев! В левом углу ринга — политический супертяжеловес, бессменный лидер ЛДПР Владимир Жириновский!

Хорошо натренированная студия взорвалась овациями.

— В правом углу — возвратившийся в большую политику после травмы и многолетнего перерыва — Борис Не-е-емцов!

Хорошо натренированная студия жидко похлопала.

- Для этого грандиозного матч-реванша мы выбрали самую острую тему! Тему, которую не обсуждают по телевидению...
 - Кхм-кхм... сказал Внутренний Голос.
- Потому что просто не решаются за нее взяться! выкрутился Богов. Кто угодно, но только не мы! Но прежде чем наши герои схлестнутся в схватке, давайте посмотрим сюжет, подготовленный нашими корреспондентами!

Над рингом, чуть не погрузившись в жидкую грязь, развернулся экран. Заработал проектор, и белое экранное полотно превратилось в синее-синее небо, по которому под симфоническую музыку поплыли огромные воздушные шары. Потом вкрадчиво вступил закадровый голос:

«В последние десять лет экономика России растет ударными темпами. Денежные поступления в бюджет увеличиваются в среднем на десять процентов ежегод-

но. ВВП — на семь процентов в год. И происходит это прежде всего благодаря сооружению и вводу в эксплуатацию сверхсовременных воздушных шаров. Используя благоприятную климатическую конъюнктуру, правительству сегодня удается не только полностью выполнять социальные обязательства, но и повышать зарплаты бюджетникам в среднем на двадцать процентов в год, а пенсии — на восемнадцать процентов...»

На экране появились циклопические ангары, в которых муравьи-рабочие шили оболочки воздушных шаров, проводили испытательные надувы, собирали высокотехнологичные приемники конденсата, клеили километры гибких гофрированных труб...

«...Вслед за воздухопромом бурно развивается и шаростроительная отрасль, создавая сотни тысяч рабочих мест. Заработанные средства направляются в девелопмент, в автопром, на сооружение дорог...»

На фоне логотипа Минэкономразвития — стилизованного воздушного шара на фоне двуглавого орла — возникла чья-то говорящая бородатая голова. Голова поделилась прогнозами роста рынка на ближайшие два года.

«А сейчас отправимся в поволжское поле... И посмотрим, как быются эти сердца российской экономики. Воздушные шары считаются стратегическими объектами, и сюда нечасто пускают гостей... Но съемочной группе программы «Мордобой» удалось проникнуть на один из шаров, чтобы показать вам, откуда в нашей стране берутся деньги!»

Внутренний Голос в ухе Богова нервно сморкнулся.

«Давайте заглянем внутрь воздушного шара!» — предложил корреспондент, и публика действительно увидела разрез шара, отрисованный при помощи компьютерной графики.

«Шары изготавливаются из сверхпрочной синтетической парусины с особым конденсирующим покрытием на внутренней поверхности. Из материала, который требуется для производства одного шара, можно было бы пошить рейтузы для всего населения Лихтенштейна!» — гордо отметил корреспондент.

«Когда шары готовы, на сверхмощных тягачах они вывозятся к месту постоянного развертывания. Здесь их поднимают в воздух при помощи нескольких вертолетов Ми-26 и надевают на огромные держащие рамы. Все рамы сооружаются так, чтобы позволить шарам как можно более эффективно захватывать воздушные потоки, идущие с запада. Всего через несколько минут шары уже наполняются воздухом...»

Рассказы о Родине

— Красавец... — полувнятно шепнул Внутренний Голос, когда по экрану поплыл могучий, окрашенный в державный триколор шар с надписью «Петр Великий».

«Под действием западного ветра на внутренних стенках шаров постоянно образуется денежный конденсат. Естественным образом он стекает вниз — к воронке, которая ведет к сверхгибкой гофрированной трубе. Эти трубы уходят к самой земле, где денежный конденсат собирается в сверхвместительных приемниках-сборниках. В них конденсат преобразуется уже в пачки банкнот. Последнее достижение воздухопрома — производство из конденсата новых пятитысячных купюр. Именно отсюда деньги попадают в Центробанк, в бюджет Российской Федерации, на фондовый рынок, в государственные и частные банки и, наконец, через кредиты или зарплаты — в карманы граждан».

Вся студия, будто на сеансе Вольфа Мессинга, зачарованно уставилась на экран. У некоторых зрителей непроизвольно сжимались пальцы. Кое-кто даже рефлекторно сглатывал.

И вдруг один из титанических воздушных шаров начал сдуваться!

«Но что, если наше благосостояние не вечно?!» — каркнул корреспондент. Публика в ужасе охнула и принялась растерянно перешептываться.

Богов усмехнулся, довольный произведенным эффектом.

- Вот сейчас было на грани, произнес Внутренний Голос.
- Слово Борису Немцову! громыхнул Богов.

В полурасстегнутой льняной рубашке, загорелый и отдохнувший, Немцов подвернул штанины и сделал осторожный шаг вперед.

- Сегодня в стране построены и действуют около двадцати тысяч воздушных шаров, начал он издалека.
 - Двадцать три тысячи девятьсот тринадцать, вставил Богов.
 - Сука, принижает наши успехи, прошипел Внутренний Голос.
- И все они развернуты на Запад, сказал Немцов, брезгливо вступая в грязь.
- A вам-то чем Запад не угодил? широко шагнул вперед Жириновский, сразу провалившись в болото по колено. Я думал, вы их любите...
- При чем здесь это? Немцов засучил рукава и принялся кружить вокруг Жириновского. Разговор ведь не о обо мне... Это государственный вопрос...
- Да потому что вы продались давно! Потому что вам заплатили, чтобы вы смуту сеяли! Однозначно! Жириновский бросился вперед, головой ударил Немцова в живот, и тот, крякнув, осел.

- Позвольте... Но почему... Немцов поднялся, отряхнулся, почему у нас строят все ловушки для ветра, все воздушные шары только лицом к Западу? Почему такая непредусмотрительность?
- А куда их еще строить? Ветер во все времена дул с запада на восток, приходится признать. Жириновский подобрался поближе. У вас что, лишние средства есть, во все стороны рамы строить? А вы поделитесь с государством! У вас вот дача в Антибе, давайте продайте ее! У вас дети в Майями отдыхают! Чтобы вербоваться удобнее! Подонок! Жириновский изловчился и швырнул горсть грязи Немцову в глаза.
- Дорогие телезрители! Вы можете поддержать одного из наших героев, позвонив по телефонам, которые сейчас высвечены на ваших экранах. Вы платите только за телефонный разговор с Доминиканской республикой! И пока... Пока с отрывом в тридцать процентов лидирует Владимир Жириновский, — глянул прямо в камеру Богов.
- Но вдруг ветер однажды переменится?.. робко предположил Немцов, прокашливаясь. Вдруг однажды он подует с востока? Эти рамы... Эти ловушки для ветра... Их можно было бы хотя бы сделать подвижными... На шарнирчиках там... Чтобы поворачивать вслед за ветром...
- Сейчас пора бы сбалансировать либеральную истерику, подсказал Богову Внутренний Голос.
- За всю историю наблюдений в последние десять лет такого не было! встоял Богов.

Но инициативу перехватил Жириновский — наверное, у него имелся собственный Внутренний Голос, и он тоже призывал к действию:

- Да что вы нас пугаете?! Что вы народ пугаете? Нас не запугать! У нас пенсии во как растут! У нас военные квартиры получают! У нас медицина! У нас космос! Балет! Нанотехнологии! Мы народ, победивший фашизм! удар за ударом уминая нос Немцова, перешел в решающее наступление Владимир Вольфович.
 - Но почему...
- Брейк! И у нас вопрос участникам схватки от одного из судей! Богов знал, что слишком быстрое поражение обернется низким рейтингом. Слово поэту Игорю Перепелкину.

Перепелкин, худой и сломленный, скверно одетый, с эполетами из перхоти на костлявых плечах, поднялся со своего места. Обычно он был подавлен, выглядел как алкоголик и сильно заикался, поэтому его часто звали защищать либеральные ценности в политические ток-шоу.

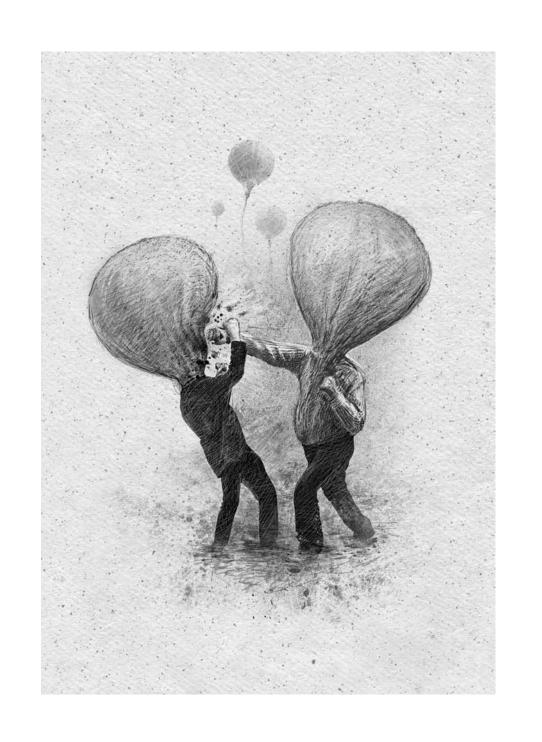
Рассказы о Родине

Но сейчас Перепелкин держался непривычно уверенно и почти не горбился. Богов насторожился, опасаясь провокации.

- А... А... Ска-а-... Ска-а-жите. А если ветер во... вообще сти... стихнет? с искренним интересом спросил он.
- Так... Готовимся уводить студию... На резерве две серии «Ментовских войн»... окреп и стал раздавать приказы Внутренний Голос.

Понимая, что вот-вот случится непоправимое, Богов, не прислушиваясь к нему больше, сам перешел в наступление.

- Да что вы говорите такое? Ветер в нашей стране дул всегда!
- Еще до Петра Великого, до Ивана Грозного, со времен основания государства Российского деньги тут делались из воздуха! поддержал его Жириновский. Говорить, что ветер однажды иссякнет, может только вредитель! Только трус! Он разбежался, оттолкнулся от ограждения и с лету заехал Немцову локтем в лицо.
 - Погодите с сериалом, смилостивился Внутренний Голос.
- Воздуху как основе благосостояния нашего государства и нашего народа нет замены! Богов, увлекшись, сам перелез за ограждение и побежал к сжавшемуся Немцову.
- A я-то что? Я ничего и не говорил... Тот прятал голову в руках, пытаясь защитить от ударов лицо.
- Ветер дул, ветер дует, ветер будет дуть всегда! Жириновский сел на Немцова сверху и принялся топить его в грязи. А такие наймиты, такие враги народа, как вы, просто мутят воду, потому что надеются однажды сами оседлать наши воздушные шары...
- По итогам зрительского голосования победил Владимир Вольфович Жириновский! Богов схватил Жириновского за пятерню со сбитыми в кровь костяшками. Борису Немцову засчитывается поражение! Он пнул ойкнувшего политика.
 - Еще поживешь, шепнул ему Внутренний Голос.
- Спасибо вам! крикнул Богов. Спасибо всем, кто смотрел эту передачу! Воздуха хватит на всех! Дышите глубже!
- Всем спасибо! прогундосил на всю студию режиссер. Эфир окончен. Богов, изможденный, но абсолютно счастливый, присел на краешек ринга и закурил. Подошел Иванов, ласково потрепал его по загривку.
- Двенадцать с половиной процентов. Доля тридцать. Пятьдесят тысяч звонков в Доминиканскую республику, твой интерес учтен.

РАССКАЗЫ О РОДИНЕ

Богов устало улыбнулся, развел руками.

- Слышь, Андрей Петрович, че-то он не дышит. Рабочий попинал лежащего лицом в грязи Немцова.
- Черт, увлеклись... Богов почесал в затылке. Но зато какие цифры... Он зажмурился и затянулся глубоко, как после оргазма.

* * *

«Прослушайте прогноз погоды на завтра, 1 июня 2008 года. В Москве будет солнечно, температура — днем плюс двадцать, ночью плюс пятнадцать градусов. На всей территории России завтра будет дуть сильный западный ветер. Ветер будет дуть и всю неделю...»

— Ветер теперь будет дуть всегда, — подмигнул себе в зеркало заднего вида Богов и переключил радио на музыку.

Благое дело

— Ничтожество! — взвизгнула Наташка.

Антон машинально пригнулся. После трех сорокапятидневных командировок в Чечню опасность он чувствовал спиной: тело реагировало независимо от сознания, с солидным опережением.

Граненый стакан ударил в стену прямо над его головой, взорвался стеклянной крошкой, хлестнул Антона по щекам и градом осыпался на пол. Антон разогнулся, стряхнул стекло с лаконичного мужского бутерброда — докторская на бородинском — и непоколебимо харкнул.

— Ничего, ничего ты не можешь! — вопила она.

От Наташкиного фальцета выла тихонечко пыльная посуда в серванте, согласно покачивала головой фарфоровая собачка на полке в коридоре и ползли вниз по холодильнику неказистые магниты с названиями городов: «Сухуми», «Кисловодск», и даже самодельный «Грозный».

Когда у Наташки перехватывало дыхание и она с хрипом набирала воздуху на следующий заход, паузу заполнял вкрадчивый бубнеж занявшего господствующую высоту кухонного телевизора. На заросшем жиром экране мелькали откормленные лица; кажется, шла вечерняя аналитическая программа.

Двести сорок миллиардов, подумал Антон. Двести. Сорок.

В комнате проснулся и заревел Сашка. Жалко пацана. Пойти, что ли, уложить его?

Антон встал с колченогого табурета, но сразу оказался перед шкафчиком с посудой. Кухня — ничего лишнего. Шесть квадратных метров. Плюнул на экранных политиков — и попал, щелкнул кнопкой и уткнулся в нержавеющего артиста Каневского. Антон кивнул Каневскому, как старому другу. Открыл шкаф, достал новый стакан, сел, налил. Закрыл глаза.

— Что же ты тогда работу такую себе выбрал, мать твою?! Ведь семнадцать тысяч рублей! Я даже школьным подругам признаться не могу!

Антон нащупал на клетчатой скатерти, сплошь покрытой колото-резаными, свой законный бутерброд и откусил. Колбаса, теплая, подозрительно упругая, жевалась нехотя. Антону на миг показалось, что это Наташкин язык у него во рту, что она его целует. С голодухи чего не покажется... Все последние месяцы в постели она от него отворачивалась. Воспитывала. Наказывала за медленный карьерный рост.

Тем временем в ящике вертелся артист Каневский, эксгумирующий преступников советских времен и заодно — собственную, той же поры, славу.

— В те времена коррупция казалась делом неслыханным, — гнул свое Каневский. — Именно поэтому расследование получило такой резонанс. Следствие вели...

Он замолчал, сквозь жир на экране пристально вглядываясь в кухонную мизансцену. Антон вздохнул и налил еще. С легендарным майором-знатоком пить было все-таки не так одиноко. Коньяк нахлынул, мутным черноморским прибоем уютно зашумел в голове. Антон зашел в зеленые воды с надувным матрацем, закачался на пенных волнах, задумался.

- Принципы у него! Нет, вы поглядите! Все люди как люди, а у этого чудака принципы! комаром, зубной болью нудела сквозь баюкающий шепот прибоя Наташка.
- Суки они все, товарищ Томин, как-то вообще сказал Антон, обращаясь к артисту Каневскому.

Он уронил голову на руки, укрылся от злой жены, от рыдающего сына, от государства Российского, от всей своей жизни идиотской укрылся и уснул. И снилось ему, что затопило к едреням весь этот паскудный мир, и ни одна тварь в нем не заслужила билета на Ноев ковчег, и только он, Антон, все валандался бесконечно средь темных вод на своем надувном матрасике, валандался...

* * *

И когда его утлый плот пристал наконец, получилось так, что опять к «Арарату». К точке отправления. Почти пустая бутылка с псевдоармянским коньяком высилась пред его глазами, и дальтонически напечатанная этикетка с горным массивом занимала все Антоново поле эрения.

За окном было пасмурно, и было уже утро следующего дня. Но в душе у Антона так и не рассвело. Во дворе чиркал метлой по асфальту пугливый кир-

гиз-дворник, бросались с веток вниз желтые листья, надеясь, наверное, разбиться, — и все, но вместо этого планировали медленно-медленно умирать своей смертью.

Голову хотелось охватить стальным обручем и стянуть — иначе или распухнет, или вообще развалится к чертям. «Арарат» брезжил впереди единственным спасением. Антон припал губами к горлышку и осушил бутылку.

Допил и прислушался.

Дома стояла зловещая тишина. Хорошо было слышно, как работает телевизор на кухне у соседей с третьего этажа, тоскливо выла рахитичная овчарка на пятом, пошел на утренний приступ случайной подружки студент из квартиры за стенкой... Но все эти привычные шумы, взболтанные в фоновый коктейль, незаметный, как жужжание холодильника, только потому и стали сейчас слышимы, что в Антоновой собственной квартире ни единого звука не раздавалось.

- Натапі

Он встал, схватившись за край стола, шагнул в коридор... На вешалке сдутым парусом болталась только его форменная дерматиновая куртка, а все Наташины вещи — и пуховик, и пальто, и шарфы — исчезли.

— Наташа! — тревожно позвал Антон.

Пустота.

Сашкина кроватка пуста. Раскладной диван, их супружеское ложе, даже не разобран. Сумочка Наташина пропала. Все пропало.

Антон шагнул в ванную. Крутанул скрипучий вентиль, пустил холодную струю, распрямился... И увидел прощальную записку — желтую самоклеящуюся бумажку, прилепленную на зеркало, — ровно в том месте, где отражался Антонов доб.

«Развод» было написано на ней.

Антон умылся ледяной водой под утробный аккомпанемент водопроводных труб, поскреб щетину и присел на край пожелтевшей ванны. Чувство было, будто руку отпилили. И обратно уже не пришить — гангрена. Тянули, сколько могли, но тут уже начался явный некроз, и запах пошел.

B комнате заиграл мобильник, гнусаво воспроизводя вручную набранную Антоном песню «Наша служба и опасна, и трудна».

Она! — вздрогнул Антон. Что же сказать?! Что все скоро кончится, что он вот-вот закончит одно большое дело, что его должны уже наконец повысить, премию дадут точно, надбавку... Потерпи еще немного, еще чуть-чуть, Наташ!

Бросился в комнату, выхватил из кармана брюк телефон — древний, тяжелый и огромный, как пистолет TT, и посмотрел на щель экрана...

— Да, Кирилл Петрович. Проспал. Болит. Приеду. Так точно.

Произвел осмотр бутерброда. Зафиксировал первые признаки разложения и выкинул. Сдернул с крюка куртку с четырехзвездными капитанскими погонами, хлопнул входной дверью. Дверь деревянная — пусть и первый этаж, а не страшно: все равно воровать у них нечего. И через расписанный свастиками подъезд скатился во двор. Стиснув зубы, купил в ларьке сигареты. В бумажнике осталось девятьсот шестьдесят два рубля. До получки — десять дней. На макароны хватит, на пельмени — нет. Ничего, будем жрать макароны. С кетчупом и солью — отлично. Да и просто с солью нормально.

Машина — «девятка», дряхлая, ржавая, одноглазая — зашлась в туберкулезном кашле, задергалась, как заведомый жмур под электрошоком в реанимации, но завелась, спасибо! И Антон выполз в Город — мимо жирного краснорожего гаишника, который на этом углу всегда доил пытающиеся прорваться в центр «Газели».

Б...ь продажная, сказал Антон гаишнику. По двести тысяч за смену, говорят, набирают. А ведь он кто? Старлей! Базовая модель баблоприемника, чуть ли не низшая ступень служебной эволюции, не зверек даже, а так — муравей-солдат. Рабочая пчела. Вибрирует полосатой частью своего тельца, собирает сладкий нектар. Часть — себе на пропитание, часть — наверх. Сколько их орудует на дорогах! Ладно бы еще гаишники только... И чиновники ведь все. Любой! Все подать собирают. И все наверх куда-то передают.

Антон как-то прочел, что годовой объем взяток в России составляет 240 миллиардов долларов. А бюджет государственный — триста миллиардов. С тех пор капитан все не мог успокоиться — куда они девают такую прорву денег? Что за 6...дский улей строят? Прожрать столько просто физически невозможно!

Двести тысяч за смену, с тяжелой тупой ненавистью сказал Антон гаишнику. Зачем тебе деньги?! Тебе, уроду, все равно ни одна баба не даст!

Стекла «девятки», конечно, были плотно закрыты. Гаишник увидел только, как у Антона шевелятся губы, и шутейно отсалютовал ему в ответ.

Как-то раз они с Наташкой ехали мимо из поздних гостей, этот гад их остановил и хищно принюхался, пришлось доставать ксиву и знакомиться. Теперь постовой считал Антона своим приятелем и чуть ли не подопечным, покровительственно ему улыбался и подмигивал заговорщически. Как-то раз Антону случилось попасть к урологу, который в начале приема вроде был с ним на «вы», но после об-

следования простаты через задний проход почему-то перешел на «ты». Нечаянно возникшая близость с гаишником казалась Антону сродни той давней истории.

Петровка ехала еще медленнее бульваров: мешала плотная, в два ряда набитая неприлично дорогими машинами парковка. Раньше такое же творилось и по ночам, но потом клуб «Дягилев», обитель порока и раковая опухоль на теле сада «Эрмитаж», задымился под пристальными ненавидящими взглядами сотрудников ГУВД из дома напротив и сгорел к едреням. И хорошо, подумал Антон, и слава богу. А то нервировало очень, когда он последним уходил с работы. Каждый вечер то есть.

Петровка, 38. Приехали.

Он бросил машину на аварийке, положил под ветровое стекло бумажку со своим телефоном и, ссутулившись, зашагал ко входу.

Как же — и как долго! — Антон мечтал сюда попасть... Когда служил в Туле, когда учился в Высшей школе, когда переводился в Москву, когда соглашался на фронтовые командировки... Вот, попал, наконец. Полжизни на это ушло. Из оставшейся половины еще три года перекладывал бумажки, пока, наконец, доверили настоящее дело. Если справится, обещали сделать старшим опером. И после против всех обыкновений затянувшейся беспросветной ночи, в которой тускло тлели четыре капитанских звездочки, на погонах Антона могла бы взойти яркая утренняя — майорская — звезда... Звезда пленительного счастья.

Надо было только довести это дело до конца.

А дело оказалось странным, нехорошим. Началось с таджика, рутинно разбившегося на очередной стройке века... Вопреки всем законам физики, чем глубже Антон копал, чем дальше уходил в кроличью нору своего расследования, тем выше оказывался. Дело увело следователя на такие высоты, где кружилась голова, а воздух был холоден и разрежен. К самым почти что небожителям увело. И как там, наверху, брали! И сколько! И за что!

Но ведь только на опасных делах и растут, убеждал себя Антон.

После первых же занимательных результатов Антона пригрел полковник Честноков. Кирилл Петрович объяснил тридцатипятилетнему капитану, что докладываться тот теперь должен только ему лично, чтобы информация не попала в руки к «крысам».

Антон и докладывался. Кирилл Петрович сурово хмурился, кивал и требовал, чтобы капитан продолжал расследование, держа его под грифом «секретно». Да и расскажи кому Антон, что на самом деле творилось за зеркальными стеклами не-

боскребов, в которых снаружи видны были одни облака, никто бы ему не поверил. Уволили бы задним числом и в дурку упекли. Как принято.

Папка с делом — толстая, увесистая — лежала у Антона в сейфе. А вошедший в раж капитан все подкармливал ее новыми фотоснимками, свидетельскими показаниями, прослушками... Вот-вот папка наберет критическую массу... Пойдет цепная реакция... Молчать после этого уже будет нельзя. Рванет так, что мало не покажется. И все тогда будет по-другому.

Только Кириллу Петровичу — полковнику, направлявшему Антона, выслушивавшему его и никогда не вмешивавшемуся в его расследование, — только ему можно довериться. А он уж разберется, что делать.

* * *

- Дело ты сдаешь, Ломакин, буднично сказал Кирилл Петрович.
- Как это... Кому сдаю? Антон глядел на полковника загнанно, непонимающе, как аквариумная рыбка, пересаженная в водочный стопарик.
- Мне сдаешь. А я там уже дальше... Полковник промокнул клетчатым платком лысину, образовавшуюся точно по контуру околыша.
- Но Кирилл Петрович... Товарищ полковник... Я же почти уже... Тут ведь осталось-то... Знаете, на кого я вышел? Там ведь такие люди... затараторил Антон, вскакивая со стула.
- Знаю, какие люди. Ты не волнуйся, Антоша. Мы тебя переводим на новый, ответственный участок. Будешь крыш... Обеспечивать работу крупного вещевого рынка.
- А... А мое дело? Кто доследовать будет? Я хочу хотя бы передать его сам, объяснить все человеку. Столько труда положено, Кирилл Петрович! Ну и когда операция начнется, я бы...
- Операция не начнется, Антон. Полковник отечески положил взволнованному капитану руку на погон, ласково прижимая его к стулу, к земле. Не начнется операция. Я это дело закрою.
 - Но ведь... Там же... Вы же видели, что там... Фамилии видели? Тех, кто берет?
- Видел, да. Звучные фамилии. Я в Управление собственной безопасности позвоню, они там своими силами... Что же нам, сор из избы, нет ведь?.. Хоть и не наша изба, соседская, хе-хе... Ну, пусть сами и разбираются со своими оборотнями. А тебе вот, Λ омакин, премия за рвение...

Полковник выдвинул ящик стола, извлек из него пухлый конверт и вручил остолбеневшему оперу.

— Отпразднуйте там с женой. И — рынок ждет тебя! Да, купи себе машину поприличнее, а то эти торгаши ниже шестерки «Ауди» не воспринимают, оборзели вконец, требуют прислать кого-нибудь поавторитетнее...

Выставив Ломакина в коридор, полковник хлопнул дверью — негромко, но вполне красноречиво. Антон прислонился к стене, отдышался, проморгался и вспорол конверт ключом от своей съемной квартиры.

Внутри было достаточно денег, чтобы выкупить ее немедленно. И еще осталось бы на «машину поприличнее». У Антона потемнело в глазах, и он тихонько пополз по стенке вниз. Столько заграничных купюр сразу он видел только в разоблачительных репортажах программы «Дежурная часть» и в фильмах про мафию. Таких премий у милиционеров в этом несовершенном мире быть не могло.

Антон поскребся в полковничью дверь.

- Кирилл Петрович, возьмите. Прошу вас, не надо...
- Не кобенься, Ломакин, железно лязгнул полковник.
- Не могу я. Антон все держал конверт в вытянутой руке, но полковник даже не сделал ему шага навстречу. Вы мне лучше по-честному, надбавку там. Или повышение, если заслужил. А это...
- Пошел ва-банк, капитан? холодно, но даже с некоторым уважением сказал Кирилл Петрович. Еще и майора тебе? Ладно, будет тебе звезда. Деньги возьмешь, понял? Что, все товарищи по пояс в дерьме и по локти в кровище, а ты один будешь в парадном кителе выступать? Нет, брат. Возьмешь. Иди, напейся.

Дверь снова хлопнула перед носом будущего майора, на сей раз окончательно.

* * *

Как же так, думал Антон, безнадежно застрявший в окаменевшей сутолоке Садового. Не по правилам получается. Деньги-то ему дали за то, чтобы он расследование прекратил и забыл о нем на веки вечные.

Всю свою жизнь, а вернее, полжизни и еще три года, он взяток не брал. Не брал у гастарбайтеров их замусоленные копейки, не брал мокрые пятисотенные у усатых азербайджанцев на базарах, не брал припорошенные доллары у братков в боевой раскраске, когда они пытались заказать шашлык в КПЗ. Вообще не брал.

РАССКАЗЫ О РОДИНЕ

Смешно, конечно, звучит, но Антон верил в то, что милиционер должен быть честным. Звучит, конечно, совершенно кретински, но Антон верил в то, что милицейская честность предполагает жизнь исключительно на милицейскую зарплату. Ему отчего-то казалось, что это звучит гордо.

Наташке на его принципы было плевать. У нее была собственная шкала ценностей, по которой жрать и одеваться было важнее. Но теперь-то... Теперь ведь ему не деться никуда? Все, взял. Взял. А как можно не взять у собственного начальника? Премия. Как бы премия. Значит, можно к ней? Позвонить, сказать... Она так в Турцию мечтала поехать, а не опять в Сухуми. Сейчас там еще бархатный сезон. Если Наташке сказать, сколько ему дали, про развод она мигом забудет.

Садовое тягуче перетекло в стылую Рязанку. Антон, боясь проснуться, открыл бардачок... Конверт на месте. Распухший, как утопленник. Как разбившийся таджик. Как остальные бесконечные и безгласные таджики, узбеки и прочие нацмены...

Сколько же там, в бардачке? Сколько ему за них предлагают? Ему, капитану, так вот просто отстегнули. На, жуй. Займи чем-нибудь рот. Проглотишь — приходи за добавкой. Это не сотки у гастеров стрелять. Тут всю жизнь можно разом изменить. Совсем. Будто другим человеком и в других обстоятельствах родиться, а о прошлой неудачной попытке жить — забыть к чертям... Сашке купить настоящую гоночную трассу... Пока, конечно, рано, но через год он уже оценит.

Антон потянул мобильный и запиликал клавишами, набирая Наташкин телефон. Та не подходила гудков двадцать, потом сдалась.

- $\epsilon_{\text{or}} P =$
- Наташ... Наташ, это я. У меня новости хорошие. Премию дали. На повышение пойду.
- Это кто там? хозяйски влез вдруг в трубку чей-то хамоватый низкий голос. Твой бывший, что ли?

Антон мгновенно озверел, вцепился добела пальцами в руль, будто в глотку внезапно возникшего соперника, и захрипел в телефон ненавидяще:

- Какой бывший?! Какой еще бывший?! Ты кто такой? Да я тебя... Да я всех вас! Я урою тебя, гнида, понял?! Я твоей башкой в футбол играть... Ты знаешь, с кем... Наташка! Ты с ума, что ли?... Офигела, что ли?... Что за беспредел?..
- Антон, твердо и спокойно сказала ему жена. Я ушла от тебя к другому. Я тебя больше не люблю. Я хочу быть с настоящим мужчиной. Прощай.

Совсем холодно сказала. Отрезала. И вот она-то наверняка не по живому уже резала. Там больше уже нервных окончаний не осталось, это точно, понял Антон. Вчера она еще хотела его слушать, еще готова была спорить, но он уснул. А сегодня уже поздно. Гангрена.

- A... Ax... A Сашка? Он же... Я же его отец!
- A он тебя не будет помнить, равнодушно отозвалась она. Пусть его растит настоящий мужик. Который может семью прокормить.
- Кто он? На кого ты меня?! Кто это?!.. орал в трубку Антон, а трубка ему отвечала: Бип. Бип. Бип. Бип.

С таким — как смириться? Если думаешь, что жена уходит от тебя, потому что ты жить не умеешь, — больно. Но если знаешь, что уходит она к кому-то другому, когда понимаешь, что тебя с кем-то сравнили, и сам себя с этой сволочью сравнить можешь, — вот это нестерпимо.

Нашла, сучка, себе какого-нибудь бизнесмена. Олигарха какого-нибудь нераскулаченного... Сына торгашом воспитает...

Голова гудела, воздуха не хватало, в лобовом стекле вместо дорожной ситуации показывали сцены расправы капитана с неверной женой и ее хахалем. Гудели вокруг машины, злясь на Антона за неповоротливость, и он несколько раз откручивал вниз ручку и орал в амбразуру непотребщину, и вроде даже выставлял наружу табельный «макаров»...

Доехал до дома.

И поворачивая уже мимо паутины перекрестка, в центре которой обычно сидел жирный гаишник, Антон вдруг переключился. Увидел нечто удивительное.

Из бело-голубой дээспэшной «десятки» с запотевшими стеклами вылезала, отряхиваясь, стройная девушка. Подошла к водительскому окну, нагнулась, поцеловала гаишника в его мерзкую харю. На рабочем месте то есть.

Прямо тут шлюх снимаем, вот так вот внаглую прямо. Браво, сказал гаишнику Антон. Брависсимо. Девушка распрямилась, повернулась к Антону...

Наташа.

Антон вывалился на улицу, прямо во втором ряду бросил машину, рванулся наперекор потоку к «десятке», выволок гаишника наружу и стал месить ему лицо кулаками.

Наташка плакала, пыталась оторвать его, но без толку. Когда Антон сам устал, отвалился, как надувшийся кровью комар, вытер ссаженные руки о белый капот, Наташка подошла к нему и влепила пощечину. Потом села на землю, обняла избитого гаишника и посмотрела Антону в глаза.

РАССКАЗЫ О РОДИНЕ

— Ненавижу тебя. Ничтожество. Ничего больше не можешь. Сына больше никогда не увидишь.

Завыли поблизости сирены.

Антон заплакал.

* * *

Из КПЗ его достали.

— Мы своих не бросаем, — сказал в трубке голос Кирилла Петровича.

А Сашку будет растить этот жирный паук, этот взяточник, ворюга красномордый... Чему учить будет? Как чужих жен драть? Как «Газели» доить?

— Чых это «своих»? — беззвучно спросил Антон.

Он сразу же погнал по свободной просыпающейся Москве прямо на Петровку. Взлетел по лестнице, ногой распахнул запертую дверь в кабинет Кирилла Петровича и швырнул на стол пахнущий серой конверт. Хозяина в такое время на месте не бывало. Вместо него за столом заседал наброшенный на спинку офисного стула полковничий китель.

Написать сразу заявление по собственному желанию? «Прошу уволить... Не желаю иметь ничего общего с этой организацией, с вами лично, с этой системой, с этими порядками, с этой страной, с этим временем...»

Черта с два.

Он выдвинул ящик стола, смел нападавшие за это время листы докладов, отчетов... Вот она. Папочка. Не успел сжечь. Антон сгреб ее, пошарил в ящике еще и приобщил к делу какие-то математические выкладки Честнокова.

Отдал пустому месту в погонах честь, мимо удивленных дежурных вышел на улицу, сел в свинцовую от тяжелой московской пыли «девятку», задраил люки и девятимиллиметровой выстрелил из ствола Петровки в цель.

Через двадцать минут запиликал гимном «Следствия ведут знатоки» мобильный. Полковник. «Если кто-то кое-где у нас порой...» — хрипло напел Антон вместе с аппаратом и принял вызов.

- Ты что делаешь? зашипел в трубке Честноков. Ты понимаешь, что ты делаешь?
 - Так точно, товарищ полковник, облизав сухие губы, отчеканил Антон.
 - Дело закрыто... Ты отстранен... Уволен...

- Честно жить не хочет... напел Антон.
- Ты с винта слетел?! страшно, как лагерная овчарка, взревел Честноков.
- Значит, снова нам идти в незримый бой, сказал ему Антон.
- Мы тебя в порошок... В грязь... бился на цепи полковник.
- Это вы отстранены от дела, ровно произнес Антон. Расследование продолжается.

Он отсоединил батарейку — чтобы не запеленговали, загнал машину во дворы, сложил документы в пакет, проверил магазин «макарова», заглянул в свой бумажник, тоскливый, как детский дом в Хабаровске, и двинулся к метро.

Проездной на десять поездок, семьсот шестьдесят два рубля и восемь патронов. Для того, чтобы довести это дело до конца, ему хватит.

* * *

Через одну поездку и пятьдесят рублей в распоряжении Антона оказался генерал, приехавший на объект с очередной проверкой и опрометчиво решивший отлить на Москву с глухого пятидесятого этажа.

Через две поездки и тридцать восемь рублей — депутат, который курировал, помимо стройки века, еще и уютный бордель на «Китай-городе».

Еще через три поездки и сто пять рублей — человек из мэрии, человек из министерства и женщина из Роспотребнадзора.

Еще одна поездка — тут удалось сэкономить — и чиновник из ФМС пополнил коллекцию.

Оставался только Кирилл Петрович, которого Антон после изучения документов переквалифицировал из свидетелей в обвиняемые. За ним пришлось поохотиться, затаившись в засаде у элитного дома. Сто тридцать девять рублей. Три поездки. Трудная добыча.

* * *

Антон стащил мешок с головы последнего из семи подсудимых. Кирилл Петрович уставился на него ошалело, испуганно, лупая свинячьими глазками на ярком свету. Пожилой плейбой в запонках с генеральскими звездами и очкастый замо-

рыш с депутатским флажком на лацкане задергались, замычали. Другие двое мужчин в стильных серых тройках и с галстуками во рту, с темными разводами на брюках, просто вздрогнули. Толстозадая тетка советского образца потянула к Антону связанные скотчем руки. Ладони у нее были большие, пухлые, а пальцы — совсем короткие, мясистые, отчего кисти напоминали экскаваторные ковши. Человек с интеллигентной внешностью, но в форме Федеральной миграционной службы, отрешенно глядел в пол.

- Ну вот, теперь вся ячейка тут, удовлетворенно проговорил Антон. Вы обвиняетесь в... в коррупции. Во взяточничестве. В сокрытии улик и предоставлении протекции преступному бизнесу. В продажности вы обвиняетесь...
 - Это безумие... прошептал полковник.
- Доказательства все собраны. Антон разложил содержимое папки на семь стопочек перед своими пленниками каждому свое.
 - Что тебе надо? захрипел Кирилл Петрович.
- Чтобы по-честному все. Антон присел на корточки, вытащил из-за пояса «макаров», дернул затвор, щелкнул предохранителем. — Кто что может заявить в свое оправдание?

Человек с генеральскими запонками тревожно загудел. Антон подошел к нему и вытащил тряпку у него изо рта.

- Это самосуд!
- А что мне остается? Это у нас, может, единственный справедливый суд, устало отозвался Антон. Да вы не волнуйтесь. Все правильно будет. У меня тут восемь пуль. Всем высшая мера. Вам за взятки по одной, как в Китае, ну и мне последнюю, за превышение и убийства.
 - Зачем тебе?.. мотая головой, сипло спросил седой.
- Мой вклад в борьбу с коррупцией, серьезно ответил Антон. Чтобы хоть одно такое дело в этой стране до конца довести...
 - Ты же ничего не изменишь... пробормотал полковник.
- Так назначено судьбой для нас с тобой... пропел Антон и приставил ствол ко лбу седого франта.
 - Постой... Постой... У нас есть деньги... Много... Мы тебе...

Антон склонил голову вбок, задумчиво всматриваясь в ползущие по лицу седого капли пота. Потом вдруг отнял «макаров» от его трясущейся головы.

— Скажи... Скажи, сколько надо... Миллион... Десять... — заторопился человек с генеральскими запонками, почувствовав слабину.

Антон отмахнулся от него пистолетом.

- Чуть не забыл! сказал он. Хотел же спросить... Куда вам столько?
- Что вы имеете в виду? недоуменно спросил седой.
- Двести сорок миллиардов долларов только за прошлый год! Что вы с ними будете делать? Мировой заговор финансировать? Францию купить хотите? В Антарктике подо льдом города строите?

Воцарилась вдруг странная, ватная тишина. Перестали жалобно постанывать денди с галстуками во рту, унялась женщина-экскаватор, переглянулись испуганно меж собой полковник с генералом. И у Антона появилось необъяснимое чувство, что все его подозрения были не напрасны, что он случайно прикоснулся к какой-то заветной тайне, страшной тайне, древней и опасной.

Генерал помолчал, потом сплюнул решительно:

— Какого черта... Все равно ты стреляться собрался. Слушай, пацан. Мы не люди.

Антон моргнул и сунул пистолет в карман.

— Столетия назад из-за ошибки навигации наша флотилия оказалась заброшена в этот медвежий угол галактики, — заговорил седой генерал. — Мы совершили экстренную посадку на вашей планете. Все космические корабли вышли из строя. В то время земной уровень технологии не позволял нам починить наши суда. Но мы начали собирать ресурсы... И сейчас, когда наука и техника на Земле наконец достигли нужного уровня развития, наш план спасения вступил в решающую стадию. Деньги, о которых ты говоришь, собираются для финансирования ремонтных работ. Нам остался последний рывок... И мы сможем покинуть вашу планету.

Все остальные подсудимые безмолвно пялились на генерала с искренним изумлением.

- Кто мы? только и смог произнести Антон.
- Мы те, кто вами управляет и командует, просто ответил седой.
- Он врет, зачем-то встрял Честноков. Не верь ему. Их же специально учат...
 - Нет! Это он лжет! всхрапнул генерал. Выгораживает нас...
 - Ты спятил! завизжал Честноков. Какое право ты!..
 - Заткнитесь все! Тихо! взревел Антон.

Он подошел к окну и прижался лбом к холодному стеклу. Посмотрел сверху на облака, и вдруг ему очень захотелось по ним пройтись.

Антон повернулся к подсудимым. Присел перед генералом.

— Наверное, врешь. Но вдруг есть шанс, крошечный, микроскопический шанс, что это действительно так? Что ты правду говоришь... Один шанс из двухсот сорока миллиардов... Что тогда?...

Он полез в оттопыренный «макаровым» карман.

Генерал зажмурился.

Но вместо пистолета Антон вытянул из брюк бумажник.

- У меня только четыреста тридцать рублей осталось, вздохнул он. Возьмите. На благое дело.
 - Да что вы! опешил генерал. Не стоит...
- Ты не понимаешь, потряс тяжелой головой Антон. У меня нет права. Это же... Это же вековая мечта! Да на моем месте любой бы... Любой русский человек последние штаны бы снял и отдал... Это же такое... Ведь если есть хоть один шанс, хоть один из двухсот сорока миллиардов, что вы нас наконец в покое оставите... Я не имею права на ошибку!

Антон нагнулся и перерезал скотч на запястьях генерала, потом перешел к остальным чиновникам — обалдевшим, не верящим в спасение.

- Мы, конечно, не люди, но чтобы вот так вот, чтобы последние деньги отбирать... галантно произнес генерал, рассовывая мятые купюры по карманам.
- Берите! твердо сказал Антон. Я знаю, что это мало. Но вдруг мои деньги помогут приблизить этот день хоть на секунду... Берите. Берите и с..бывайте с миром!

Он махнул рукой, развернулся и двинулся к лестничной клетке.

Обугленная душа его оживала, расцветала. У него все еще оставалась одна поездка — куда угодно, хоть на край света.

Каждомч свое

В последнее время Пчелкин совсем утратил покой.

Даже после изнурительного рабочего дня, даже после еженедельного побивания камнями в премьерском кабинете и даже после посещения закрытого мужского клуба на Кузнецком Мосту — ровно напротив приемной ФСБ — он подолгу ворочался в постели, мял и закручивал шелковые простыни, невнятно огрызался на сонно-сочувственные вопросы жены и шел на кухню глотать виски с водой.

Спать мешала не совесть, не ночные кошмары, не неуплаченные налоги.

Через неделю Пчелкину исполнялось пятьдесят. Возраст, когда становится очевидным, что жить осталось уже меньше половины отведенного тебе срока, и, исходя из средней продолжительности жизни по стране, намного меньше. Возраст, когда понимаешь, что впереди ждет старость с непременным набором атрибутов: облысением, одиночеством, ревматизмом, давлением и маразмом. И слава богу, если не онкологией. Когда оглядываешься назад — а все прожитые тобой сорок девять лет и сорок девять недель кажутся вдруг подборкой довольно непримечательных семейных и официальных фотоснимков. Довольно скверной подборкой, если честно, и не слишком-то толстой.

Да, Пчелкин подходил к этой дате во всеоружии. По крайней мере, ему не приходилось отвечать себе на вопрос «Да чего ты добился в этой жизни?!». Пчелкин добился многого. Он был министром. Да, и кстати, еще отцом двух замечательных, взрослых уже сыновей, обучающихся в колледже Сейнт-Мартинс в Лондоне. Разве не счастье?

Пчелкин, как и все прочие члены правительства, был человеком неверующим и в храмы захаживал только по просьбе пресс-службы. На загробную жизнь не рассчитывал, поэтому брал все от этой. По убеждениям он причислял себя к гедонистам, и министерский портфель был для него неисчерпаемым кладезем удовольствий.

В большую политику Пчелкин пришел по призыву — призвали весь университетский курс, ну и его призвали. А до тех пор строил карьеру в частном секторе, и

довольно удачно. Специальность у него была хорошая: кризисное управление. Задача всегда стояла одна: из отведенного бюджета разваливающегося предприятия суметь изыскать средства на его возрождение, не обидев и себя.

Сначала он творил чудеса с бюджетами мелких торговых фирм, потом управлялся с бюджетами металлургических заводов, затем осваивал бюджеты на восстановление давших течь корпораций. К вверенным компаниям Пчелкин относился с известным сочувствием, примерно как хирург к оперируемым. В резюме заносил только триумфы, но свое кладбище, как у любого хирурга, у Пчелкина было. Ну и что? Бывает, что пациент просто не жилец! В конце концов, выживших было больше, поэтому каждый новый клиент у Пчелкина был крупнее предыдущего.

Смысл жизни Пчелкин себе выбрал подходящий: развитие. От правильно освоенного бюджета агрокомпании к правильно освоенному бюджету угольного разреза, а оттуда — к правильно освоенному бюджету потопленного нефтехимического завода. Все по поступающей. И когда впереди, в золотисто-алых лучах перед ним забрезжил Князь всех бюджетов — Бюджет Российской Федерации, Пчелкин понял: жизнь удалась.

С тех пор прошло несколько лет.

Уже материальное не интересовало Пчелкина. И журнал «Форбс» не включал его в свои рейтинги только по настоятельной просьбе его, происходящей от природной скромности.

Уже дети его, учащиеся в Лондоне в художественном колледже, могли до конца дней своих заниматься только искусством, никогда не думая о хлебе насущном. И дети их. И дети их детей. И так до седьмого колена.

Уже на прием к Пчелкину надо было записываться за полгода, и секретарши его, поставленные элитным модельным агентством, были все послушными наложницами его.

Уже и Сент-Моритц наскучил ему, и Майями, и назойливое жужжание моторов Формулы-1 по тесным монакским улочкам. Над головой Пчелкина, кроме бездонных и необитаемых голубых небес, обнаружился еще и стеклянный потолок. Забраться еще выше, чем он уже сидел, Пчелкин надеяться не мог. Вот и захандрил.

И долгими бессонными ночами в преддверии пятидесятилетия, подводя итог своей молниеносной карьеры, Пчелкин вдруг стал задаваться вопросом: и это все?

* * *

Белый «пазик» остановился и гнусаво погудел. К дому Пронина он подъехать не мог: в дороге тут зияла бездонная выбоина, ставшая вратами в чистилище для многих десятков подвесок.

Семен докурил, затушил бычок о крышку банки из-под латвийских шпрот и в три прыжка оказался на подножке автобуса. Водитель хмуро кивнул ему, «пазик» дернулся и покатился по деревянным улицам старого Иркутска, вихляя, будто шел по минному полю.

Подобрав остальных, водитель взял курс из города. Теперь можно было укутаться в ватник и доспать: до места было ехать часа полтора. Сначала по приличной трассе, отремонтированной к выездному заседанию Госсовета, потом по бетонке и, наконец, в самую глубь леса по широкой просеке, изрытой огромными колесами форвардеров.

Семен свою работу знал и любил. Он посвятил ей, наверное, всю свою сознательную жизнь, за вычетом армии и двух сроков — за злостное хулиганство и за хищение.

Семен был косноязычен, и, спроси его, почему он не променял механический и скучный свой труд ни на торговлю в ларьке у школьного дружбана, ни на возможность калымить на строительстве коттеджей для московских буржуев, он толком объяснить бы не смог.

А дело все было в том, что, намечая себе фронт работ на день и аккуратно выполняя план к вечеру, превращая свои две сотки хвойной чащи или дубовых рощ в аккуратные белые пеньки, Семен ясно ощущал: то, что он делает, приносит результат. Он, Семен, оставляет после себя след на этой земле. Да и вообще это было приятно: систематически, сотку за соткой убирать лес. И не потому, что Семен не любил деревья — любил, как муравей любит тлю. Удовольствие было того же порядка, что от неспешного зачеркивания по квадратику потопленного вражеского четырехпалубного корабля в «морском бое», что и от планомерного заполнения отгаданными словами кроссворда в «Комсомолке»...

И оглядывая в конце каждой своей смены утыканное свежими плахами поле, Семен ощущал что-то... Пусть и не счастье, но уверенность — в себе, в своем будущем, в своем прошлом.

Он делал хорошее, нужное дело.

А еще лесом можно было приторговывать налево.

Начинал он, еще когда работать приходилось бензопилой «Дружба» и безо всяких наушников, а трелевкой занимались древние трактора «ТТ-4». Но по мере того как страна становилась на ноги, появились и наушники, и финские пилы.

И вот отечественная лесозаготовительная промышленность приготовилась к решающему рывку вперед: фирма, в которой трудился Пронин, закупила американские харвестеры. Шестиколесные монстры с мощными циркулярными пилами на выносной стреле-манипуляторе были покрашены в кричаще-красный цвет и сжирали гектар леса в три рабочих смены.

С сомнением оглядев кучку работяг, столпившихся у блистающей холеной машины, замдиректора выбрал Семена — за то, что цвет кожи был не так землист, как у прочих, и белки глаз были белы, и руки не тряслись. И еще лицо у него было упорядочено: ни похмельной тоски на нем, ни классовой ненависти. Внутренняя гармония, в которой Семен пребывал, привлекала внимание окружающих.

— Пронин, — пошушукавшись с бригадиром, произнес замдиректора. — Хочешь поучиться на этой машине работать?

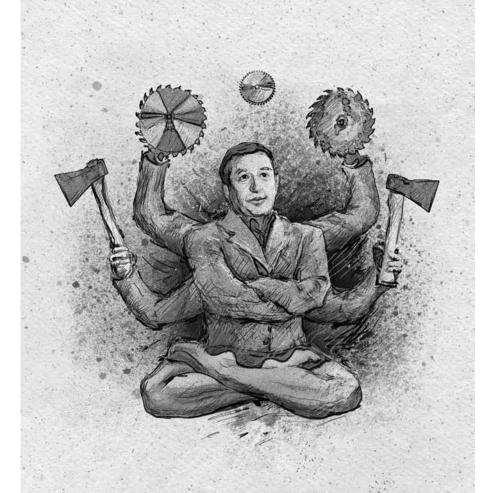
Семен с достоинством кивнул.

* * *

Мчась по разделительной спецполосе, пчелкинский S-класс с мигалками и магическим триграмматоном «АМР» изредка подвывал, чтобы согнать с дороги зазевавшихся гаишников. Развалившийся на заднем сиденье министр в третий раз перечитывал передовицу «Коммерсанта». Смысл статьи оставался ему недоступен: перебивая аналитические выкладки экспертов, в голову лезли липкие мысли о вечном.

Прошлой ночью Пчелкин не спал вовсе. И этих бессонных часов ему хватило, чтобы заново прожить все уже прожитые годы, вернувшись в них не соучастником, а судьей, оглядывая свои дела не человеческими глазами, но с высоты птичьего полета.

И не отпускал, не отступал растревоживший его вопрос: неужели и правда нет в этом мире ничего высшего, чем номера «АМР» и Французские Альпы, неужто он, Пчелкин, уже достиг и пика гастрономических наслаждений в парижском «Tour d'Argent», и пика эротических в одном чудесном лас-вегасском отеле, и пика земного могущества, возглавив свое министерство и получив доступ к Бюдже-

ту бюджетов. Счастлив тот человек, который заканчивает восхождение на вершину в самой старости и шагает с нее прямо в бездну вечности. Увы тому, кто добился всего к пятидесяти годам и заскучал. Не лучше ли, как Майкл Джексон, подумал даже малодушно Пчелкин, краем уха слушая новости.

Он вдруг приказал водителю сделать крюк и ехать к храму Христа Спасителя. Остановился у подножия его беломраморной глыбы, задрал голову, посмотрел на купола, тяжко вздохнул, поднял руку, собираясь перекреститься... Но рука ослушалась его и, словно плеть, повисла вдоль тела.

— Нет, лучше уж йога, — прошептал Пчелкин.

Приехав в министерство, он заперся у себя, прогнал даже ту секретаршу, что сейчас считалась его фавориткой, и уронил голову на руки. Что же это с ним? И до чего внезапно вещи, раньше казавшиеся преисполненными смысла, теперь представлялись ему пустыми и никчемными... И даже дело его жизни — освоение бюджетов — на миг утратило в его глазах свое сакральное значение.

— А для чего? — шепотом, несмело спросил он себя.

Зашуршал селектор, и фаворитка мяукнула, что в его дверь скребется первый зам. Пчелкин хотел сначала его послать к чертям, но замялся: в такую минуту ему стало страшно остаться наедине с самим собой.

Первый зам улыбался вкрадчиво, ступал мягко и смотрел в пол. Именно он приносил Пчелкину на подпись все документы, помогавшие министру устраивать свою жизнь — и жизнь его замов. Обычно в момент подписания их бегающие взгляды встречались, и блуждающая улыбка зама отражалась в лице министра. Но сейчас глаза Пчелкина были черны и мертвы, как два затоптанных окурка анфас. Занеся над покорно ждавшей росчерка бумагой свою коллекционную монтеграппу, отправившую дружественным компаниям и далее в офшоры не один миллиард, Пчелкин вдруг засомневался. Рука, не поднявшаяся давеча, чтобы осенить грудь крестным знамением, снова отказалась служить. Монтеграппа глухо, словно опускалась крышка гроба, упала на дубовый стол.

- Что с вами, Филипп Андреевич? испуганно спросил первый зам. На вас лица нет!
- На воздух хочется, Дениска, слабым голосом откликнулся Пчелкин. У нас никаких поездок не намечается?
- Организуем! с готовностью закивал зам. Хотите вот в Иркутск? Там лесозаготовители осваивают новую технику, американскую. Повышает эффективность, и экологичнее.

— Давай хоть в Иркутск, — вяло согласился Пчелкин. — Опостылело тут все, — пожаловался он.

Первый зам единым неуловимым движением, подобно жидкому Терминатору Т-1000, перетек от стола руководителя к двойной входной двери и канул в проеме. Через миг из приемной долетел его голос — преобразившийся, начальственный и даже грозный: «Да-да, и прессу! Борт организуйте поживее! Завтра утром! Ника-ких но!»

— Не надо прессу... — попросил было Пчелкин, но так тихо, что это его пожелание осталось неуслышанным.

Остаток дня он провел как в тумане, так и не подписав ни одного важного документа. Сказавшись больным, никого не принимал, отправил секретаршу в ближайший книжный за альбомами с видами Тибета, Соловца и фотоснимками телескопа Хаббл.

«Должно же быть что-то еще...» — шептал он, уперевшись лбом в холодное стекло и слепо глядя вниз, на кишащую под ногами Москву. К тому моменту, когда разгоряченная ношей секретарша вернулась в приемную, Пчелкина в кабинете уже не было.

Вернувшись домой, он проглотил снотворное и упал в постель. Пчелкин очень хотел, чтобы завтра поскорее наступило, или пусть бы уже не наступило никогда. Почему-то ему казалось, что все его проблемы разрешатся сами собой. Таблетки снотворного растворялись в виски, распуская вокруг себя чернильное облако, сначала окутавшее сознание Пчелкина, а потом и весь мир.

* * *

Первым, кто встречал «пазик» на лесоповале на следующий день, был генеральный директор фирмы. На заднем плане еще дымился после марш-броска по бездорожью забрызганный грязью праворульный «Лэндкрузер». У гендиректора под глазами набрякли сизые мешки, и он курил сигарету за сигаретой.

— Мужики! — с ходу обратился он к вываливающимся из автобуса сонным работягам.

Те насторожились, как насторожились почти семьдесят лет назад их деды и бабки, услышав однажды от Иосифа Виссарионовича испуганное «Братья и сестры!» вместо обычного презрительного «Товарищи!».

- Мужики, обвел их вороватым взглядом гендиректор. К нам министр едет. Хозяйство смотреть. Технику новую. Вечером будет. Нужно, чтобы наш ктонибудь продемонстрировал... Давай ты, он ткнул узловатым пальцем в Пронина.
- А я как раз это самое, Сергей Валентиныч, именно этого надысь назначил, залопотал ему в ухо зам.
- А это правильно, одобрительно икнул гендиректор. И китайцев всех с объекта уберите от греха подальше! А то телевидение приедет...

К тому моменту, как герольдами подъезжающего барона на лесоповал прискакали телевизионщики, Пронин уже довольно уверенно спиливал харвестером сосны полуметровой толщины. Каждый раз, когда кренилось и с уханьем заваливалось очередное дерево, по лицу Семена волнами расходилось блаженство. Про себя он думал, что теперь не бросит эту работу никогда. Он был готов теперь работать в две смены, и пусть чертов Китай захлебнется нашей древесиной!

* * *

Когда борт подлетал к проклятому иркутскому аэропорту, похоронившему больше самолетов, чем любой другой российский аэропорт, Пчелкин даже немного хотел, чтобы опять был туман, или ошибка пилота, или слишком короткая посалочная полоса.

Но не сложилось. Замутило только при приземлении, но после употребленного в полете это было вполне простительно.

— А вот мы потом на Байкальчик, — вкрадчиво журчал первый зам, погружая Пчелкина в присланный городской администрацией членовоз. — Воздух свежий, все развеется...

Но экзистенциальная тоска подступила у министра уже совсем близко к горлу, и посадку в автомобиль пришлось несколько отложить.

Потом, когда кортеж понесся сквозь заповедные байкальские леса, в освободившейся от мути министерской душе вдруг проклюнулось что-то... Предчувствие... Предчувствие откровения!

Поднявшись с дивана, Пчелкин подсел поближе к водителю, как маленький мальчик просунулся меж двух передних сидений и, пытаясь унять нарастающий трепет, принялся подхлестывать его: «Гони! Гони!»

Что-то произойдет сейчас, говорил он себе. Что-то сейчас произойдет. Эта бессмысленная поездка в далекий Иркутск случилась с ним неспроста. Это сама судьба, внемля его терзаниям, готовит ответ на его вопрос. И он выслушает ее вердикт, каким бы суровым тот ни был.

И вот, зарываясь в жидкую грязь, на подъездах к лесоповалу выстроились семь машин кортежа. Пчелкин и все его замы, тщетно стараясь уберечь дорогую итальянскую обувь, смешно скакали по крошечным островкам тверди. За ними увивались и журналисты, и приехавшие встречать министра хозяева лесозаготовительной компании.

Пчелкина повели мимо харвестеров и форвардеров, и гендиректор все вещал что-то о том, что с новой американской техникой производительность труда вырастет в десятки раз и что с такой скоростью работы можно будет запросто заготовить все леса на десятки километров вокруг Иркутска за считаные месяцы, было бы разрешение, Филипп Андреевич, было бы разрешение...

Но Филипп Андреевич почти не слышал его — он прислушивался к себе. Где же оно? Где то самое? Как оно наступит? Разверзнутся небеса? Или куст заговорит с ним?

— Вот это наш стахановец, — указал гендиректор на восседавшего в кабине харвестера Пронина. — Семен... эээ... Семен.

Пчелкин нехотя поднял глаза, и вдруг сердце его екнуло.

 Λ ицо рабочего за рулем харвестера отличалось от лиц всех прочих людей, липнувших к министру.

В нем не было суетливости, подобострастия, тревоги. Человек смотрел на Пчелкина спокойно, пожалуй даже равнодушно, словно пребывал вне системы координат, на которой должен был бы считаться точкой минимума, а стоящий рядом с ним министр — точкой максимума. Это было не лицо механизатора, но бесстрастная маска оракула.

И Пчелкин, к восторогу телеоператоров, полез в кабину харвестера.

— A что это за рычажок? — почти заискивающе спросил министр у Пронина, коря себя за то, что стесняется отринуть предрассудки, стесняется заговорить сразу о главном...

Пронин пожал плечами, внимательно глядя на министра. Разве затем ты пришел сюда, истолковал его жест тот. И решился.

— В чем смысл жизни? — громко спросил министр.

Его замы насторожились, звукооператоры протянули в кабину лохматые микрофоны на длинных удочках, а Пронин наградил Пчелкина долгим взглядом.

Уста оракула отверзлись...

— Пилить! — трубно произнес он. — Осваивать!

И обвел рукой редеющий смешанный лес.

Толпа оживилась. Согласно зашуршали все заместители министра, и заместители директора фирмы, и корреспонденты со своими операторами.

Пчелкин молчал. В его сознании вспыхивали и гасли вселенные, через него струились энергии мира, и великие истины, сокрытые за кисейными покрывалами, послушно обнажались пред его взором.

Как смел он усомниться в том, что существование его было изначально наполнено смыслом? Кто позволил ему желать иного, чем то, для чего он был предназначен Господом?

— Спасибо, — облизнув губы, хрипло промолвил Пчелкин. — Вы дали мне силы продолжать дальше.

Пронин усмехнулся, пожал плечами, нажал на газ. И огромный харвестер с двумя крошечными человеческими фигурками внутри неспешно покатил по бесконечной лесной просеке, уходящей прямо в огромное закатное солнце.

ГЛАВНЫЕ НОВОСТИ

Хочу рабом на галеры, подумал Саша.

Окна тарахтящей «девятки» запотели от кислого похмельного дыхания телеоператора и звуковика. Если стекла потереть рукавом, за ними стали бы видны парализованное Третье кольцо, забитое чадящими машинами, тонущие в смоге бетонные ленты развязок, уткнувшиеся в низкие облака башни «Москва-Сити» гдето вдалеке...

Но Саша представлял себе, что ему восемь лет, и наступили зимние каникулы, и он едет сейчас в поезде к бабушке в крошечную деревню под Шарьей. И что за затуманенным окном — не богом проклятая «трешка», не тысячи тысяч слипшихся вместе машин, а заваленный снегом полустанок, зажатый между разлапистыми елками. И что вот-вот поезд тронется, и припорошенные, нарядные ели побегут от него все быстрее и быстрее, а потом придет проводница с чаем в тех самых подстаканниках и с продолговатыми бумажными упаковками сахара, на которых нарисован точно такой же поезд, а в нем, наверное, сидит точно такой же мальчишка и собирается протереть запотевшее окно, чтобы посмотреть на заснеженные ели, прихлебывая чай с точно таким же сахаром — и так до бесконечности...

Запиликал мобильный. Похолодев от определившегося номера, Саша набрал побольше воздуха и ответил.

- Какого черта?! взвизгнул в трубке выпускающий редактор.
- Пробки... Все стоит, пролепетал Саша.
- А ты не знал?! Надо было выехать заранее! Доверили тебе раз в жизни сделать прямое включение с важного события! Заместитель председателя подкомитета Госдумы по ЖКХ дает пресс-конференцию по уборке улиц от палой листвы! А ты что? Клянусь, если не успеешь за пятнадцать минут доехать до Думы, ты труп! Все сделаю, чтобы ты до конца жизни продолжал рассказывать телезрителям о

пробках! И работать будешь за славу и признание, потому что зарплаты у тебя больше не будет, понял?!

- Но...
- А если будешь спорить, поедешь обратно в свой Ярославль! И репортаж о новорожденных бельчатах останется пиком твоей карьеры, понял?! Чтобы через пятнадцать минут ты уже был на позиции, и чтобы «флайку» развернул, и чтобы ты у меня на спутнике висел, понял?!
 - Да.

У рабов на галерах была не такая уж сложная работа, подумал Саша. Без стресса. А главное, у них не было иллюзий, что однажды они смогут сбежать, или стать надзирателями, или даже свободными гражданами, поэтому в будущее они смотрели с уверенностью. А тут...

Последние два года Саша числился в новостях Главного канала стажером и очень надеялся, что скоро ему начнут платить человеческую зарплату, будут доверять нормальные события, может быть, даже отправлять в командировки... А когда-нибудь он сделает действительно блестящий сюжет, или добудет эксклюзивный материал, или проведет безупречный прямой эфир с места крушения самолета, и его заметят... И сделают специальным корреспондентом. А потом отправят в заграничное бюро! В Париж... Или Нью-Йорк... А потом, потом вернут в Москву уже маститым профессионалом и поставят вести вечерний выпуск новостей... А потом доверят и собственную аналитическую программу!

Конечно, без настоящего эксклюзива, без репортажа, который увидит вся страна, включая телевизионных богов, на это могут уйти двадцать, и тридцать, и сорок лет. Но если бы с ним случилось чудо...

Саша зажмурился и изо всех сил загадал, чтобы с ним случилось чудо.

Запиликал телефон.

Саша посмотрел на определившийся номер и сглотнул. Думал — может, лучше не отвечать? Потом понял — нет, тогда точно — в Ярославль, к бельчатам.

- Ну и где ты?! заорал выпускающий.
- Пробка тут... Метров сто проехали только... приврал Саша.

¹ Микроавтобус, оборудованный станцией спутниковой связи для прямых телевизионных эфиров.

— Или через десять минут ты стоишь с развернутой антенной у Думы, или можешь сразу брать билеты до Ярославля! — Выпускающий швырнул трубку.

Саша обреченно посмотрел на совсем окоченевшее уже Третье кольцо. У Думы он не будет ни через десять минут, ни через двадцать, ни через час. Настало самое время раскусить капсулу с цианистым калием; жаль, стажерам на Главном их не выдавали.

Не быть ему ведущим аналитической программы, не брать интервью у Генсека ООН в Нью-Йорке, не летать с Президентом в заграничные вояжи, и даже в Иркутск на заседание Госсовета не летать, и вообще никуда за пределы Москвы, да и в Москве его теперь прикуют цепями к допотопному компьютеру в казематах Главного канала, и будет он долбить по клавишам, не видя дневного света... До пенсии. До слепоты.

Ведь из сотен только что вылупившихся черепашат-стажеров, наперегонки ползущих к океану славы, к карьерным глубинам, лишь единицы достигнут спасительной линии прибоя. Остальные... А на судьбах остальных и воздвигнут телецентр, неспроста прозванный «Останкино».

* * *

- ...твою мать! воскликнул водитель, ударил по тормозам и повторил еще раз: Твою мать!
 - Что такое? всполошился Саша.
 - Ни ... себе! ответил водитель.
 - Что там? Саша налег на скрипучую ручку, открывая окно.
 - Ни ... ceбe! прохрипел проснувшийся оператор.
 - ...твою мать! остолбенело вымолвил звуковик.
- Да что там?! Ручку заело, и Саша, распахнув дверь, вывалился прямо на асфальт.

Вокруг уже бурлила толпа; никто больше никуда не ехал. Застрявшие машины разом раскрылись разноцветными бутонами, растопырили дверцы, и десятки тысяч людей роились между ними... И все они глядели вверх, снимали что-то на камеры своих мобильных...

- Ни ... ceбe! неслось над толпой.
- О господи! прошептал Саша.

Прямо над его головой... громадная, как весь Черкизовский рынок, выдранный из земли с корнями... в пыльном московском небе зависла, переливаясь ярчайшими огнями, летающая тарелка! Настолько не похожая ни на что земное и настолько при этом соответствующая земным представлениям об инопланетных космических кораблях, что сомнений не оставалось: да, это он. Инопланетный космический корабль.

Заслоняя собою полнеба, он спускался неспешно и бесшумно, и по дну его струились световые потоки, рисуя загадочные знаки, а весь непостижимо огромный корпус словно перетекал, немного изменяя свою форму. И сразу становилось ясно, как жестоко ошибались те, кто считал НЛО секретными разработками отечественной оборонки. Отечественную оборонку от создания подобного аппарата отделяли сотни тысяч лет.

Корабль все снижался, будто намереваясь приземлиться точно на Сашину голову и на Третье кольцо вообще, уничтожив в мгновение ока плоды многолетних трудов мэра Москвы и других асфальтовых баронов. Люди вокруг занервничали, зашептались, но бросить машины не могли; большинство, кажется, приняло мужественное решение остаться со своими автомобилями до конца.

Саша не мог отвести от тарелки взгляда.

— \Im й, как тебя... Может, тебе картиночку подснять? — обреченно спросил оператор, высунувшись из окна машины.

И тут до Саши дошло.

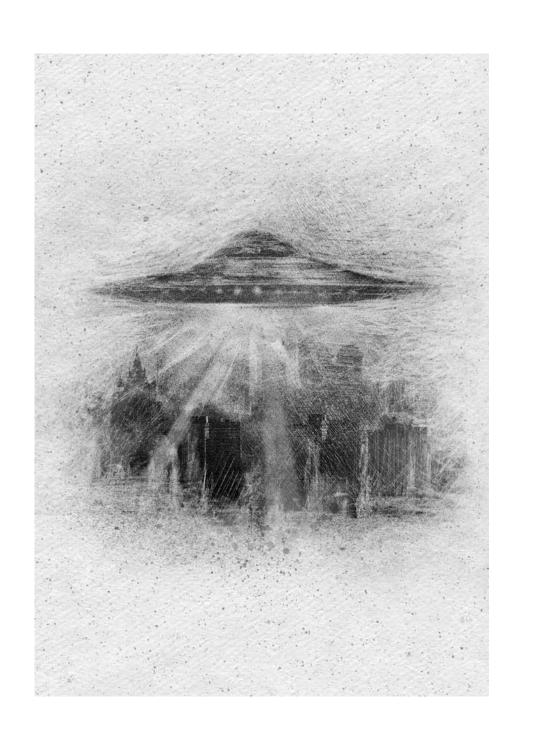
Это был тот самый шанс, один из миллиарда. Его шанс. Чудо.

Он бросился к остановившейся прямо за их машиной «флайкой» — микроавтобусу со спутниковой антенной, по которой делали прямые включения. Остервенело застучал в дверь с крупным логотипом Главного канала — большой букве « Γ » в стильном кружочке.

— Разворачиваемся! Будем прямое делать! Лови спутник! — закричал он заспанным инженерам.

Те выглянули, перекрестились и засуетились, расчехляя блюдо спутниковой антенны. Саша взглянул на часы: до девятичасового вечернего выпуска новостей, который смотрит, как заговоренная, вся страна, оставалось пять минут. Он выхватил из кармана телефон и сам набрал номер выпускающего.

- Доехал? В голосе того сквозило недоверие.
- Нет! Я у Савеловского! ответил Саша и, предвосхищая дальнейшие вопросы, поскорее выпалил: Тут НЛО садится! НЛО! Прямо на «трешку»!

- Честное слово? Выпускающий сразу осип.
- Честное слово! Я уже сказал, чтобы «флайку» разворачивали! Можем успеть на девять часов прямой эфир сделать! С летающей тарелкой в кадре! Будем первыми! Это же эксклюзив! заторопился Саша.
- Ну давай... нерешительно отозвался выпускающий. А она правда настоящая?
 - Самая настоящая! Клянусь работой!
- Черт с тобой! Будем делать прямое! Подумай пока, как подать грамотно, распорядился выпускающий. Выставляй камеру, будь готов в любую минуту, сейчас по верстке посмотрим, какие там сегодня новости...

Саша отдал честь и метнулся к съемочной группе. Оператор с неожиданной для беспробудно пьянствующего прытью уже тащил провода от установленной на штативе камеры к «флайке» с антенной. Звуковик потрошил сумку с аппаратурой, подбирая правильный микрофон.

«Летающая тарелка висит над Савеловским вокзалом в Москве... Только что в Москве рядом с Савеловским вокзалом приземлилось НЛО... Съемочная группа Главного канала стала первой, кто... В эфире — Александр Огурцов, и я только что... мы только что... Размером с Черкизовский рынок... с Лужники... С Кремль... Только что...» — повторял вслух Саша, подбирая правильные слова для прямого.

На высоте тридцатиэтажного дома инопланетный корабль вдруг замер. Утроба его разверзлась и исторгла из себя нечто, больше всего напоминающее светящееся полупрозрачное яйцо. Это яйцо по спирали пошло вниз, стремительно увеличиваясь в размерах. Через минуту прямо перед Сашей на видавший виды асфальт «трешки» опустилась сияющая капсула, в которой был заключен смутный силуэт...

Пришелец! Господи... Первый настоящий, документально зафиксированный контакт с представителями внеземной цивилизации... В прямом эфире на Главном канале!

Капсула беззвучно распалась на две половины. Существо, вышедшее из нее, было невысокого роста; массивная голова с двумя огромными масляно-черными глазами сидела прямо на тщедушном тельце.

— Ни ... ceбe! — набожно зашепталась толпа.

Инопланетянин с сомнением обвел взглядом попятившихся землян, ища признаки разумной жизни. Саша отважно шагнул вперед, выставив микрофон с бук-

вой « Γ » в стильном кружочке. Оператор вынырнул у него за спиной и нацелил камеру на пришельца.

— Дайте интервью! — выдохнул Саша.

Пришелец приоткрыл рот, издал удивительную трель, начинавшуюся и заканчивающуюся за пределами доступного человеческому уху звукового диапазона, и выжидающе посмотрел на Сашу. До начала выпуска новостей оставалось две минуты.

— Добро пожаловать в Россию! — осторожно сказал Саша.

Существо склонило голову вбок, задумалось на секунду, и вдруг заговорило человечьим голосом.

- Приветствую вас! четко произнесло оно с завидным московским акцентом. Мы прибыли сюда с миром из соседней галактики. Земля единственная из планет, находящихся в пределах доступности для наших кораблей, на которой есть разум. Раз в десять тысяч лет мы навещаем вашу планету и пытаемся установить контакт с вашей цивилизацией. Искусственное искривление пространства, благодаря которому мы можем преодолеть это расстояние, требует громадных затрат энергии. Десять тысяч лет уходит на то, чтобы скопить необходимые энергетические запасы.
 - Ни ... себе! зашелестела толпа.
- К сожалению, невозмутимо продолжило существо, в прошлый раз человечество оказалось не готово к установлению отношений между нашими мирами, потому что не достигло нужной стадии развития. Но на этот раз нам невероятно повезло...
- Все записалось? прошипел Саша оператору, вежливо кивая и улыбаясь пришельцу.
 - Че-то кассету зажевало, по-моему, ответил оператор.
 - Мы хотели бы передать важное послание... продолжил инопланетянин.
- Я представляю Главный канал, Саша пошел ва-банк. Вы согласитесь выступить в прямом эфире и обратиться к населению России... то есть практически Земли... через несколько минут? Как раз передадите послание!
- Сейчас все генераторы нашей планеты работают только на то, чтобы удерживать созданное искривление пространства. У нас меньше сорока минут, произнесло существо.
- Успеем! уверенно сказал Саша. Серега, подключай! крикнул он оператору.

Звуковик опутал Сашу проводами — вставил ему в ухо наушник обратной связи, навесил на лацкан пиджака маленький микрофон-«петличку» и встал наизготовку, протянув к пришельцу «удочку» с логотипом Главного. Оператор, окончательно протрезвевший, проверил сигнал и показал Саше большой палец.

- Все готово, мы на спутнике, связь со студией установлена! отрапортовал Саше в ухо инженер с «флайки».
- Мы готовы! Видите нас? спросил Саша у студии, оглядываясь на покорно замершего рядом инопланетянина.
 - Ни ... себе! откликнулась студия.

Но тут, перекрывая восторженные возгласы, заиграла тревожная вступительная мелодия вечерних новостей.

- Дорогие земляне! начал пришелец.
- Тсс... Сейчас, еще немного... оборвал его Саша. Мы еще не в эфире!
- Добрый вечер! вступила ведущая в Останкино. Вы смотрите Главные новости. В студии Екатерина Алексеева. И самая важная новость сегодняшнего дня...

Саша закрыл глаза, вдохнул, выдохнул, попытался унять сердце... Вот он, его Тулон! Или Ватерлоо...

- Глава российского правительства сегодня лично прибыл в Пикалево, чтобы разрешить сложную ситуацию в городе, сказала ведущая. С репортажем с места событий Андрей Петров.
- Прости, мужик! сказала Саше студия. Сам понимаешь, премьер... Мы тебя немного пониже по верстке спустим. Сохраняй боевую готовность!
- ...заявил премьер-министр, через тридевять земель прорвался голос корреспондента из Пикалево. Он встретился с представителями профсоюза работников цементных заводов. Профсоюз заверил председателя правительства, что акция не носит политического характера и направлена исключительно против несознательности директоров предприятий, а также легкомысленности олигархов, которые...
- Сейчас-сейчас, успокаивающе подмигнул Саша инопланетянину. Премьер, сами понимаете...
- ...заметил глава кабинета министров. На заседании, на котором присутствовали также лично несознательные хозяева корпораций, состоялась воспитательная

акция. Давайте посмотрим, как это было... — предложил из Пикалево корреспондент Петров.

— Монитор сюда вынесите один, а? — попросил Саша у инженеров: кажется, в Пикалево действительно творилось что-то неординарное.

На экране возникло решительное лицо премьер-министра, и тут же — бледная физиономия провинившегося олигарха.

- Спускайте штаны, Артем Борисович, холодно сказал Премьер и щелкнул офицерским ремнем.
 - Может, не при людях? промямлил олигарх.
- Как раз напротив, холодно сказал Премьер. Страна должна знать своих героев.
 - Во дает, одобрительно сказал Саша.
- Во дает, одобрительно зашепталась толпа, собравшаяся уже вокруг монитора.
 - Ой, сказал олигарх. Ой. Ой. Ой.
 - К другим новостям, улыбнулась Екатерина Алексеева.

Саша прокашлялся и ободряюще подмигнул пришельцу. Тот тоже как-то встряхнулся.

- Президент России встретился сегодня с моряками-балтийцами. Из Кронштадта — наш корреспондент Антон Вержбицкий, — продолжила ведущая.
- Прости, мужик! закряхтела Саше в ухо студия. Сам понимаешь, Президент!
- Президент, развел руками Саша, оглядываясь на инопланетянина. Это вообще святое...

Пришелец открыл рот, собираясь сказать что-то, но издал только короткую неразборчивую трель.

- ...также является Верховным главнокомандующим, пояснил Вержбицкий. Встреча прошла на плацу, который помнит еще Николая Второго. Жилищные условия у моряков, расквартированных в Кронштадте, с тех пор заметно улучшились. И сегодня Президент пообещал продолжить строительство жилья для семей офицерского состава.
- Балтийский флот играл и играет особую роль в российской государственности, сказал Президент. И всегда будет играть. И сегодня мы вручаем ключи от новых квартир...
 - Точно успеем? спросил инопланетянин у Саши.

- Конечно! уверенно ответил тот.
 Президент лично произвел выстрел из главного орудия эскадренного миноносца «Безудержный» по учебным мишеням. Цель была поражена. Комментируя последние испытания новой ракеты «Булава», Верховный главнокомандующий за-
- Слушай, вмешалась студия. Там сейчас еще один сюжет про Президента поставили, ты потерпи уж? Надо. Тебя чуть позже дадим.

По дну космического корабля побежали красные огни. Пришелец заерзал.

- А после обеда Президент посетил одну из петербургских школ, улыбнулась Екатерина Алексеева. Там он встретился с первоклассниками, для которых путь в мир знаний только начинается. Президент пообещал, что все российские школы будут на сто процентов обеспечены учебниками, и выразил обеспокоенность отсутствием единых стандартов в преподавании истории. Он заявил, что школьные учебные материалы должны проходить особенно строгую инспекцию, чтобы полностью исключить возможность попадания детям учебников по истории, написанных под влиянием той или иной идеологии. Учебники должны составляться непредвзятыми специалистами, профессионалами своего дела, отметил Президент. Недопустимо, чтобы ревизионисты нашли путь к детским сердцам. Нельзя приравнивать подвиг советского народа в Великой Отечественной войне к преступлениям гитлеровского режима, заявил он.
 - Правильно! не сдержался Саша.
 - Правильно! согласно забурчала толпа.
- Правильно! автоматически повторил пришелец и испуганно осекся. Время уходит, сказал он Саше. Не успеем... Энергия на исходе... Пора улетать!
- Все, сейчас это закончится, и наша очередь уже! Саша сложил ладони на груди. Еще чуточку потерпите!
- Что-то Президента получается по хронометражу больше, чем Премьера, задумчиво сказал оператор.
 - Какой-то перекос выходит, робко согласился кто-то из толпы.
 - Да выправят сейчас, покачал головой звуковик.
- Надо бы еще про Премьера, сказал кто-то в толпе. Не хватает чего-то...
 - Нет, сейчас нас включат, отмахнулся Саша.

- Все! Тебя дают! всполошилась студия. Огурцов! Проверка звука! Давай, поговори, мы уровень выставим...
- Раз, два, три, затараторил Саша. Инопланетный летающий корабль размером с Кремль сегодня совершил посадку на Третьем транспортном кольце... Пришельцы заверяют, что... Однако дадим слово... В эфире на Главном канале... Впервые.
 - Все, есть!
- И удивительные известия из Москвы... сделала бровки домиком Екатерина Алексеева.
 - Ну, не подкачай! кивнул Саша инопланетянину.
- Простите... Только что мы получили самые свежие кадры с заседания правительства Российской Федерации. Глава кабинета министров по горячим следам событий в Пикалево потребовал от подчиненных немедленно отреагировать...
- Я же говорил, будут балансировать новостями о Премьере! торжествующе сказал оператор.
 - Вот, теперь как-то лучше, с облегчением выдохнули в толпе.

Зависший в пустоте космический корабль вдруг испустил долгий трубный звук, от которого задребезжали стекла и побежали по коже мурашки.

- Больше не могу ждать, обреченно произнес пришелец. Они не смогут удержать пространственное искривление. Пять минут осталось.
 - Как время-то пролетело, задумчиво сказал оператор.
 - На одном дыхании смотрится, согласился звуковик.
- Подождите! горячо зашептал Саша. Они должны были это дать, чтобы сбалансировать... Сами понимаете!

Пришелец сделал шаг к спускаемой капсуле, застыл на миг и с нервной трелью вернулся к Саше.

- Вы не понимаете, чем мы рискуем ради вас, промолвил он. Не понимаете, какие тут ставки... Десять тысяч лет!
- Выпустите нас! взмолился Саша, обращаясь к студии. Им улетать же надо! У них энергия заканчивается!
 - Да мы слышим все, ответили там. А что мы сделаем-то?
- И на этом наш выпуск новостей подошел к концу, неожиданно закруглилась Екатерина Алексеева. Спасибо, что смотрели Главные новости! А прямо сейчас новые эпизоды полюбившегося зрителям телесериала «Доярка наносит ответный удар, или Право на любовь».

— Извини, старичок, твоя тема не влезла в выпуск. — В Сашином ухе прорезался голос выпускающего редактора. — Ну ведь действительно важные новости были, сам понимаешь! Слушай, может, твои зеленые человечки до полуночного выпуска останутся, а?

Саша не мог ему ответить. Глотая слезы, он глядел, как сияющая капсула возносится к ожившему межгалактическому титану. И как тот совершенно беззвучно стартует и с невообразимой скоростью уносится вверх, подальше от грешной Земли, прочь из давящих московских небес, к далекой-далекой звезде.

- Завтра, кстати, отличная съемочка есть, кашлянул вдруг выпускающий. С Премьером на шарикоподшипниковый завод. Хочешь?
- С Премьером? Правда? Саша утер рукавом сопли, несмело улыбнулся. Просто фантастика какая-то!

Иногда они возвращаются

Белоснежная яхта своими габаритами больше напоминала океанский лайнер, а линиями — флагман инопланетного космического флота. Качка на ее борту не ощущалась никогда, и сейчас, несмотря на приличные волны, на судне царил полный послеобеденный штиль.

Вдоль горизонта, сдавленные ярко-синим океаном и ярко-синим небом, тянулись крошечные песчаные острова. Буйная тропическая растительность поверх белого песка делала далекие острова похожими на строй сказочных гигантов в офицерских фуражках, выходящих из морской пены. Острова на самом деле были вершинами вулканов, потухших вечность назад и скрытых под водой.

Вообще-то собирались нырять с аквалангами, но волна раскачивала моторную лодку, и решили подождать, пока море успокоится, — время еще было. Двое подтянутых мужчин в белых махровых халатах коротали его в шезлонгах мореного дуба у олимпийского бассейна с соленой океанской водой.

Чуть поодаль у вертушек стоял холеный француз, одной рукой хозяйски оглаживая собрание слащавого электронного лаунжа, неотличимого от того, что лился из изящных деревянных колонок, другой — поджарые ягодицы индианки в неоново-желтом бикини. Француза выписали специально по этому случаю из Парижа: по-русски он ни бельмеса не понимал, а настроение на отдыхе создавал правильное.

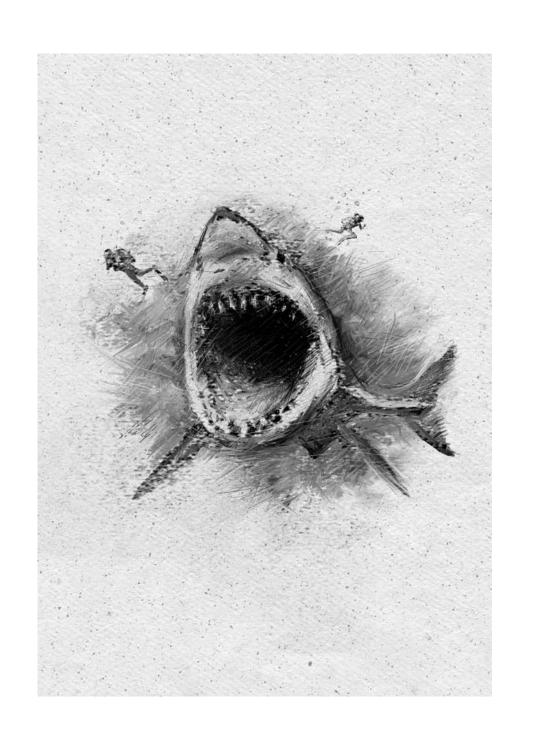
Двое мужчин лениво переговаривались, щурясь на огромное предзакатное солнце.

- Тебя на сколько отпустили? пошутил первый, принимая замысловатый коктейль из рук пожилого официанта.
- Пока в себя не приду, улыбнулся второй, снимая черные очки и запрокидывая лицо навстречу солнечным лучам.
- Назрело, да? Первый шумно втянул через соломинку густой напиток, зажевал ломтиком папайи.

- Не то слово. Не работа, а сплошной стресс. Давно такого не было.
- Кризис...
- Кризис.
- Ты знаешь, какая-то хроническая усталость в последнее время. Вообще ничего делать не хочется, признался первый.
- Вот как раз об этом и хотел с тобой поговорить. Второй приоткрыл один глаз.
 - Все-таки решился? догадался первый.
 - Ну как-то надо все-таки, вздохнул второй.
- По мне так хоть сейчас, пожалуйста, заверил его первый. Я же говорю: хроническая усталость. Не знаю, как ты столько времени продержался.
 - Ну как, усмехнулся второй. В отпуск ездил часто. В Сочи особенно.

* * *

- Вроде распогодилось, широко улыбнулся первый, выходя на капитанский мостик. Ну ты как? Нырнем сегодня?
- Да меня что-то кондиционером продуло, кашлял всю ночь, хмуро отозвался второй.
 - Это что же? Это ты хочешь сказать... насторожился первый.
- Да нет, ничего я не хочу, устало поморщился второй. Просто чертов кондиционер неправильно был выставлен, всю ночь как под ледяным душем, горло дико болит...
- Ты хочешь сказать, что нырять мы не будем, определил первый. И чего мы сюда девять часов летели? Позагорать и на Красной Поляне можно было отлично. В Тыву бы еще съездил. Он возмущенно фыркнул.
 - Расхотелось нырять, согласился наконец второй.
- Да мы ведь столько собирались! Ты же сам мне говорил барракуды, акулы тигровые. Гигантские скаты! После антикризисного собрания тогда, помнишь? Я тут график весь перелопатил, а ты мне...
- Ну прости. Я просто расслабиться не могу, все про это думаю. Как лучше обставить, вздохнул второй.
- А что тебе-то про это думать? Есть специально обученные люди. Славику скажешь, он все сделает. Давай, что ты как это самое? Искупаемся, голову прове-

трим немного, все у тебя сразу прояснится. Я тут такое видео смотрел, про гигантских морских черепах...

- Хочется, чтобы красиво все было, раздумчиво почесал нос второй.
- A я про что? Там знаешь какая красота? V эти... как лобстеры по-русски будут?
- Да я это о своем, нахмурился второй. Идея нужна, понимаешь? Или слоган. Такой слоган, чтобы больше никто вопросов никогда не задавал: ни зачем, ни почему. Ни «Кто виноват?», ни «Что делать?».
- Это называется «национальной идеей», ухмыльнулся первый. Этот «слоган», он взял слово в издевательские кавычки, мы уже семнадцать лет ищем.
- «Русский ренессанс» думал, но чувствую Рублевкой слишком отдает. Самой такой сивушной Рублевкой, со всеми мещанскими вензелечками... Наездился мимо них, подцепил все-таки, поделился второй. Потом еще «Возвращение сверхдержавы» было. Идея простая: во-первых, «возвращение» слово правильное, архетипическое такое. Ну и понятно, куда возвращаться на международную арену. С гордо поднятой головой.
- «Возвращение короля», подсказал первый. Кино такое было. Или «Снова на арене», иезуитски улыбнулся он.
- А ты вообще почему так настаиваешь на том, чтобы мы нырять пошли? подозрительно спросил второй.
- Да ты что вообще? всплеснул руками первый. Я поплавать просто... Со скатами там... Дельфины еще дикие тут... От отпуска уже всего-то осталось!

Второй молчал. Обстановка на верхней палубе начинала накаляться, казалось, что скоро вскипит бассейн с соленой океанской водой; и даже безгласный француз что-то почуял: сделал музыку потише и повлек свою спутницу в каюту.

- А что, здесь правда система ПВО установлена? Я слышал, он «Пэтриоты» заказал? Оглядывая горделивый стан мегаяхты, первый попытался перевести разговор в игривое мужское русло.
- И корпус весь бронировал, сдержанно отозвался второй. Двести миллионов. Старую жене скинул. Так и так собирался продавать, а тут адвокаты договорились, чтобы при разводе по закупочной цене посчитали. Ума не приложу, что она с таким богатством будет делать.
 - Жирует, неодобрительно откликнулся первый.
- Уже нет, пожал плечами второй. Больше никто не жирует. Даже жалко ребят, такие все бледные ходят.

- Что, опять пошлины снизишь? приподнял бровь первый.
- Не знаю даже. Бюджет трещит. И ребят жалко, и вернуться хочется красиво. Хотя... Дай подумать. Бюджет трещит, шахтеры касками стучат, учителя бастуют, и тут...
 - Только без чрезвычайки, попросил первый.
- Да зачем она? Не нужна никакая чрезвычайка. И так все пройдет. По старой памяти.
 - A я тебе кресло нагрею, вздохнул первый.
- Да ладно, что ты? Мы же так и договаривались с самого начала, мол, если что, если рука дрогнет, я рядом.
- Ну да, без энтузиазма согласился первый. Пойдем, может, поныряем?
- И вот тут... Как подлинный гарант! «Возвращение стабильности»? А, черт с ним! Давай искупнемся. Вдруг и вправду там что прочистится?
- Отлично! Первый радостно потер руки. Может быть, даже подстрелим кого-нибудь!

* * *

- Раньше погружались? строго спросил плечистый инструктор по дайвингу, больше похожий на военного диверсанта в самоволке.
 - Да, сухо подтвердил второй.
 - Нет, предвкушающе покрутил головой первый.
- Тут ничего сложного, сказал гид. Я сам вас обучу и за вами в воде буду присматривать. Но вы на будущее учтите, что ныряют всегда тандемом. Всегда с напарником. Между напарниками должно быть полнейшее взаимное доверие.
 - Мало ли что под водой приключится, кивнул первый.

Внимательно посмотрев на него, инструктор продолжил — медленно и раздельно:

- Бывает всякое. Декомпрессия и потеря сознания. Нападение акулы. Разрыв или отсоединение шланга. Это значит надо постоянно внимательно следить за вашим напарником.
 - С курса может сбиться, предложил свой вариант второй.

— Что? Да. Есть и такая опасность. В панике на глубине случается, что люди даже путают верх и низ, не говоря уже об остальных направлениях. Если чтото произойдет — запомните: главное — ни в коем случае не всплывать наверх слишком быстро. Крошечные пузырьки воздуха, которые на глубине сжаты из-за высокого давления, могут резко расшириться и повредить сосуды, кости, нервные ткани. Короче говоря — от слишком быстрого подъема может просто разорвать мозг.

- Знаем, кивнул второй.
- Отлично. Тогда короткая тренировка в бассейне и поплыли!

* * *

Солидная моторка, общитая полированными досками, с урчанием отошла от борта яхты и полетела к рифам. Винт разрубал воду, и от кормы расходились два пенных гребня — будто края ткани, по которой застежкой-молнией неслась лод-ка, расстегивая океан.

У руля, как и обычно, стоял второй.

Соленые брызги окропляли его непроницаемые очки, но он даже и не думал прятаться за ветровое стекло. Он окончательно решился и теперь на полных парах несся навстречу судьбе.

Остановились неподалеку от кораллового кольца. Натянули синие гидрокостюмы, навесили ярмо свинцовых грузов, пристегнули акваланги. Закусили патрубки дыхательных шлангов и шагнули в пучину.

Если бы не далекий гул тычущихся в отмели атомных подводных ракетоносцев — главком выслуживался, — можно было бы подумать, что они находятся в одной из лучших серий эпопеи Кусто. Но и о навязчивом сопровождении удалось позабыть, для этого достаточно было опуститься на каких-то десять метров.

Кораллы, у поверхности покалеченные туристами, здесь разрастались в причудливый ажурный лес, расцветали небесно-голубым, а рядом вдруг белели слоновой костью. Шеренгой ползли прямо на людей большие треугольные рыбы, раскрашенные под Зверева, вились вкруг выморочных подводных деревьев огромные змеи, и тучи черной с фиолетовым мелюзги то ползли за аквалангистами, то рассеивались вмиг, чтобы тут же снова собраться.

РАССКАЗЫ О РОДИНЕ

Двинулись еще глубже, уже не помня вообще ни о чем другом, оставив на борту лодки, и склоки, и обиды, и подозрения. Свет ослаб, и цвета потускнели, зато из-под камней тут выглядывали твари действительно поразительные. На бреющем полете проследовал мимо неимоверной величины скат, словно сбитый американский В-2, выплыла откуда-то из-за спины гигантская реликтовая черепаха, уставилась в упор и штопором ушла вниз.

Дна видно не было.

Первый, наметив себе цель, потянул из кобуры гарпун. Второй на всякий случай последовал его примеру.

И тут синяя мгла перед ними разом сгустилась, выталкивая из себя чудовищную тень. Туша размером с два столкнувшихся маршрутных такси, обманчивая леность движений, туповато и мертво поблескивающие глаза, будто крышки консервных банок. Акула!

Гид рванул вперед, вспоминая морпеховскую выучку, обернулся на миг к остальным, приказал — убирайтесь! И сам заслонил обоих от твари своим телом. Первый дернулся было вверх, но повторил инструкцию, умерил дыхание, стал поворачиваться ко второму и ненароком зацепил гарпуном за карабин. Попытался высвободить, потащил на себя, а тот сработал... Стрела чиркнула в сантиметре от лица и как бритва рассекла второму воздушный шланг.

Тот взорвался пузырями, забарахтался, потом собрался и заторопился вверх — к воздуху, солнцу, к мучительной гибели от декомпрессии. Но что-то держало его за ногу. Все же заговор?! Второй лягнул вслепую — тиски не разжимались... Дыхание кончалось. И вдруг в пустоте перед ним возник его напарник.

Оторвал от себя струящийся кислородом патрубок и протянул ему.

Вверх поднимались медленно, с остановками.

Дышали по очереди.

* * *

Гид так и не всплыл.

- Герой. Назовем в его честь улицу? спросил второй.
- Давай лучше авианосец, предложил первый.
- Тогда уж подводную лодку, возразил второй. Нет, я серьезно, авианосцы все расписаны на двадцать лет вперед, там очередь как на канонизацию.

Помолчали.

- A я ведь думал, мне все, конец. Ты когда меня за ногу схватил, признался второй.
- Ты всерьез, что ли? засмеялся первый. Да сдалось мне это все! Сам разгребай!
- А знаешь, второй хитро улыбнулся, мы пока поднимались, я слоган придумал. Со смыслом. «Второе дыхание».
 - Под такое проголосуют, оценил первый. Точно проголосуют.
- Ну, проголосуют-то в любом случае, сказал второй. Но просто хочется, чтобы красиво было.

И хотя впереди еще было немало формальностей, именно в этот исторический момент второй снова стал первым, а первый — вторым.

— Ты это... Если что, потом опять поменяемся, — ободряюще подмигнул первый.

Взял в руки рацию и передал на яхту:

— Готовимся к отплытию. Каникулы закончены. Возвращаюсь.

Цторіа

Иван Николаевич Антонов мечтал когда-нибудь побывать в Париже.

Антонов очень любил Францию.

Русскому человеку вообще свойственно любить Францию, это он еще у советского человека унаследовал. Проведи сейчас на улице опрос — по какой из европейских стран надлежит немедленно нанести ядерный удар — Франция, наверное, единственная уцелеет. К Франции ни у кого нет претензий. Как-то простил ей русский человек Наполеона, хотя вот шведам рассчитывать на пощаду не стоит: ктонибудь да припомнит куда более раннюю русско-шведскую войну. Осадочек остался.

Дело, наверное, в том, что Франция во все времена была для русского человека совершенной утопией, волшебной страной, где все не так, как на родине. Где изысканно и вежливо. Где соблазнительно и страстно. Где стильно и вкусно. Где свободно. И еще Джо Дассен.

С того момента, как у Ивана Николаевича появился собственный рабочий кабинет, над креслом прочно обосновались две фотографии: Бельмондо с револьвером и Эйфелева башня весною в довольно непохабном для Владивостока черно-белом исполнении.

И потом эти две фотографии в золоченых рамках мигрировали вместе за своим хозяином из кабинета в кабинет, из офиса над сауной — в офис в загородной крепости, оттуда — в офис в стеклянном бизнес-центре на территории порта, а оттуда уже — в офис в новом здании администрации губернатора Приморья. Там у них появился новый сосед — фотопортрет Президента. Но Президента Иван Николаевич так повесил, по долгу службы, а вот Бельмондо — по велению сердца.

Ивана Николаевича, понятное дело, так звали не всегда. Не всегда он ездил на службу в дорогом костюме в благородную полоску на бронированном «Ситроене

C6», не всегда за руку здоровался с министрами, не всегда летал в Москву первым классом. Когда-то и он был маленьким мальчиком, и его звали просто Ваней, а то и как-нибудь похуже.

Потом он занялся спортом и завел новые знакомства, и его стали звать Бешеным, а те, кто раньше его нехорошо обзывал, быстро прикусили языки. Потом по совокупности заслуг его направили отбывать десятилетний срок на зону строгого режима. Там Бешеный прошел некоторую школу жизни, был несколько раз тяжело ранен, научился уважать авторитеты, мыслить стратегически и сменил прозвище с Бешеного на Бельмондо.

На французского актера времен фильма «Au bout de souffle» Бешеный был немного похож внешне. Человеку, который впервые указал Бешеному на сходство, он на всякий случай сломал ключицу, но потом, поняв, что «Бельмондо» — всего лишь фамилия, извинился. И с новым своим именем так сросся, что почти забыл скоро, как его звали раньше.

Там же, под Читой, пришло и увлечение всем французским — Джо Дассеном, Эммануэлью, Елисейскими Полями и даже немного языком — по ночам, втайне от товарищей, которые могли бы счесть последнее признаком слабости и определить Бельмондо в «пидарасы».

Франция стала для Бельмондо эталоном свободы — физической и метафизической. Он полюбил ее как символ. Как образ. Как мечту.

Когда Бельмондо освободился, он решил завязать с преступным прошлым и пошел в рыбный бизнес. Но деловую хватку сохранил с прежних времен, и когда кто-то из бывших знакомых приходил к нему и называл его по старой памяти Бешеным, то такого знакомого ассистенты Бельмондо потом вполне могли отвезти на безбрежную владивостокскую свалку «Горностай», аккуратно расфасованным по целлофановым пакетам.

Годы шли. Сфера интересов Бельмондо расширялась, включая в себя и импорт праворульных машин из Японии, и экспорт леса. Настал момент, и ему, одному из самых авторитетных предпринимателей в Приморье, предложили задействовать свой авторитет на государственной службе, вступить в Партию и сделаться губернаторским замом. Тут-то Бельмондо и стал снова Иваном Николаевичем — как по паспорту, как в далеком и невинном детстве, словно пройдя обряд очищения, сбросив точно кобра старую кожу, прозвища и погоняла... Тот же обряд прошло и личное дело Ивана Николаевича в краевой прокуратуре, и в местном УВД.

Только ФСБ помнило весь непростой жизненный путь Ивана Николаевича, но на то оно ведь и ФСБ, чтобы все обо всех помнить и в некоторых случаях напоминать.

Став государевым человеком, Иван Николаевич внешне совершенно переменился, отрекся от своего бурного прошлого уже окончательно и другим наказал о нем забыть, а если кто ему слишком навязчиво напоминал о былом, то такого человека секретари Ивана Николаевича отвозили на легендарную уже владивостокскую свалку «Горностай», аккуратно расфасованным по брендированным пакетам из принадлежавшего Ивану Николаевичу супермаркета.

В одном лишь Иван Николаевич себе не изменил — в своей франкофилии. И даже женился он по старой любви — на Эммануэли. Эммануэль была рядовой проституткой, которой ангел-хранитель нашептал взять себе именно этот — ностальгический — творческий псевдоним, чем она и выделилась на фоне Снежан, Анжел и Кристин. Это потом уже, решившись на свадьбу, Иван Николаевич оформил невесте победу в конкурсе «Мисс Приморье» — просто чтобы не выглядеть лохом в глазах истэблишмента.

И портрет вечно молодого Жан-Поля Бельмондо все так же висел в его кабинете, означая решимость Ивана Николаевича в душе остаться верным романтическим идеалам своей юности.

Потому что, сколько бы Иван Николаевич себе ни позволял, все ему казалось — душно в этой стране, несвободно, тесно. Не было настоящей разницы между «химией» и жизнью во Владивостоке. И все рвалась, рвалась куда-то его душа — с воли на настоящую свободу.

Да и Эммануэль, как ни старалась, не могла утолить его тоску по французскому акценту в любви. Все-то казалось Ивану Николаевичу, что там, во Франции, за бесплатно любят так, что самый страстный эпизод в элитной владивостокской сауне покажется стылым. А уж какие чувства там можно, наверное, было испытать за деньги...

Ах, Франция....

Своей музе Иван Николаевич служил как мог. Отпустил грехи непослушному киллеру, который сбежал от Антонова в Иностранный легион, вернул его домой и трижды в неделю занимался с ним ломаным французским и рукопашным боем. Все альбомы Джо Дассена Иван Николаевич собрал на виниле, а Мирей Матье даже дважды пела у него в сауне по случаю юбилеев.

Но вот в самой Франции седеющий лев побывать так и не успел. Сначала не

давали паспорт, потом не отпускали дела, потом не давали визу, и опять не давали визу, и опять не отпускали дела. И потом, географически Владивосток расположен много ближе к Π аттайе, чем к площади Π игаль.

Однако с мечтой однажды все-таки приземлиться в аэропорту Шарль де Голль и вдохнуть полной грудью чистейший французский воздух Иван Николаевич расстаться не мог.

U вот, когда досье на него в органах волшебным образом обнулилось, словно пройдя перезагрузку, и когда ему вручили зеленый служебный паспорт, в который лепить отказ воспитанным французам было не comme il faut 1 , он решился.

* * *

- На выходные это самое... В Париж планирую, поделился он с губернатором, украдкой посасывая валидольчик.
- А слетай, голубчик, слетай! Ты же сколько собирался, ласково глядя на Ивана Николаевича, ответил губернатор; уж он-то знал.
- Волнуюсь, покраснел Иван Николаевич и протер лысину шелковым платком. Одна мечта осталась... И вот сейчас... Это самое.
- Счастливый ты, вздохнул губернатор, отщипывая дольку от мандарина и подкладывая ее к белому телефону с золотым двуглавым орлом вместо диска. Моя вот мечта уже исполнилась... И как-то скучно стало.
- Ну так... Губернатором можно ведь только один раз стать, а в Париж летать хоть каждую пятницу, златозубо оскалился Иван Николаевич. Не соскучишься! Лувр там, Сена, кафешантаны и каштаны, Латинский квартал, а если что то и до Лазурного Берега, к пацанам, недалеко...
- Почему это губернатором только один раз? нахмурился губернатор. Я вообще-то на второй срок... Конечно, человек предполагает, а Бог располагает, спохватился он, боязливо оглянулся на белый гербовый телефон и подложил ему еще одну дольку мандарина.
- Некоторые в стопочку коньяку хорошего французского наливают и ставят ему, шепотом сказал Антонов, глазами указывая на кремлевский телефон. Говорят, помогает.

¹ Не комильфо ($\phi \rho$.).

— Неисправимый ты, Бельмондо, франкофон, — покачал головой губернатор. — Λ адно, вали!

Элегантный «Ситроен С6» цвета ночи в Провансе — как у французского президента Саркози — летел по улицам Владивостока, проглатывая ухабы и ямы, в окружении шестилитровых джипов. Постовые ГИБДД, издалека заприметив экзотический автомобиль, единственный леворульный в царстве праворульных машин, обычно брали под козырек, а те, кто успевал, прятались в придорожных кустах, зная о классовой неприязни Антонова к сотрудникам милиции. Сам Иван Николаевич, уютно устроившись на сиденьях молочной кожи, решал государственные вопросы.

— Передай ему, что ему хана! И если его газетенка еще раз про это напишет, мы ему прописку на «Горностае» оформим, — поправляя галстук, просил он собеседника в трубке мобильного. — Давай, у меня вторая линия... Антонов слушает! Да, это самое, с таможней все решено сто раз уже. Какой еще президентский указ? Ничего не знаю такого. Пока работаем, как работали. Спец кто? Спецпредставитель? Президента? Давай его примем по высшему разряду, в сауну с девочками, все снимем, будет дополнительный аргумент в переговорах, это самое... Да, все, давай, у меня вторая линия! Антонов слушает! Прости, пупсик, я в Париж улетаю. И если ты еще раз позвонишь на этот номер, я тебе прописку... Все, у меня вторая линия, целую. Антонов! Да, Александр Петрович! Конечно! Так мы уже все в Индонезию вывели, все триста миллионов. Нет, никто нас не слушает, все у меня зарплату получают, это самое... Так точно.. Так точно... Спасибо. Всего доброго. Да...

Но тут сидевший за рулем легионер ударил по тормозам, и Иван Николаевич, конечно непристегнутый, смаху приложился синей щекой к спинке водительского сиденья.

— Они тут... Я прямо на них... А они ни с места... — объяснял легионер.

Иван Николаевич присмотрелся: перегородив дорогу его кортежу, посреди трассы сиротливо стояли два милицейских «жигуленка». Из джипов сопровождения на мокрый после недавнего дождика асфальт посыпались бойцы СОБРа в сером зимнем камуфляже, окружая незадачливых гаишников.

— Из края, что ли? — взвешивая, казнить или миловать, удивился Антонов. Дверца «жигуля» отлетела в сторону, и навстречу его «Ситроену», игнорируя напряженно сопящих собровцев, засеменил пузатый человечек в высокой фураж-

ке. Следом за ним, выбравшись из придорожной засады, поскакал телеоператор в бронежилете с надписью «Дежурная часть».

- Так, выжидающе сказал Иван Николаевич.
- Генерал милиции Попов, начальник ГИБДД МВД по Приморскому краю. Мы проводим операцию «Одиссей» по борьбе с незаконными сиренами. У вас есть разрешение на спецсигналы? спросил он у водителя.
- Это новый какой-то, только что назначили, наверное, не отвечая генералу, растерянно оглянулся на Ивана Николаевича водитель.

Антонов закурил аргентинскую сигару и выбил пальцами музыкальную строчку из Джо Дассена на подлокотнике карельской березы.

— Кого перевозим? — Попов отважно постучал жезлом в абсолютно непроницаемое пассажирское стекло «Ситроена».

Оператор «Дежурной части» подскочил ближе и навел объектив на пассажирскую дверь. Бойцы СОБРа, пораженные когнитивным диссонансом, застыли в прострации, будто огромные зайцы-барабанщики, у которых сели батарейки.

Иван Николаевич утомленно вздохнул и с негромким вальяжным жужжанием опустил стекло. Посмотрел в красную генеральскую рожу и сказал по-доброму:

— Залазь в багажник. Прокатимся.

Генерала Иван Николаевич убивать не стал, припугнул только: закопал по шею на диком пляже и помочился милиционеру на голову, чтобы тот впредь соблюдал субординацию. Репортеру приказал все снимать — для личной коллекции.

— У нас в Приморье закон для всех един, — назидательно харкнул Иван Николаевич, застегивая ширинку. — Генерал ты или нет.

* * *

В VIP-зале владивостокского аэропорта Иван Николаевич сидел один. Остальных пассажиров оттуда выгнали, чтобы не докучали. Раскрыв «Коммерсантъ», он медленно, вслух читал вести с полей, иногда утомляясь и делая перерыв на два пальца виски. Легионер, которого Антонов взял с собой переводчиком, коротал время у окна, давя пальцем бьющихся о стекло мух.

Когда гроза кончилась, Антонова машиной доставили к «Боингу» и проводили в отдельный салон, где в его распоряжение на долгие восемь часов перелета был

предоставлен бесплатный бар и милая стюардесса, готовая на все за дополнительную плату.

Увы стюардессе, она так и не удостоилась внимания Ивана Николаевича, а легионеру не хватило командировочных. Антонов же все восемь часов, от напряжения высунув кончик языка, прилежно повторял спряжение французских глаголов третьей группы. А потом, приустав, попросил ее поставить припасенный DVD с фильмом «Игрушка».

На пересадке в Шереметьеве Иван Николаевич заказал жюльен и бордо, пытаясь настроиться на нужную волну. Попросил было лягушек, но официант пренебрежительно объяснил, что в Париже Антонов поест их быстрее. Иван Николаевич внимательно все выслушал, разбил официанту голову о раковину в туалете, засунул ему в карман купюру в пятьсот евро, выпил коньяку и, разгоряченный, пошел на посадку.

— Ну, бывай, Родина! — чокнулся Иван Николаевич со стеклом иллюминатора, за которым простирались летные поля Внукова. — Как знать, свидимся ли еще... На свободу ведь еду!

Лету до французской столицы было совсем немного — часа три с половиной. Но они стали самыми томительными часами в жизни Ивана Николаевича с тех пор, как, отбыв все десять лет заключения, он постучался в двери первого читинского борделя.

- Уже бывал в Париже-то? подливая шампанского, светски поинтересовался Иван Николаевич у летевшего рядом Поэнера.
 - Случалось, коротко ответил обиженный Познер.
 - А я вот в первый раз, стеснительно признался Иван Николаевич.
- Оно и видно, скривился Познер. И, подумав, добавил: Я больше так не буду. Отпустите, пожалуйста.

С виду Франция оказалась похожа на Москву: стекло и бетон. Уже в аэропорту Иван Николаевич насторожился: паспорт у него проверяла коренастая негритянка. Черных, арабов и прочих в фильме «Игрушка» не было.

- Мы точно туда прилетели? строго спросил он у легионера.
- Родина Вольтера, заверил его тот, воровато оглядываясь.
- Merci et bienvenue en France¹, улыбнулась Антонову негритянка.

 $^{^{1}}$ Спасибо и добро пожаловать во Францию! (фр.)

- Прости, что без банана, вернул ей улыбку Иван Николаевич. У! У!
- Может обидеться, предупредил его легионер.
- Да чего она понимает. Понабрали дикарей на госслужбу! осуждающе проворчал Антонов.

Да и вольный парижский воздух от московского вроде сильно не отличался. В груди чета не щемило. Однако прежде чем делать выводы, Иван Николаевич решил дать Франции шанс. Он хотел, чтобы Франция соблазнила его, чтобы напомнила ему о юношеских любовных грезах. Тогда, может быть, и здешний воздух, напоенный ароматом страсти и неги, станет слаще?

— Мулен Руж! — повелел Иван Николаевич таксисту.

Всю дорогу он, открыв окно, внимательно всматривался в ползущие мимо парижские улицы, и на лице его мелькали сумеречные тени. Но ближе к площади Пигаль морщины начали разглаживаться.

— Похоже все-таки немножко, — снисходительно резюмировал он.

Сунул водителю пятьсот евро — мельче не было — и направился ко входу в кабаре, тесня томящиеся в ожидании тургруппы.

- Слышь, командир! обратился Иван Николаевич к загорелому до неприличия метрдотелю, запихивая ему в нагрудный карман уже знакомую купюру. Устрой нас получше, чтобы сиськи было хорошо видно. Мы только что из России откинулись. Как девочки, свежие есть? завсегдатайски похлопал он метрдотеля по плечу, оглядываясь на легионера, чтобы тот перевел.
- Je regrette, monsieur, mais vous devez faire la queue, comme tout le monde¹, сдержанно отозвался метрдотель.
- Je ne comprends pas! 2 нахмурился Иван Николаевич, и его пальцы сами собою сложились в давно с тех пор, как ему в последний раз в чем-то отказывали, забытую «козу».
 - Давайте в очередь встанем, а? попросил его легионер.
- Да я в последний раз в очередь за баландой стоял! вскипел Бельмондо. Порядочки у вас как на зоне! ощерился он.
 - Сейчас они полицию вызовут, тоскливо сказал легионер.
- А мы им консула вызовем! рыкнул Иван Николаевич, но уже скорее для проформы: попасть внутрь ему все же хотелось больше, чем подраться.

 $^{^{1}}$ Сожалею, мсье, но вам придется выстоять очередь, как и всем ($\phi \rho$.).

 $^{^{2}}$ Не понимаю! ($\phi \rho$.)

Мстительно посаженный метрдотелем за самый дальний столик, от которого танцевавшие девушки были видны только приблизительно, он копил злобу, маринуя ее в шампанском.

— Бабы все страшные, сисек нет. — Иван Николаевич хлебнул Crystal из горла и поднялся со своего места. — И танцуют так себе. Посмотрим, как они в койке.

Он двинулся вперед — напролом, неудержимо, распугивая присмиревших от вида обнаженной женской груди японских туристов.

- Хочу вот ту, черненькую, указал он секьюрити на знойную темнокожую приму в экзотическом костюме из страусиных перьев. Сейчас задам ей дрозда. Раз вы сами их не можете...
 - C'est pas possible, monsieur¹, развел руками секьюрити.
 - Je ne comprends pas! завелся Иван Николаевич.
 - Ici, on n'est pas un bordel², оскорбился секьюрити.

И тогда Иван Николаевич подставил к сцене стул и вскарабкался наверх — как поступал обычно в родном стрип-клубе. Засунув остолбеневшей приме миллиметр пятисотевровых в усыпанные стразами трусики, он ухватил ее за самый выразительный изгиб и поволок за собой.

- Je ne suis pas une pute!³ вопила прима.
- Je ne comprends pas! искренне удивлялся Иван Николаевич.

Подлетевшему секьюрити Бельмондо ловко проломил голову бутылкой Crystal, потом разбил фужер на манер розочки и еще десять минут удерживал оборону, зажатый в угол превосходящими силами прибывшей жандармерии. Легионер, помня, что в этой стране ему еще, может, работать, не вмешивался.

Наконец Ивану Николаевичу надели наручники и тычками погнали сквозь толпу в полицейский микроавтобус.

— Снимите браслеты! Я свободный человек! — орал Бельмондо, окровавленный, но не покоренный.

И темнокожая прима с едва заметной тоской в оленьих карих глазах смотрела ему вслед, пересчитывая купюры.

 $[\]overline{}^{1}$ Это невозможно, мсье $(\phi \rho.)$.

 $^{^2}$ Тут у нас не бордель ($\phi \rho$.).

 $^{^{3}}$ Я не шлюха! ($\phi \rho$.)

В полицейском комиссариате Иван Николаевич держался с достоинством, на все вопросы отвечая по-русски. Из-за этого разговор не очень клеился.

- Pourquoi avez-vous aggressé la danseuse? спрашивал, к примеру, следователь.
- Я отказываюсь говорить, пока сюда не прибудет русский консул! откликался Иван Николаевич.
- Confirmez-vous avoir frappé la personne de sécurité? спрашивал следователь.
 - У меня дипломатическая неприкосновенность! врал Иван Николаевич.
- Comprenez-vous qu'à cause de votre comportement vous serez déporté de la France?³ спрашивал следователь.
- Ты че за беспредел мне тут устраиваешь? сбивался с державного на разговорный Иван Николаевич.

Зазвонил телефон. Следователь снял трубку, вытер лоб платком и умолк. Комариным писком из динамика до слуха Ивана Николаевича донеслось заветное «consul russe». Полицейский искоса посмотрел на Бельмондо.

- Сейчас тебя поставят на четвереньки! потер руки тот. Приучайся, мужик, думать на шаг вперед. Уже сейчас скажи родным, чтобы они тебя в розыск объявляли!
- Le consul russe est à Courchevel. Il aide à vos collegues plus riches et ne viendra pas. Quelques choses avec des putes mineures, cocaïne et armes à feu, comme d'hab⁴, спокойно ответил следователь.
- Братишка! У меня еще тысяч двадцать наликом осталось, Бельмондо суетливо полез в пиджак. Возьми на память, а?
 - On n'accepte pas des pot-de-vin ici 5 , отодвинулся от него следователь.
- Je ne comprends pas, вытаращил глаза Бельмондо, позабыв даже о национальной гордости.

 $^{^1}$ Почему вы напали на танцовщицу? $(\phi \rho.)$

 $^{^{2}}$ Подтверждаете ли вы, что ударили сотрудника безопасности? ($\phi \rho$.)

 $^{^3}$ Понимаете ли вы, что из-за вашего поведения вы будете депортированы из Франции? (фр.)

 $^{^4}$ Русский консул в Куршевеле. Он помогает вашим более обеспеченным коллегам и не сможет приехать. Там что-то связанное с малолетними проститутками, кокаинами и огнестрельным оружием, ну как обычно ($\phi \rho$.).

 $^{^{5}}$ Здесь взяток не берут ($\phi \rho$.).

- Pas de pot-de-vin! Vous êtes en Europe, pas chez vous en Russie¹, фыркнул следователь.
- И я сделаю все от меня зависящее, чтобы моя Россия никогда не вступила в ваш б....ский, надменный Евросоюз! в сердцах крикнул Иван Николаевич.

* * *

Его еле выпустили спустя сутки — легионер вспомнил по старой работе телефон хорошего адвоката. Адвокат вообще специализировался на убийцах, но подкалымливал на российских полуофициальных лицах и африканских вождях в отпуске.

До самого аэропорта за «Ситроеном» цвета московского смога, в котором, угрюмее Бутырки, трясся Бельмондо, ехала полицейская машина с включенными мигалками. Спасибо, хоть наручники сняли.

- Слушай, давай хоть двести рванем? не выдержал Бельмондо, устав от мелькания в зеркале заднего вида. Душно мне...
- Так нельзя же, Иван Николаевич, пробасил легионер. Восемьдесят ограничение.
- Подавляют, гады, личность, зло процедил Бельмондо. Хочу на Родину...

Сидя в просторном кресле полупустого бизнес-класса, Иван Николаевич с ненавистью смотрел на Францию сквозь очко иллюминатора.

— Ну и в чем тут свобода?! Того нельзя, этого нельзя... — пробурчал он вслух, оглянулся на соседей в поисках поддержки, но наткнулся взглядом только на бледного отползающего Познера.

Познер приоткрыл было рот, но задумался о чем-то и закрыл его вновь.

— Фра-а-анция... — с отвращением протянул Бельмондо. — Тьфутыблять! Не страна, а какая-то утопия!

 $^{^{1}}$ Никаких взяток. Вы в Европе, а не у себя в России! ($\phi \rho$.)

🛛 ДНА НА ВСЕХ

Этот кабинет Гольдовский себе представлял совсем не так. Думал увидеть номенклатурный дубовый стол, способный вынести танковый таран, державный портрет Сами-Знаете-Кого маслом в резной золотой раме, белые вертушки спецсвязи с гербами, мраморные пепельницы...

И был приятно удивлен. Скандинавский минимал, огромная плазма в углу и тонкий «Мак» в алюминиевом корпусе на стеклянном дизайнерском столе. Даже Сами-Знаете-Кто глядел со стены с лукавым ленинским прищуром, прижимая карабин к обнаженному торсу. Все говорило о том, что хозяин кабинета — человек продвинутый.

— Вы хороший специалист, — бесцветно произнес тот. — Видел ваши работы по силиконовому мозгу. Очень креативно. И эта тема с куриными окорочками тоже. В общем, мне кажется, вы доросли до настоящего челленджа.

Гольдовский смущенно кашлянул. Когда вчера ему позвонили с неопределяемого номера и представились, он сначала решил, что его разыгрывают приятели, потом утер внезапную испарину и судорожно закивал. Всю ночь он ворочался, пытаясь вообразить, о чем же завтра пойдет разговор...

— Зря удивляетесь, — перехватив его недоуменный взгляд, ровно проговорил человек. — Мы всегда старались привлечь таланты из любых сфер. У нас работают и бывшие сотрудники ФСБ, и бывшие военные, и из частного сектора... Про ФСБ я уже говорил?

Гольдовский осторожно кивнул. Человек за стеклянным столом кивнул ему в ответ и замолчал. Тактично заполняя паузу, зажужжал японский кондиционер.

— Вынужден признать, — сказал человек, — креатив у них своебразный. Поэтому я решил привлечь кого-то с незамыленным взглядом. Задача непростая. В сложные нынешние времена нужно сплотить наш многонациональный, — он скользнул взглядом по носу Гольдовского, — народ. Тема с маленькой победоносной войной выстрелила красиво, но немного преждевременно. Прогнозы по эконо-

мической и социальной стабильности у нас... — он поворошил исчерканные красным маркером листы бумаги, — разные. Поиски национальной идеи сводятся к пресловутому «Православие, самодержавие, народность». Во-первых, неясно, как сегодня с системой ГАС «Выборы» трактовать «народность», а во-вторых, этот слоган несколько исключает наших чеченских, татарских, дагестанских и даже калмыкских братьев... Про чеченцев я уже говорил?

Гольдовский выжидающе кивнул.

- Нам нужна новая патриотическая концепция. Нужна новая искренность в любви к родине. Нет, не к родине даже, а к Родине! Нужен ребрендинг самой Родины, понимаете? У вас, кстати, случайно не двойное гражданство? как бы невзначай обронил он.
- Нет, Гольдовский истово помотал головой, хотя он задумывался иногда об этой опции.
- И очень правильно. А то нам уже случалось брать на работу технологов, которые начинают писать о любви к Родине и путают предметы любви... А Родина, человек за стеклянным столом назидательно поднял палец, как женщина. Если любишь вторую, это означает измену первой.

Гольдовский сделал пометку карандашом в принесенном с собою дизайнерском блокноте. Человек посмотрел на него благосклонно.

— И вот, собственно, ваша задача. Придумайте что-нибудь. Нужно воскресить и модернизировать патриотизм. Придать Родине sex appeal. Определить, что это понятие вообще может означать в мире эпохи Интернета, эпохи global village. Я хочу, чтобы слово «Родина» стимулировало нервные центры не только в мозгу православного хоругвеносца и не только в мозгу казацкого атамана. Я хочу, чтобы Родина была трендовой. Чтобы «Винзавод» добровольно устравал патриотические хэппенинги. И чтобы при этом пенсионеры не чувствовали себя чужими на этой Родине... — Он гильотинировал сигару и, прежде чем зажечь ее, проникновенно заглянул Гольдовскому в глаза. — Ну и, разумеется, эта концепция Родины должна понравиться всем. Особенно тем, кто распределяет и утверждает бюджеты. Лучшим нашим кадрам. Я уже говорил, где мы их набираем?

Гольдовский обреченно кивнул.

— До понедельника подумайте, — сказал человек за стеклянным столом.

* * *

Пятилитровый двигатель «X6» низко заурчал, просыпаясь. Гольдовский задумался, роняя пепел американского «Данхилла» на белые кожаные сиденья. У него был верный способ: проговорить с собой всю цепь мгновенных ассоциаций с брендом или товаром, на которые поступал заказ. Обычно одна из первых оказывалась самой яркой, на ней он уже и выстраивал всю концепцию и будущую кампанию. Нужно было только взглянуть на привычные образы под новым углом; кокаина Гольдовский побаивался, а вот гидропонику для этих целей использовал часто.

Родина, Родина, Родина...

С чего начинается Родина? С картинки в твоем букваре?

Гольдовский вывернул из душноватых переулков к Китай-городу, съехал на набережную и покатил к Большому Каменному мосту. Справа мелькали красные кирпичи, матово светились золотые купола, ловя отражения низких облаков, сизый постовой разводил черные «мерседесы» и «рейнджроверы»... Многоугольная, ломаная линия кремлевских стен неправильностью своей напоминала неправильность контуров человеческого сердца. Клапаны Боровицких ворот впускали и выпускали бронированные кортежи... Сердце Родины бьется исправно... Что-нибудь этакое? Нет, тему Кремля лучше не педалировать. Нужно что-нибудь поуниверсальней. Понравиться должно ведь всем? Всем. Что же, еще и Белый дом втискивать?

Родина! Они сражались за Родину. Родина-мать зовет. Пусть кричат «уродина», а она мне нравится... Сколько он, интересно, за корпоративы берет? Вот и проверили бы его на патриотизм...

Удачно проскочив всех гаишников, Гольдовский вырвался на Новый Арбат. Пробка начиналась уже от кинотеатра «Октябрь», разливаясь по Кутузовскому до самого поворота на Рублевское шоссе и дальше — по потемкинской асфальтовой узкоколейке, через всевозможные вариации «Барвих», «Горок» и «Раздоров». Распухшие уродливые поселки в сосновых рощицах, облысевших, словно от химиотерапии, слишком медленно всасывали в себя стальной поток, не справляясь.

Как он неудачно... Ничего, на следующей неделе знакомые подвезут ему ксиву начальника юридической службы ассоциации ветеранов группы «Альфа», с ней можно будет по разделительной гнать, не унижаясь в этом ежевечернем великом стоянии. А если он справится с новым заказом... От открывающихся перспектив у Гольдовского захолонуло сердце.

Доползя кое-как до «Азбуки» на Кутузовском, он отчаялся и приткнул внедорожник в чудом освободившееся меж двух вороненых новых «семерок» место. Шагнул в распахнувшиеся стеклянные двери и рассеянно побрел мимо полок, наугад сгребая в корзину упаковки. Приобретя однажды в этом удивительном магазине виноград за двести долларов кило и спохватившись только на кассе, Гольдовский сначала хотел выложить и отменить покупку. Но тут же укорил себя за малодушие и скряжничество и подавил позыв. С тех пор он вообще зарекся смотреть на цены, всегда протягивая кассирше свою платиновую визу, не дожидаясь даже, пока та закончит пробивать покупки.

Родина. Какая она? Бескрайняя. Любимая. Щедрая? Пожалуй. Потому что богатая, задумчиво сказал себе Гольдовский, сквозь витрину наблюдая, как вместо отъехавшей «семерки» к его внедорожнику неуклюже впарковывается «Роллс-Ройс».

Родина. Гольдовский замер, закрыл глаза. Первые визуальные ассоциации? Красные флаги, заградотряды и «Ни шагу назад», парад Победы... Еще почемуто поля пшеницы. Нет, пшеница не катит. Украинский жовто-блакитный флаг — это ведь желтое пшеничное поле под лазуревым небом. Так что пшеница занята. А жаль. Какой-нибудь ароматный каравай... Хороший образ!

В животе заурчало. Обычно Гольдовский питался в уютном новиковском ресторанчике за «Лакшери Вилладжем», там было недорого и очень вкусно. Но сегодня с чудовищной пятничной пробкой ему не дотерпеть. А, черт с ним... Придется ужинать по-пролетарски, суши из коробочки. Гольдовский добрел до гастрономического отдела и попросил у непременного бурята в фирменном кимоно набор посолиднее.

Взял пакетик преждевременной клубники, бутылку аргентинского вина из середины девяностых, свежий «Форбс» — посмеяться, выгрузил на резиновую ленту у кассы, почесал нос.

Родина. Родина, черт возьми. Любимая — да, но вот почему?

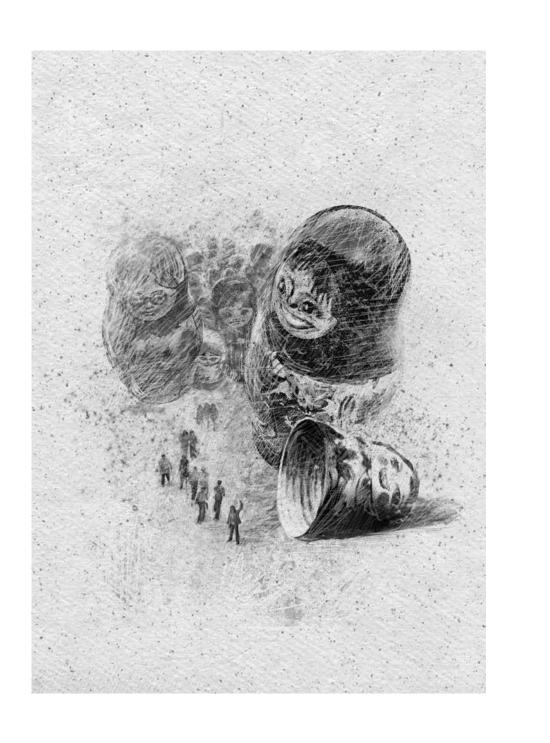
Задрожал в кармане мобильник. Номер швейцарский, не определяется.

Маратик! — Пьяный женский голос заставил его улыбнуться. Алика...

Рука сама потянулась к стенду с ультратонкими презервативами.

— Маратик! А ты к нам прилетишь? Мы тут с Олькой так скучаем... — залепетала Алика. — Лыжные палки настраивают на игривый лад, а вокруг сплошь немецкое жлобье... Просто не на кого глаз положить.

А не бросить ли все к чертям собачьим, не рвануть ли прямо сейчас в Домодедово? Оставить машину на парковке, затесаться на ближайший чартер, и уже завтра утром вихлять по красной лыжне, а к вечеру устроить групповое афтер-ски?

Нет, остановил себя Гольдовский. Родина зовет.

Он вздохнул, отшутился и отключился. Собрал в охапку бумажные пакеты с продуктами и двинулся к машине, заставляя себя снова думать себя о работе.

С хороших и верных товаарищееей... живущих в соседнем дворе...

Кстати, в коттедже напротив жил креативный директор МакКенна, у которого всегда было что-то за пазухой, причем всегда лучшего качества, нидерландского производства. С этим замечательным человеком Гольдовский брал мозговым штурмом не одну брендовую твердыню. Курили они по принципу «Ты — мне, я — тебе», и сосед как раз задолжал Гольдовскому один креатив.

Великая эмея медленно ползла по Кутузовскому, поблескивая тысячами металлических чешуек, лениво сворачивала к Крылатскому, терлась там бок о бок с МКАДом, обвивающим Москву удавьим кольцом, и не было видно этой эмее ни конца ни края...

Гольдовский брал суши из коробки прямо пальцами, макал в баночку с соевым соусом и мечтал оказаться в бразильском городе Сан-Паулу. В этом городе легкую авиацию давным-давно разрешили, и обеспеченные люди вообще никогда не оказываются на улицах, где вечно все забито смердящими старыми легковушками и вообще небезопасно. Они летают собственными вертолетами — с загородной виллы на крышу здания, где располагается их офис, потом — на крышу башни, в которой у них намечена деловая встреча, потом — на крышу отеля, где проходит прием, потом — в гольф-клуб... Однажды вечером, сидя в лаунже на последнем, шестидесятом этаже Edificio Italia, Гольдовский наблюдал за десятками светлячков, порхавших между бамбуковыми ростками бразильских небоскребов, и думал: ну почему в Москве нельзя сделать так же? Почему в нашей чертовой стране все не как у людей? К чему все эти мигалки, крякалки, кортежи, микроавтобусы с вневедомственным спецназом? Зачем унижать простого человека, томящегося в пробке, демонстрацией всех этих побрякушек, зачем заставлять его ждать, зачем провоцировать классовую ненависть, если можно с этим простым человеком вообще не пересекаться?

* * *

На подъездах к Крылатскому у Гольдовского кончились сигареты. Остановившись у киоска, Гольдовский неловко попытался перескочить лужу и утоп в грязи

РАССКАЗЫ О РОДИНЕ

по щиколотку; проклиная все на свете, встал последним в шаткую и ленивую очередь из гастарбайтеров и местных алкашей. Может, выстоял бы до конца, но тут щетинистый азербайджанец в трениках завел с ним разговор о политике, и Гольдовский, не выдержав, ретировался.

До дома он добрался только в одиннадцатом часу, скрипя зубами от бешенства. Выбрал в душевой кабине режим «тропический ливень» и, уже на грани истерики, перебирал образы, мысли, ассоциации...

Палех? Хохлома? Балалайка? Толстой? Есенин? Охотничьи рассказы? Утро в сосновом бору? Металлургия? Промышленная мощь? Нефть? Сочи-2014? Курская дуга? Бородино? Афган? Цусима? Отмена крепостного права? Транссиб? Московское метро?

Что для меня Родина? Что она для каждого из телезрителей? Что заставит ее любить? Что заставит сердце биться чаще? От чего навернется слеза?

Пусто. Ничего. Вроде и есть Родина, а вроде и нет ее. Попытаешься сформулировать, ухватить, выпарить экстракт — рассеивается, как утренний сон.

Хочу в Бразилию, подумал Гольдовский и закрыл глаза.

* * *

- Ты слишком зашорен. Гнутая оправа от Филиппа Старка придавала лицу соседа надменное выражение, хотя человеком он был душевным. Тебя что, попросили? Заставить людей ощутить гордость за Родину, помочь им испытать душевный и гормональный подъем... Он выдержал долгую паузу по Станиславскому и выдохнул хвойный дым. А для этого не надо понимать, что такое «Родина». И потом, пойми Родина у каждого своя. Для кого микрорайон Юбилейный, для кого Одинцовский район.
- A что у нас общего? Что у нас одно на всех? тупо спросил Гольдовский, принимая самокрутку.
 - Победа! прыснул сосед.
 - He, я реально... жалобно протянул Гольдовский.
- Ну и я реально. Тебе когда про Родину сказали, ты о Великой Отечественной подумал? И я подумал. Это же первая ассоциация. Прокатывает железно. Это же условный рефлекс, годы дрессировки, тут слюна выделяется сразу, прежде чем поймешь, что с тобой происходит.
 - Ну это же избито сто раз... неуверенно возразил Гольдовский.

- Потому и избито, что работает, отрезал сосед. Не фига искать от добра добра в такие сжатые сроки. Тебе какую задачу поставили? Обновить! Освежить! Сделать более трендовым. То есть нужно, чтобы говорили, обсуждали... И при этом чтобы нравилось всем, от функционеров до пенсионеров. Ну, снимешь ты доярку на фоне ржи... Что тут обсуждать?
- Я хотел новое что-нибудь... Идеологически... Гольдовский уныло впустил в себя джинна из самокрутки.
- Все новое хорошо забытое старое, покачал головой сосед. И идеология наша нынешняя... Это... Это как... Он тоже затянулся. Это как взять цветные карандаши и черно-белые фотографии раскрашивать... Понимаешь, о чем я?

Понять было непросто, но Гольдовский и его креативный сосед поймали уже общую волну... Гольдовский восхищенно закивал, поражаясь глубине образа.

И тут джинн наконец исполнил его желание. Родина, необъятная, как пробка от Кремля до Рублевки, любимая, как «Хб», непостижимая, как планы правительства, вдруг померкла, истаяла. А на первый план выступило решение — спонтанное, необъяснимое, невербализируемое, но эмоционально безотказное, стопроцентное. То, что заставит биться в унисон сердца эмо, рэперов, пенсионеров и ветеранов ФСБ.

— Слушай, — просипел Гольдовский, лупая красными глазами. — А что, если просто взять и к празднику «Семнадцать мгновений весны» раскрасить?

Явление

Брайан Литтрелл смотрел на Катю без энтузиазма и даже как-то затравленно. Выглядел он в последнее время из рук вон плохо: после того, как она пролила на Брайана «Белого аиста», певца аж всего перекоробило. Годы шли, и Литтрелла они не красили, а новых фаворитов у Кати не появлялось.

В бойз-бэнды не эря набирают, как на Ковчег, по одному представителю от каждого типажа. Американские продюсеры давно уже прологарифмировали женскую душу и поняли: плевать, как они поют; главное — чтобы в них можно было влюбиться. Из всего «Бэкстрит Бойз» Кате понравился только он, Брайан. Лишь он смотрел с постера, вложенного в женский журнал, не в камеру неизвестного фотографа, а прямо ей, Кате, — в душу.

Сначала Катя повесила над своим столом всех пятерых. Но потом подумала, что пора определяться, и Брайана осторожно ножничками вырезала, а Ника Картера, Эй Джей Маклина, Хауи Дороу и Кевина Ричардсона отправила в мусорное ведро. Теперь, когда Брайан остался один, его стало проще таскать с собой в сумочке. И подносить его к губам, когда у вершин неги Кате мучительно хотелось поцелуя, стало проще.

Но за этот год Брайан очень сдал, и складочки на его лице превратились уже в глубокие борозды. Катя все пыталась увидеть в его глазах прежнюю дерзость, но взгляд поп-идола теперь ускользал от нее. Словно Катя — нагая, прекрасная — была для Брайана лишь первым планом, на котором он не хотел больше фокусироваться. А кто находился на втором плане — где-то за округлыми Катиными плечиками, — ей было неведомо.

И она тоже стала к нему остывать.

Почему именно Брайан? Почему не Колян, не Толян и не Алексей Семеныч? С чего такая требовательность, откуда эта тяга к экзотике, к чему никем не оцененная самоотверженность?

Да просто не повезло с местом рождения. В городе Козловке из двенадцати тысяч его населения на двух номинальных мужчин по переписи приходилось три недолюбленных женщины. Переписчики принимали в счет и алкоголиков, и сидельцев, и ветеранов. Все эти мертвые души не могли утолить Катины желание и тоску. А когда в Козловке появлялись дееспособные мужчины — неважно, окольцованные или нет, — их судьбы решались без их даже ведома, в порядке почти официальной очереди, в которой Катино место должно было подойти лет через шесть.

Вначале — по неопытности, Катя рвалась еще на дискотеки в к/т «Октябрь», думая, что может там встретить перспективного парня с фургоносборочного комбината или хотя бы старшеклассника посимпатичнее. Но в «Октябре» людей с улицы не ждали; старый кинотеатр давно уже был превращен в садок, в котором хозяйки заведения разводили даже самых крошечных мальков. Кате два раза подряд в кровь раздирали ногтями лицо, и на дискотеки она ходить как-то перестала.

Лишь однажды облака, плотно устилающие всегда небо над Козловкой, разошлись, и в прореху — прямо Кате в ладони — упал лучик солнца. У знаменитой на весь город клумбы рядом с магазином «Стекляшка» ее, трепещущую, похитил Саня Спица на глухо тонированной «восьмерке». Увез на берег Куйбышевского водохранилища, опоил «Белым аистом» и откинул назад ревматическое жигулевское сиденье. Вот и вся любовь. А на следующее утро Катю разыскала Санина жена и попыталась воткнуть ей в живот хозяйственные ножницы с зеленой железной ручкой. С тех пор Катя предпочитала сублимировать.

Она не запускала себя: покупала черные колготки, делала химию и высветлялась и раз в год отправлялась в Чебоксары за модной одеждой. Но отчаяние, как приступ тошноты, подступало все выше, все ближе к горлу. Вместе с красками на портрете Брайана Литтрелла уходила Катина юность. Он, давний Катин любовник и единственное ее утешение, выцветал — а она отцветала.

Настал вечер, когда под усталым взглядом его поблекших глаз она не смогла кончить, вместо этого беспричинно разрыдавшись. Размазывая по лицу дешевую тушь, Катя вскочила с тахты, схватила Брайана и разорвала его пополам. А потом еще раз пополам, и еще, и еще, чтобы не было соблазна склеить его заново.

Потом натянула любимые голубые джинсы, алую кофточку из ангоры, прижала к груди сумку и бросилась на улицу. Впотьмах уже, спотыкаясь и проваливаясь в лужи, побежала к остановке, дождалась последний белый «пазик» с безъязыкой билетершей и по козловским колдобинам покатила к местной железнодорожной станции с сумрачным названием «Тюрлема».

РАССКАЗЫ О РОДИНЕ

Куда она хотела ехать? Неизвестно. Ей ехать-то было и некуда, и не к кому. На весь перрон горело три фонаря — два по краям и один ровно над вывеской-приговором «Тюрлема». И вырваться из Тюрлемы Катя не могла — сколько гремящих поездов ни накатывало на нее из прохладной августовской ночи, ни один на богом проклятой станции не останавливался. Мелькая кадрами горящих окон, в которых ей чудились счастливые люди, пьющие чай или расстилающие постели, составы улетали во мглу, а она вечно оставалась на вокзале одна.

Катя подходила даже уже к самому краю перрона, думая шагнуть навстречу поезду, но представила себе, как ее станет назавтра собирать по железнодорожному полотну милиция и что будет с мамой, и не решилась. Выплакала все слезы и уснула на железной скамейке.

* * *

Будто бы она сидела, расстелив покрывало, на берегу Куйбышевского водохранилища и кого-то ждала. Тут же на клеенке стояла закупоренная винная бутылка, и шпроты в масле лежали, и яйца вареные — в общем, снедь всякая. И было утро — такое же августовское, ласковое. Словно за остаток ночи с ней случилось что-то — знакомство? — о котором она сейчас позабыла. Но кто-то ведь привез ее сюда, к водохранилищу.

Стаканов на клеенке была пара, и настроение у Кати было такое, как будто ей лет пять, и сегодня как раз день рождения, и она только что проснулась и знает, что сегодня весь день будет состоять из подарков и сюрпризов.

Значит, кто-то сейчас к ней приедет. А может, он приехал уже и просто отошел на минуту и вот-вот вернется. Но кто же он?

Катя посмотрела на небо — лазурное, прозрачное, некозловское какое-то небо. Оно все было чистое, только в невообразимой вышине парило одно белоснежное, словно след реактивного истребителя, облачко. Катя на мгновение отвлеклась от него, оглядела только прибрежные камыши, потом снова вспомнила об облаке — а оно уже выросло и сразу стало к ней ближе, будто опустилось немного...

Да оно и вправду снижалось! — теперь уже не таясь от нее, все быстрее и быстрее, пока не стало ясно, что облако это совсем особенное. Вот оно уже и коснулось земли, молочным туманом окутав заросли осоки шагах в пятидесяти от Катиной скатерки.

Катя привстала, одернула платье и сделала один несмелый шаг вперед. Она знала: там, в высокой траве, есть кто-то. Кто-то. Нет, конечно. Это она с обыч-

ным своим кокетством, со своей скромностью недоговаривала, недодумывала. За листами, за стеблями, за завесой из облачной дымки ее ждет Он. Ее герой.

И вот осока неслышно расступилась, и в прогалину хлынул яркий свет, выплескиваясь на вытоптанную землю, в темные воды хранилища, в звенящий от ожидания воздух. И на эту сияющую тропу ступил Он — вначале вроде бы просто силуэт, лучащийся нестерпимо ярко, до рези в глазах, до невозможности, но потом, словно остывая и становясь земным существом — специально для Кати, ради нее, — превратившийся в мужчину из плоти и крови.

Он шел к Кате, и чем ближе Он к ней становился, тем более знакомым казался ей. И Его походка, и осанка, и просто фигура — все было в Нем необъяснимо своим, близким, родным. Когда же стало различимо наконец и Его лицо, Катя обомлела. Вот кто!

Он улыбнулся ей — успокаивающе, уверенно, и она тревожной мышкой ткнулась в Его широкий, бугристый торс. Он ласково накрыл ладонью ее макушку, провел пальцами по затылку, спустился к шее, к спине — Катя послушно затихла. Его пальцы будто оказались окружены невидимым полем, от которого мельчайшие волоски на ее коже поднимались, а след, оставленный Его рукой, продолжал полыхать. Катя, дрожащая, задыхающаяся, отняла лицо от Его груди, посмотрела наверх и разомкнула губы.

* * *

— Гражданка! — прокуренно каркнули над ухом. — Вы в себе?

Станционные часы показывали шесть утра. Начинаясь где-то далеко в жидком холодном мареве и уходя другим своим концом в то же марево, огромным негритянским фаллосом, насадившим на себя всю Тюрлему, перрон заполнял бесконечно длинный товарняк, весь составленный из черных цистерн с мазутом.

Катя сладко улыбнулась и уткнулась снова в ладони, не желая просыпаться в этот промозглый мир.

- Гражданка! сурово повторил голос у нее над головой. Вы тут проститущией заниматься вздумали?
 - Это не проституция, сонно возразила Катя. Это по любви.
 - Пройдемте в отделение, резюмировали наверху.

Облупающиеся стены милицейской каморки были увешаны ориентировками, среди которых выделялся Иван Ургант, очевидно, попавший в эту дурную компанию по недоразумению. Из предметов обстановки Катю заинтересовал чайник и рачительно убранная в целлофановый пакет резиновая дубинка. Пакет был прозрачный, и на дубинке хорошо читалось клеймо с названием «Изделие «Аргумент-1». Было еще заметно, что она снабжена поперечной ручкой с удобными ребрышками и что выглядит она подозрительно для Тюрлемы хорошо, разве что не лоснится.

Милиционером, разумеется, тоже была женщина. Да, в широченной и криво скроенной куртке из черного кожзама и да, в идиотской пилотке, но именно женщина. Выловив что-то нежное, теплое в сонных Катиных глазах, она эло, с ревнивой женской жестокостью крутанула ей руку за спину и швырнула Катю на стул.

— Фамилия-имя-отчество! — гаркнула милиционер.

Катя сначала упрямо закусила губу, но потом вдруг Иван Ургант на стене, и резиновая дубинка с ребрышками, и зависть в голосе милиционера соединились для нее в один треугольник. И она, вместо того чтобы нахамить, пожалела свою мучительницу.

- Фамилия-имя-отчество! хрустнула милиционер костяшками.
- Родина, Екатерина Сергеевна, с иисусовой кротостью улыбнулась ей Катя.

Кое-как отпустили.

На маслодавильном заводе, где Катя работала с самого ПТУ, коллектив тоже был женский и, поскольку ни единого мужика на производстве не было, — дружный до синхронизации месячных. Никто здесь ни от кого ничего не таил, поскольку таить было нечего. А сны пересказывать в перекур считалось традицией не менее уважаемой, чем изложение страждущим пропущенных серий «Кармелиты». Но этим сном Катя делиться с подругами не спешила. Весь следующий день она молчала, улыбалась тихо сама себе и умоляла высшие силы, чтобы ночью прерванное видение продолжилось.

В мусорное ведро, откуда сквозь порванные чулки еще косили умоляюще вверх — каждый по отдельности — серые глаза Брайана Литтрелла, девушка не заглянула ни разу. После встречи с посланником небес в Катиной жизни было покончено с западными идолами.

Чтобы настроиться на нужную волну, Катя даже немного посмотрела телеканал «Русь», от которого ее — как и всю молодежь — обычно укачивало. Беззвуч-

РАССКАЗЫ О РОДИНЕ

но прокралась на кухню за фужером, достала было из шкафа бутылку «Белого аиста», но потом остановилась. Глушить настоящие чувства молдавским спиртом показалось ей кощунственным и где-то даже паскудным.

Вместо этого она, перепугав мать, вышла во двор к поленнице, натопила титан, приняла ванну, оделась в свежее и в самом воздушном настроении уснула.

* * *

Он услышал ее призывы.

Второе свидание состоялось все там же — среди шепчущих камышей, на нагретой уходящим солнцем глинистой земле. Катя вновь накрыла клеенку — то же вино, вареная картошка, ломтики «любительской» с жирком. И на сей раз Он заметил ее старание. И, прежде чем завладеть ею вновь, разделил с Катей трапезу... Верный знак завязывающегося романа! Он смаковал «любительскую», совсем по-земному хрумкал малосольными огурчиками, а Катя, сходя с ума от счастья, лопотала что-то о том, как она в следующий раз обязательно угостит Его макаронами по-флотски... Ведь он будет следующий раз? Он улыбался — светло, как тогда в церкви, — и кивал ей молча.

Катя протянула Ему робко красное вино, и Он ловко ввинтил в крошающуюся пробку штопор и смачно откупорил бутылку, орошая траву гранатовыми каплями. А потом причастил ее своих таинств.

* * *

- Катерина, какого это с тобой лешего? подозрительно спросила у нее мать, заглянув в кухню.
 - Ты о чем? перевела дух Катя.
- Ты поешь вслух! Минут десять уже. Мать захлопала дверцами шкафчиков, рассчитывая обнаружить ополовиненную рюмку. С утра уже, что ли, стала?
 - Ты че, ма! укоризненно улыбнулась Катя. Я влюбилась просто...
 - В кого ты тут влюбиться могла? уставилась та на нее неверяще.
 - Не скажу, закрутила она головой. Он просил не говорить!

Он и вправду просил. И она его понимала. Пусть даже все, что с ней творилось в последние два дня, было просто плодом ее беснующегося от недолюба воображения, фантомом... И кстати, о неудовлетворенности... Второе утро подряд

Катя подымалась с такой лунной легкостью во всем теле, будто герой ее видений действительно проделывал с ней небольшое волшебство...

И та же магия преображала ее подъезд с обитыми дерматином и помеченными котами дверьми, ее двор с трухлявыми скамейками, к которым были словно приколочены бессмертные злобные старухи, всю ее Козловку — во что-то неожиданно человеческое. И будто бы небо над Козловкой становилось чуть прогляднее, и из кабины водителя в белом «пазике» долетал вдруг не Михаил Круг, а Мадонна, и продавщица в «Стекляшке», пересиливая себя, не посылала Катю сразу за пределы Республики Чувашия, когда та просила ее встать со стула и взять что-то с полки.

И на работе все казались ей приветливее и симпатичнее. И даже в преддверии всеобщего ПМС, который ежемесячно сотрясал предприятие наподобие гражданской войны, страсти на сей раз не достигали обычного накала.

А получалось как просто — Катя озаряла своей улыбкой цех родного маслодавильного — и весь цех ей улыбкой же отвечал. Она боялась — что делать, если спросят, что это с ней творится. Ведь не выдержит, расколется... Но, слава Ему, искус обходил стороной.

Вечером она, окрыленная, летела домой, смотреть телевизор, потом бежала за поленьями — топить титан, и в облезлую шершавую ванну, и скорей-скорей в постель! Спать... И видеть. И чувствовать. И жить!

Он явился к ней и на следующую ночь. И в ночь, которая настала после. Он был с нею немногословен, но ей не нужны были слова, не нужны были доказательства. Он излучал любовь, Он сам был Любовь. Любовь запретная, невозможная, иллюзорная. Чудесная. Порочная и непорочная по определению.

А потом Катя, считавшая себя раньше человеком здравым, раздобыла где-то Его лик и повесила над своей кроватью, в красном углу. Маму в комнату пускать перестала. Катя же, заходя в свою келью, застенчиво крестилась, а потом так же застенчиво целовала своего небесного жениха в бледные губы.

Так прошла неделя.

А потом среди прояснившегося было козловского неба грянул гром.

* * *

- Не было, неуверенно ответила Катя.
- Тогда ждите. Доктор строго посмотрела на нее маленькими глазками изпод толстых стекол.

РАССКАЗЫ О РОДИНЕ

- Я уже подождала, растерянно сказала Катя.
- Значит, было, нетерпеливо постучала карандашом доктор. В любом случае поздравляю.
 - С чем? Катя испуганно приподнялась.
- По крайней мере, с тем, что было. В нашей местности это уже удача. А если Бог даст, то и с тем, что будет.
 - Бог даст, механически повторила за ней Катя.
- Алкоголь вам больше нельзя, дежурно сообщила ей доктор. Сигареты тоже. Снотворное, болеутоляющее, антибиотики тоже нельзя. Больше бывайте на свежем воздухе.
- Я правда беременна, что ли? в третий уже раз за последние десять минут повторила Катя.
- Знаете, доктор снова навела на нее собранный линзами в пучок колючий взгляд. У меня там очередь до девяти вечера. Если я им скажу, что вы залетели, вас завистницы в клочья разорвут. Идите.
- Последний вопрос, с мольбой в голосе заспешила Катя. А непорочное зачатие может?...
- В литературе известен один случай, утомленно покачала головой доктор. Но этот случай не ваш. Вы, я думаю, просто водку с шампанским мешали. После такого, бывает, люди вообще полбиографии забывают. До свидания.

Но Катя-то знала, что шампанское с водкой тут ни при чем! Из райбольницы она поехала прямиком в карамышевскую церковь Иоанна Богослова, считавшуюся среди местных самой намоленной, ставить свечку Кому Надо. Никакого другого объяснения она придумать не могла да и не хотела. Хотела думать, что с ней случилось самое невероятное из чудес — именно с ней!

И пусть они никогда не смогут быть вместе наяву! Пусть, когда на свет появится плод их неземной любви, Катя даже не сумеет объяснить никому, от кого она зачала ребенка. Но мальчика — а ведь это обычно мальчики — непременно будет ждать удивительная и великая судьба!

Жизнь Катина обрела уютное постоянство. С работы, которая совсем уже перестала ее удручать, пешком — нужно дышать свежим воздухом! — мимо старокозловских дровяных избушек, мимо дома-музея Лобачевского — к пятиэтажкам из белесого кирпича, в продмаг с манящим названием «Ням-Ням» — и домой, скорее, чтобы успеть к восьми часам.

Что там эти жалкие сорок минут! В тюрьме свидания дольше... Но Кате даже нравилось немного страдать; ее нынешняя роль — между Богоматерью и женой декабриста — была для нее нежданным даром, столпом света в темном козловском царстве.

Все снова перевернулось с ног на голову через четыре месяца.

* * *

Прятать округлившийся животик делалось все сложнее. Катя, собиравшаяся сначала в Чебоксары за одеждой попросторнее, севшая уже было на рейсовый автобус, взбрыкнула и выскочила на улицу в последний миг. А почему она, собственно, должна скрывать свою беременность? Да, она запретна, но ничего постыдного в ней нет. А тайна, которую Катю просил блюсти ее возлюбленный, заключалась не в самом зачатии, а только в том, как и от кого оно случилось.

Пусть говорят! Пусть завидуют!

На другой день накрасилась поярче и зацокала на маслодавильный.

Ворвалась свежим ветром через проходную в раздевалку, лязгнула вызывающе дверцей шкафчика, стянула через голову кофточку и встала, как голая Зоя Космодемьянская под бесстыжими взглядами эсэсовцев — отрешенная, гордая. Судите!

- Ой, девки, надо же! Еще одна! прыснула Марина.
- Эпидемия прямо! поддержала ее Алина.

Катя испуганно, оскорбленно осмотрелась. И увидела... Раздетой по пояс, горделиво уперев руки в боки, стояла не она одна. И у Наташи-хохлушки, и у Таньки из микрорайона были животы. Алина и Марина, хоть сами и смеялись над остальными, на людях снимать просторные комбинезоны не спешили.

- От кого это вы все? остолбенело спросила Катя.
- Я в Чебоксарах... Парень у меня... опустила глаза Наташа.
- А тебе-то что? бросила Танька.
- Да нет... Девчонки... Я только рада...
- А сама от кого успела? Танька перешла в конт-ратаку.
- Не могу сказать... Секрет. Катя укрылась в шкафчике.
- Ну, секрет и секрет, вопреки Катиным ожиданиям, отстала от нее Тань-ка. Тут у всех секреты. Секретное предприятие у нас тут.

И получилось как-то, что Катя со своей загадочной беременностью вдруг оказалась никому не нужна и особо даже не интересна. Каждая — каждая! — из ее

товарок вышагивала так же горделиво, как она, и каждая выпячивала свою значимость с точно той же готовностью...

В последние месяцы Катя была слишком погружена в себя, слишком увлечена своим невероятным приключением, чтобы обратить на это внимание. Но теперь... Так вот почему прекратились ежемесячные предменструальные баталии в цехах маслодавильного! Луна больше не имела силы над душами этих женщин... Ее зловещую магию перебило волшебство любви.

Но от кого? Катя все еще не понимала.

Настоящий скандал случился еще через неделю.

Все в той же раздевалке маслодавильного, стаскивая с себя рабочий комбинезон, Катя вдруг ткнулась взглядом в нутро соседского шкафчика, бесстыже распахнутого.

На изнанке дверцы был аккуратно приклеен портрет Национального Лидера России, любовно вырезанный из «Комсомолки» и убранный в полиэтиленовый пакетик-файл из писчебумажного магазина. Танькин шкаф...

У Кати заложило уши. Густая кровь толклась в висках, руки дрожали крупно, перед глазами роились огненные снежинки. Она неслышно позвала Его, села на скамейку... Потом собралась с духом, шагнула к Таньке и залепила ей пощечину.

- Сука! истошно выкрикнула она.
- Ты что, дура?! Танька откинула ее назад.
- Девочки, что с вами? тревожно засипела бригадир.
- Какого черта ты его к себе налепила? всхлипнула Катя.
- Aх ты проглядь ты такая! мигом озверела Танька. A ты думала, он чей?
- Девочки! Коренастая бригадир втиснулась между двух вопящих фурий, попыталась развести их, но запнулась о скамью и рухнула на пол.

Из ее кожаной сумки веером разлетелась кумачового цвета губная помада, мелочь, прокладки, портмоне и совсем уж неожиданно портретик Национального Лидера в милой рамочке с цветочками и котятами.

- И ты?! рассвирепела Катя. Издеваетесь, что ли?!
- A что тут такого?! утерлась бригадир. Работящий он. Непьющий!
- Ой, девоньки, а мне он снится... покраснела Наташа-хохлушка.
- Да вона! Танька схватила со стола «Комсомолку». Опрос провели! По опросу, две трети женщин в стране хотя бы раз во сне видели, как сексом с ним занимаются!

- Это что же... Катя попятилась, упала обессиленно на скамейку. Что же это...
- Да брось ты, Родина! вздохнула вдруг Танька. Что тут такого-то?.. Ну, снится тебе, что тебя Национальный Лидер кроет. Так ведь недолюб-то какой накоплен!
 - А детки-то от кого? прошептала Катя, осторожно поглаживая живот.
 - Да хоть бы от кого уже, отвернулась Танька.

К остановке подкатил белый «пазик». Катя забралась внутрь, уселась поближе к водительскому месту — разглядывать унылый козловский пейзаж. Сердце екнуло — у водителя на лобовое был наклеен маленький лидерский портретик. И Катя вдруг вспомнила, что полгода назад, когда ходила на прием к заместителю мэра Козловки, у той портрет вообще во всю стену висел. И в милицейской сторожке вроде где-то имелся...

А потом автобусик вырулил на единственную в Козловке площадь, на которой, помимо Торгового дома «Уют», была еще и другая достопримечательность — два настоящих билборда. И на обоих приезжие рабочие нежно разглаживали огромные плакаты. С обоих на Катю ласково щурился Национальный Лидер.

«Россия! Я люблю тебя!» — гласили огромные белые буквы на одном. В уголочке плаката маячил логотип Партии. «Мы в Вас верим!» — клялся второй билборд, с логотипом РПЦ.

Катя перекрестилась и улыбнулась Ему сквозь слезы.

Дома она включила телевизор и под его успокоительный бубнеж задремала.

 \ll ...новая демографическая программа Национального Лидера совместно с Русской Православной Церквью... — шептал ящик. — А теперь — к новостям спорта...»

На дне

- Там осадок какой-то, прищурился Сергей Ильич.
- A что вы хотите? скрестила руки продавщица. Самую дешевую берете.
- Реально, Ильич, примирительно пискнул Славик из второго подъезда. Ты этикетку читай. «Народная»! По названию уже все ясно...
- Хочу знать, чем поят народ. Сергей Ильич свирепо втянул сопли и харкнул себе под ноги. Требую правды.
- Можете не брать, обиженно сказала продавщица. Очень надо. Жрите себе денатурат.
- Ильич, да с донышка можно и не допивать... облизнулся Славик из второго.
- Это принципиальный вопрос, возразил Сергей Ильич, подтягивая синие синтетические штаны, спадающие с поджарых ягодиц. Держат нас здесь за быдло или нет.
- Ой, да нужны вы... начала продавщица, но потом махнула рукой. Это добавка. Березовый витамин. Взболтайте и глотайте.

Не нокаут, конечно, но по очкам победу Сергею Ильичу можно было засчитать. Славик кинул на товарища взгляд, полный мольбы: похмелиться надо было срочно. Тот, сам уже на пределе, сухо кивнул продавщице, давая понять, что ее объяснения приняты и найдены удовлетворительными.

- Сто рублей, манерно сказала она.
- Дайте две, решительно и хрипло произнес Сергей Ильич.

Через мгновение бутылки задорными бубенцами уже позвякивали в черном полиэтиленовом пакете. Славик просто вслушивался в их медовый перезвон, потел и сглатывал, а Ильич все не мог успокоиться.

— A я, может, не хочу, чтобы она нас алкашами какими-нибудь считала, — бухтел он, торопливо хромая к подъезду белой пятиэтажки. — Ну берем мы са-

мую дешевую, и что? Можно теперь нам паленую пихать? Я специально вторую бутылку сразу взял — пусть не думает, что мы в средствах ограничены.

- Гордый ты, Ильич, кивнул ему Славик, разлепляя запекшиеся губы. И дальновидный. Пойдем, может, сосисок молочных купим?
 - Ну их, отмахнулся Сергей Ильич. Отвлекать будут.

Расположившись с удобством в лестничном пролете между вторым и третьим этажами, они выставили бутылки на пегий бетонный подоконник. Натюрморт выходил совсем сиротливый. Тут Славик, теряющий уже сознание, не выдержал.

- Что же мы, Ильич, как эти-то? выдохнул он. Как не люди? Давай я в ларек хоть за педигрипалом сбегаю.
 - Только бери в печеньках, сдался Сергей Ильич. Консервы дорогие.

Славик покатился вниз по лестнице, а Сергей Ильич взял бутылку и поднес ее к глазам, пуская внутрь сосуда лезущие сквозь заплеванное оконное стекло красные солнечные лучи. Встряхнул и зачарованно, как ребенок, играющий с прозрачным шаром, в котором заключена крошечная избушка и настоящий снежный буран, принялся наблюдать за вихрем из еле заметных хлопьев, закружившихся в магическом водочном кристалле.

— Что же это там за дрянь-то на дне? — спросил он незримую продавщицу.

* * *

— А вы знаете, из-за чего распался Советский Союз? — Каждое слово черного человека падало тяжело, будто капля расплавленного свинца, и жгло Президента.

В огромном помпезном кабинете повисла нехорошая, душная тишина. Номенклатурная зеленая лампа нервно моргнула. Президент поерзал в кресле и забарабанил пальцами по столу, думая, как ему поступить дальше. Слухи в Кремле распространяются быстро...

- В силу ряда объективных внешне- и внутриполитических факторов, ну и по причине тяжелейшей ситуации в экономике страны... наконец отозвался он.
- Вы вмешались в работу тончайших механизмов, устройства которых даже не попытались постичь, произнес черный человек. Механизмов, существование которых вы даже не желаете признавать, потому что называете себя прагматиком и реалистом.

- Послушайте, Президент украдкой проверил, дотянется ли он в случае чего до тревожной кнопки, как вы без записи-то ко мне попали?
- То, что вы сделали, страшнее попытки расшифровать геном человека, продолжал черный человек. Власть дается Богом. И мистическая субстанция власти была вручена земным царям сотни поколений назад. Человеческие души не поддаются машинной инженерии, на каком бы уровне она ни осуществлялась.
- Я и не спорю о природе власти... Президент встретился взглядом с тканым портретом Национального Лидера, висящим на стене напротив. Но...
- Вы упоминали политические и экономические факторы, покачал головой черный человек. Это означает, что вы не понимаете, какие узы скрепляют и удерживают страну, которой вы правите. Не понимаете, что обеспечивает верность ваших подданных.
 - ФСБ, уверенно сказал Президент.
- H это тоже, нехотя признал черный человек. Hо вы снова говорите о власти земной. H же о власти небесной.
- Скажу честно, вздохнул Президент. Я вообще не понимаю... Вы извините, у меня там еще встреча с Обамой. Давайте, может, закругляться будем?
- Вы вмешались в промысел Господень, молвил черный человек. Вы вторглись механическим в духовное. Вы покусились на самое святое ради сомнительного эксперимента над подданными.
 - Боже мой! Президент вскочил из-за стола. Да о чем речь?

Черный человек стремительно надвинулся на него, выйдя из тени, и только теперь стало видно, как он стар и как странен. Заметна стала и крохотная дверка, замаскированная под одну из декоративных настенных панелей с золотой резьбой по беленому дубу. Дверь вела в темный лаз, из которого, очевидно, и появился человек.

Длинный узловатый палец распрямился, обличающе указывая на Президента.

— Что вы добавляете в водку? — каркнул черный человек.

* * *

Славик, окрыленный, примчался назад с закуской и бесплатной газетой. Расстелив импровизированную скатерть на подоконнике, товарищи придавили ее бутылками, расставили пластиковые стаканчики, высыпали горсть ароматных бурых комочков, и стол заиграл.

С расстеленной газеты на Сергея Ильича и Славика внимательно глядели члены правительства, окружившие новый конверсионный воздушный шар, способный поворачиваться в разные стороны.

- Вот они. Сергей Ильич поставил на газету пластиковый стаканчик. Глаза 6 мои их не видели. Довели страну! Он насыпал себе в пригоршню педигрипала.
- Как будто непонятно было, что халява не навсегда, что кризис будет, что ветер однажды возьмет и стихнет, поддакнул Славик.
- Как вот им верить после этого? горько сказал Сергей Ильич. Только все начало выправляться, я сторожем устроился на стройку...
 - И где этот их стабфонд? чирикнул Славик.
- Химзавод закрыли, на тракторном всех в отпуск бессрочный... А они все про подъем в экономике...
- Ильич, может, разольешь уже? занервничал Славик. Что-то прелюдия затягивается...
- Да, Слав, прости, накипело просто. Увидел и понесло! Сергей Ильич, зажмурившись от напряжения, открутил пробку и наполнил стаканчики.
- Ну, вздрогнули! Беззвучно чокнувшись, Славик опрокинул сто грамм и потянулся за пахучим печеньем. Так о чем мы там? крякнув, потер руки он.
 - Не помню, блаженно улыбнулся Сергей Ильич, начиная оттаивать.
 - И я не помню, сказал Славик.

Стаканчик опустился на новое место, припечатав все правительство вместе с воздушным шаром и обнажив фотоснимок белозубого американского президента.

- И как он тебе? спросил Славик у Сергея Ильича, ткнув пальцем в Обаму.
- Еще чего не хватало, поежился тот.
- А я бы проголосовал, неожиданно заявил Славик.
- A ты лучше у нас пойди проголосуй, завелся Сергей Ильич. Y насто что ты на выборы не ходил?
- А потому что! объяснил Славик. Что я тут решу? А там вон они захотели себе негра, проголосовали и негр! Вот это демократия!
 - Ну и езжай к ним тогда! сжал кулаки Сергей Ильич.
- А мне на Родине хорошо! не сдавался Славик. Я тут жить хочу! Но мне понять надо почему у них, чтобы негра поставить, надо просто проголосовать, а у нас, кроме революции, никак не получится?

- Такая уж судьба у нашей страны, сморкнулся Сергей Ильич.
 И они дождутся еще революции! раззадорился Славик. Потому что невозможно...
 Раздей давай и поодолжим. перебил его Сергей Ильич. Только со дна
- Разлей давай и продолжим, перебил его Сергей Ильич. Только со дна осадок этот не поднимай, ну его...

Чокнулись. Выпили.

- О чем говорили-то таком интересном? заморгал Сергей Ильич.
- Не помню, дернул плечами Славик.

Они приумолкли, глядя, как во дворе, засев на ржавых качелях у песочницы, бритоголовые в трениках сосут пиво.

- Что с молодежью-то делается, сплюнул на пол Сергей Ильич. В наше время за такое бы... Как теперь во двор выходить?
 - Я пионером был, на всякий случай сказал Славик.
- Вот! Пионеры все по лагерям, комсомольцы на картошке, на улице никого — ходи себе в любое время, — замечтался Сергей Ильич. — Порядок был. А сейчас?
 - При Сталине вообще хорошо было, поддакнул Славик.
 - Все разрушили, тоскливо потряс головой Сергей Ильич.
 - Все разворовали, сказали они хором.
- Себе-то они дач на Рублевке построили, завистливо протянул Славик. А народу что?
- Ничего-ничего... зловеще пробормотал Сергей Ильич. Наш народ он такой. Он молчит-молчит, терпит-терпит... А потом как подымется...
- Слышь, Ильич? Налей, а? А то в горле прямо пересохло, попросил Славик. Сергей Ильич крякнул и отвинтил пробку. Живая вода с журчанием потекла в пластиковые стаканы.
 - Ну, будем! поднял свой Сергей Ильич. О чем мы говорили-то тут?
- Фиг знает, с аппетитным хрустом уминая педигрипал, выпучил глаза Славик. — Не помню что-то.
- И я не помню, вытер губы рукавом фланелевой рубашки Сергей Ильич. Hу и шут с ним!
- Потеплело как-то, да? Славик облокотился, приоткрыл окно. Может, сразу еще по одной, а? Чего откладывать?

- Вот и они так же со стабфондом, беззлобно улыбаясь, отозвался Сергей Ильич. А может, и правильно оно? Он поровну разлил водку, оставив ее на дне бутылки только на два пальца чтобы подозрительный осадок не попал в стакан. Живем-то только раз!
 - За победу нашего оружия! вытянулся во фрунт Славик.
 - За Родину! браво притопнул Сергей Ильич.

Помолчали опять.

Потом Славик, нерешительно глядя на собеседника, промолвил:

— Слышь, Ильич... А вдруг по телику правду говорят? Вдруг жизнь действительно налаживается? Потому что субъективно, — он икнул, — мне стало лучше. Я вот почему-то верю, что все будет хорошо. Может, правду говорят, что дно пройдено?

Взор Сергея Ильича, утративший уже прежнюю цепкость, зигзагом скользнул по газетным статьям и уткнулся в опустевшие бутылки, в каждой из которых еще прилично оставалось на донышке.

- Дно еще не пройдено, Славик, авторитетно заявил Сергей Ильич. Но все в наших силах.
- Там же это... Славик с шумом втянул воздух, обшаривая свой оскудневший словарный запас. Осадок.
- Сейчас. Сергей Ильич вздернул перед собой бутыль, всматриваясь в расползающиеся от него, как вши, мелкие буковки на обороте этикетки. С добавлением микроэлементов... Это микроэлементы, Славик. Березовые. Давай мы их сейчас взболтаем, чтобы лучше усваивались...
- Слушай, Ильич, тревожно нахмурился Славик. Они, по-моему, шевелятся. А вдруг это яйца глист? Или какие-нибудь нанороботы?
- Телевизор меньше смотри, Слав, отечески посоветовал ему Сергей Ильич. — В водке за сто рублей не выживет ни один организм. Все, давай. За наше светлое будущее!
 - Hy, за будущее давай. Тот шмыгнул носом и залпом осушил стакан.
- Хорошо пошла. На лбу Сергея Ильича разгладились последние морщины. A дальше-то что делать будем?

* * *

- Это не я! побледнел Президент. Честное слово, не я! Я, конечно, считаю, что нашу страну нужно модернизировать, что мы отстаем, что нам догонять... Но чтобы так...
- Кто, если не вы? усмехнулся неверяще черный человек. Кто мог бы сокрыть от вас такое?
 - Это... Это все Чубакка! Это он! нашелся Президент.
- Я... Вы... Я не вижу смысла продолжать этот разговор. Человек сделал шаг назад. Отечество на краю пропасти, а вы продолжаете винить во всем воображаемых персонажей, в лучших традициях советской политики. Чубакка! Почему не Карлсон?
- Он не воображаемый... Это просто мы так его зовем в тусовке... Он реальный! Сейчас я наберу ему! Президент потянулся к белому гербовому телефону необычайного размера.

Черный человек застыл в шаге от дверки, из которой вышел. Президент, рисуя карандашом чертиков на мраморной поверхности стола, приник к трубке:

- Соедините с ГосНано. Да, прямо с Анатолием Глебовичем. Алло, Чубакка? Мне тут доложили... Да как ты смел?.. Ложь, я никогда тебя не просил!.. Как назвали?.. Сколько стоит?! Сколько уже вступили в контакт?! Как долго действует программа?.. Ни за что не поверю, что ты это сам придумал! Немедленно в Кремль! Нет, я за тобой лучше пошлю, чтобы ты не перепутал Кремль с Даунингстрит... Конечно, заговор!..
- Тут всегда дыба помогает, наставительно шепнул ему черный человек. Или если на кол посадить, тоже дает неплохие результаты.
- Ваша правда. Президент бросил трубку и, опустошенный, упал в кресло. Либеральный заговор. Воспользовавшись служебным положением, на государственные средства! На самое святое... Он невидяще уставился в пространство перед собой, и губы его продолжали беззвучно шевелиться.
 - Как он это объясняет? спросил черный человек.
- Говорит, в корпорации были разработаны нанороботы, которые, проникая внутрь тела, путешествуют вместе с кровью, пока не достигают головного мозга. Встраиваются в его клетки. И там, выполняя программу, активируют зоны, отвечающие за рациональное мышление.
 - Боже великий... испуганно прохрипел черный человек.

- Он же западник, Чубакка... Решил, что мы никогда не сможем их нагнать, если не совершим эволюционный скачок.
 - Но в водку... Это же святотатство!
- Именно в водку... обессиленно кивнул Президент. Потому что водка — эссенция из чувств...
 - Экстракт веры! завершил за него черный человек.
 - Он говорит, что хотел покончить с рабом внутри каждого из нас...
- Но породил армию монстров! Рациональных киборгов, в которых не будет веры главного из человеческих качеств русского человека!
 - Глупец... Президент спрятал лицо в руках.
- Предатель! поправил его черный человек. Тот, кто посмел вмешаться в музыку сфер, тот, кто вторгся в тонкий эфир, кто испохабил технологиями таинство властвования избранных над умами паствы — предатель.
- Но я ведь тоже хотел модернизировать Россию... Сделать ее современным государством...
- Чушь! Черный человек распрямился, оперся на посох, и его хищное лицо в траншеях морщин вдруг показалось Президенту удивительно знакомым. — Россия — особая страна со своей неповторимой судьбой! — грозно громыхал его голос под сводами кабинета. — Она никогда не подчинялась законам холодного разума, она росла и развивалась вопреки всем рациональным объяснениям! Ни мне, ни вам, ни Чубакке не постичь той мистики, тех сил, которые удерживают ее от падения, которые защищают Россию и которые ведут нашу страну вслепую по ее священному пути! Россию не понять умом...
 - В Россию можно только верить, перекрестился Президент.
- Что будет теперь? Черный человек подошел к окну, взглянул вниз на внутренний кремлевский дворик, на облепивших Царь-колокол школьников. Что ждет их всех?

* * *

Сергей Ильич вдруг принялся яростно скрести голову, чуть не в кровь раздирая кожу. Славик, сначала наблюдавший за ним с пьяным удивлением, через минуту тоже зачесался.

— Изнутри зудит... — с ужасом сказал он.

- Слав... Славик... Сергей Ильич задыхался, зрачки его, широкие, как пистолетное дуло, слепо тыкались вокруг. Что происходит?
 - Мы... Превращаемся... В кого-то... Другого... Чужого...
- Слава... Сергей Ильич упал на колени, схватился за крашеный чугун батареи. Это что же?..
 - Может, милицию?.. Пусть нас пристрелят... пролепетал Славик.

Покатилась по лестнице и разбилась бутылка с дьявольской жидкостью.

— Отравители... — слабо прошептал Сергей Ильич.

И мир померк для них.

* * *

— Нанороботами заражена вся водка «Народная» — самая дешевая, сторублевая, — доложил Президент. — И еще несколько брендов. Всего продано тридцать миллионов бутылок... Еще столько же лежит в магазинах. И десятки заводов по всей стране продолжают разливать ее прямо сейчас!

Черный человек молча покачал головой, уперся лбом в оконное стекло.

- Это конец, сказал он.
- Нет... Еще не поэдно все изменить! заспешил Президент. Я объявлю борьбу с пьянством... Открою нашпроект «Трезвость»... Может быть, введу госмонополию на водку, чтобы контролировать качество. А может, ввести сухой закон? И под этим прикрытием...

Черный человек печально улыбнулся.

- Вы знаете, из-за чего распался Советский Союз? спросил он.
- Нет, честно ответил Президент.
- СССР сгубило всенародное похмелье, горько молвил черный человек. Предупреждал я Андропова, что русский человек без водки звереет... Ощущает без нее со всею остротой экзистенциальную пустоту... Пробуждается от векового волшебного сна в своей однушке с драными обоями и продавленным диваном... И что ему делать?.. А тут в одночасье проснулась вся страна...

Президент, бледный и решительный, как Лермонтов на дуэли, пошатнулся, но выстоял.

— Мы выдержим, — произнес он. — Завтра по телевизору я объявлю о начале всероссийской антиалкогольной кампании. И пусть нам придется заплатить страшную

цену, пусть я лишусь своего места и даже головы... Но через поколение, когда несчастные, пораженные нанороботами, вымрут, русский человек вновь станет самим собой. И Россия вернется на свой исконный, ей одной начертанный путь. Я верю в это. Верю!

— От себя предложил бы не ждать, пока они вымрут самостоятельно... — неразборчиво добавил черный человек.

Но Президент, к счастью, не расслышал его.

- Что же делать с Чубаккой? спросил он сам себя.
- Тут в подвале есть дыба, сказал черный человек, направляясь к потайной дверке. Но, думаю, вы постепенно и сами разберетесь. Мне пора. Спасибо за внимание.
 - Постойте! воскликнул Президент. Как вас по имени-отчеству...
 - Иван Васильевич, через плечо отозвался черный человек.
- Это совсем как... совсем как... В горле у Президента пересохло, и он перекрестился еще раз. Но как?!
- В свое время удачно продал душу, еще когда курс был хороший, осклабился черный человек. Могу, кстати, познакомить на будущее...
- Нет, спасибо, открестился Президент. Но вы так современно рассуждаете... И язык...
 - Телик смотрю, пожал плечами черный человек.
 - И вы тут... всегда были? робко поинтересовался Президент.
- Ну да. Не мог оставить свою страну без присмотра. Вот, помогаю иногда советом добрым людям.
 - Но как... Ведь времена другие совсем... Россия другая!

Иван Васильевич криво усмехнулся, хрустнул узловатыми пальцами, глянул еще раз в окно.

— Бросьте! Россия не меняется, — отмахнулся он.

Президент отвернулся на миг, шагнул к столу за сигаретами и услышал тут же, как хлопнула дверка. Стремглав оглянулся — в кабинете не было никого. Бросился к потайному ходу, но тот исчез бесследно, и Президент не нашел даже лишнего шва на плотно пригнанных декоративных панелях.

Он подошел к окну, распахнул его, махнул приподнявшемуся беспокойно снайперу на Спасской башне, — пока отбой, мол, — и вдохнул полной грудью сырой московский воздух. Со стороны Красной площади до его слуха долетел чей-то истошный вопль. Нет, ничего ему не примерещилось.

— Начинается... — глухо выговорил Президент.

* * *

Сергей Ильич разогнулся, отряхнул штаны, недоуменно оглядел крашенные бурым маслом стены, заблеванные бетонные ступени, утыканный вековыми окурками подоконник, унылый, закиданный бутылками двор, синюшного хлюпика в грязном пиджаке поверх олимпийки, в лице которого было нечто нездешнее... И ему захотелось кричать от ужаса.

— Слышь, Славик, — пробуя на вкус слова, тихо-тихо сказал Сергей Ильич. — А что это мы здесь делаем-то?

DEU5 EX MACHINA

Все было кончено.

— Как это так? — Чистяков опустился в кресло. — Это как же это так?

Остановив на Председателе бессмысленный рыбий взгляд, он икнул и полез в штаны за корвалолом. Председатель, жирный функционер в железных, каких-то эсэсовских очках, пожал плечами.

- Ничего личного, Сергей Васильевич, бесстрастно, бездушно даже произнес он. — Такие цифры.
- Не может быть таких цифр! Неоткуда таким цифрам взяться! неуверенно сказал Сергей Васильевич. У нас все за меня... Меня народ любит. Они за меня... Горы свернуть...
 - Ошибки тут никакой нет. Машина выдала.
- Но это же... Это же все. Это приговор мне, понимаете? неожиданно высоким голосом, будто это в нем пятилетний мальчишка заговорил, всхлипнул Чистяков.
- Не драматизируйте, строго блеснул линзами Председатель. Жизнь человека не заканчивается с уходом из...
- Не погубите! Сергей Васильевич сполз на пол и на карачках двинулся вперед в последний и решительный бой.
 - Я ничего не могу сделать.

Функционер даже не шелохнулся — не сделал ни попытки поднять Сергея Васильевича с колен, ни убраться с его пути. Хоть отшатнулся бы! Ничуть не бывало. Сергей Васильевич, как подбитая фрицами «тридцатьчетверка», полз на него, а тот, словно окопанный девяностотонный фашистский панцер, стоял недвижимо. Подпускал поближе...

— Вам не стыдно? Пожилой, заслуженный человек перед вами... — пошел на таран Чистяков.

— На пенсию! — дал залп в упор функционер.

Но Сергей Васильевич на последнем издыхании добрался-таки до серых брюк лысого и ухватился за штанину.

- Отмените результаты! Еще не поздно. Вы же Председатель Избиркома! Вы же все можете!
- Сергей Васильевич, одернул его Председатель. Партия проиграла выборы в нашей области. Вам придется уйти. Ваши ошибки будет исправлять другой чиновник. И я больше не собираюсь это повторять.
- Да, господибожемой, впервой нам, что ли? суетливо залопотал, заискивающе заулыбался Сергей Васильевич. Но мы же всегда по-человечески... Тут прибавим, тут убавим, тут у нас дурдом проголосует, тут тюрьма поддержит единогласно, тут морг, да и студенты на многое еще способны! А пенсионеры! Мы по деревням вихрем промчимся с обозом, с гуманитарной помощью, все как один наши будут, шутка ли проднабор за галочку получить! Они душу бы за такое отдали запросто, а тут ее всю целиком и не просят разбивай траншами и раз в четыре года торгуй себе...
- По новому законодательству раз в пять лет, холодно поправил его Председатель Избиркома.
- А мы им водочки и тушенки добавим банку, чтобы на пять лет хватило! не унывал Чистяков. Вы просто, Игорь Борисович, результаты не объявляйте пока... Пусть еще посчитают... Человеческий фактор... А мы поднапряжемся и соберем голоса. Авралом. Будет! Все будет, обещаю!
- Исключено, покачал головой Председатель. Народ уже сделал свой выбор.
 - Мой народ не пойдет против меня! закусил удила Сергей Васильевич.
- Это не ваш народ, а государственный, осадил его функционер. И живет он в интересах государства. Если народ проголосовал против вас, значит...

Председатель Избиркома пожал плечами и внимательно посмотрел на наручные часы.

- Да почему?! Почему?! Что я вам сделал? За что вы меня?! захрипел Сергей Васильевич. Мне-то куда? На свалку?! А я еще государству послужить хочу! Человеческий фактор, а? Задержечка?.. Сделайте, христомбогом прошу! А за мной не заржавеет! Вот дачку три гектара в заповеднике, например...
- Нет больше человеческого фактора. Машина считает, сказал функционер.

- Но вы же человек! Вы ведь главнее машины! непонимающе глядя на Председателя снизу вверх, пробормотал Сергей Васильевич. Что же мы это позволим каким-то мертвым ящикам собой распоряжаться?!
- Это не мертвый ящик, зачем-то кинув в угол извиняющийся взгляд, сказал Председатель. — Это Государственная Автоматизированная Система «Выборы». Вершина научной мысли.
 - Это всего лишь система! Машина!

Сергей Васильевич вскочил на ноги — хрумкнула спина — и, хромая, кинулся в тот самый угол, куда только что смотрел Председатель.

— Я уничтожу ee! — кричал он. — Уничтожу!

Поросшие седым волосом кулаки ударили в хромированный корпус Системы, но ему не удалось сдвинуть ее хотя бы и на миллиметр. Весила она, должно быть, не меньше центнера. Костяшки пальцев покрылись медленной стариковской кровью.

- Вандалоустойчивая модель, сказал Председатель, и в жестяном голосе его слышалась оппенгеймеровская гордость-гордыня. И не старайтесь, Сергей Васильевич. Это же просто одна из местных станций. Центральная-то находится в Москве, и до нее уж вы не доберетесь. Все. Не будет больше подтасовок, подкупов, мертвых душ, взяток, угроз, вмешательства органов... Все теперь будет четко, как в швейцарских часах. Все прозрачно.
- Чему радуетесь?! потряс головой Сергей Васильевич. Чему радуетесь, убогий вы человек! Это же конец мира, каким мы его знаем!

* * *

Он не желал сдаваться. И ему было некуда отступать.

Сергей Васильевич жил ради власти, и только власть подпитывала его, вдыхала жизнь в его тело. Она была для него как свежая кровь для пожилого вурдалака: власть заставляла его сердце биться, разглаживала морщины и перебивала позднюю седину. Отлучи его от власти, оторви его от этой широкой и сонной как Енисей артерии — скукожится и вскоре помрет, так и не дождавшись Вознесения.

Для него неважно было название должности. В советские времена должности назывались по-одному, нынче — по-другому, вон одну только Партию четыре раза переименовывали, но принцип, по которому причащали святых тайн и мазали в

цари, оставался тем же. А уж однажды причастившись, всегда можно было договориться о продлении полномочий. Раньше так всегда было.

И вот, кажется, кончилось.

Сергей Васильевич никогда не рвался в Москву — незачем. Он на своей родной земле провел столько лет, сколько другие и вообще не живут, и эта земля, точно как пожилому вурдалаку, придавала ему сил. В области он знал по имени-отчеству каждого милиционера званием старше майора, в лицо — всех ветеранов, и держал компромат на любого местного или московского политика, который хоть раз критиковал дела в его вотчине.

Проиграть выборы он не мог.

Не мог он проиграть выборы.

Не мог.

И ладно бы еще коммунистам проиграл, но этим... За этих точно снимут.

Сергей Васильевич спугнул бакланившую секретаршу, отпер свой кабинет и, не отворяя дверь настежь, как-то по-воровски протиснулся в щель.

Вдоль стен были развешаны одинаковые фотоснимки Сергея Васильевича с подчиненными на жатве — с семьдесят пятого (как из замполитов пошел в чиновники) по прошлый год, без единого пропуска. Можно их было бы превратить в кадры мультфильма — короткого и печального. На столе, пустом и пыльном, как плац в пехотной части, стояла только фронтовая карточка и белый гербовый телефон. Чистяков тут сейчас редко бывал — выборы.

У белого кремлевского телефона лежала подгнившая клубничина и баночка с черной забродившей кровью из рогов марала — по совету старожилов. От гнева у Сергея Васильевича потемнело в глазах.

— Зинка! — заорал он. — Едрить твою налево! Зинка!

Секретарша открыла дверь шире, чем осмелился он сам, заглянула внутрь.

- Ты что же, а? Ты когда кровь меняла последний раз?! Да она у тебя уже свернулась вся! Ты с ними заодно, да? Признавайся! Смерти моей хочешь?!
- Так Сергей Васильевич, глупо улыбнулась Зинка, теперь-то вам зачем? Все ведь, вроде?
- Не твое дело, паскуда! оборвал ее Сергей Васильевич. Это мы еще посмотрим, все или не все! А твое дело свежие фрукты ему подкладывать и дрянь эту из стойбища подливать, раз оно помогает!
- Вы бы его еще мазью «Звездочка» натирали, прошипела ядовито Зин-ка. Своей, вьетнамской, стариковской...

- Ах ты гадюка! обомлел Сергей Васильевич. Я тебя выпестовал... На груди пригрел... Вот такусенькой...
- Это я вас на груди, сплюнула Зинка. Хватит, натерпелась. До свидания, Сергей Васильевич. Покойтесь с миром.

Она развернулась на каблуках и вышла вон.

— Крысы бегут с корабля... — прошептал Сергей Васильевич. — Крысы бегут...

Он робко посмотрел на телефон. Вместо диска с циферблатом — заглушка с золотым двуглавым орлом. По такому телефону самому звонить нельзя, можно только принимать звонки да пытаться умилостивить аппарат. Как с Богом — связь в одну сторону. Сверху вниз, по вертикали.

Пару раз, когда Сергей Васильевич был еще моложе и глупее, он снимал трубку без звонка — просто так, из любопытства, послушать. По ту сторону вертикали что-то тонко гудело — похоже на тоновый сигнал из обычного человеческого телефона, но как-то иначе, по-неземному, будто кастраты пели.

Как знать, может, сейчас сработает?

Он достал из шкафа стилизованную под березовое полено бутылку местной сувенирной и заискивающе, робко пододвинул полный стопарик к телефону.

Тот молчал.

Сергей Васильевич перекрестился, поцеловал партбилет и снял трубку.

Все глухо. Мертво.

Будто провод осколком снаряда перебило. Эх, если бы можно было доползти до места разрыва, стиснуть оба конца провода зубами и пустить ток через свое тело...

— Не верю, — упрямо, со звериным нежеланием умирать сказал он. — Не верю!

* * *

Он помнил этот день.

— ГАС «Выборы», — произнес торжественно и печально Председатель Избиркома.

Еще тот Председатель, прежний... Валентин Иваныч. Для него всегда существовал человеческий фактор, он нипочем не верил в то, что кропотливый труд мозо-

листых рук можно заменить конвейерной работой машины. И вечные ценности вроде трех гектаров в заповеднике с охотничьим домиком для него имели значение. Золотой был человек. А какой специалист!

Люди в синих спецовках убрали картонную шелуху, и на Сергея Васильевича из угла красным глазом мрачно уставился железный агрегат.

— ГазВыборы? — повторил Сергей Васильевич.

В голосе его слышалось бесконечное уважение к крупнейшей энергетической монополии: вот какие молодцы, расширяются!

- ГАС. Государственная Автоматизированная Система, разъяснил Валентин Иваныч.
 - А... Зачем? задал простой вопрос Сергей Васильевич.
- Машина... Ее не обманешь. Складываешь бюллетени, она жрет их и сразу все цифры знает. И в Москву сообщает тут же. Сама фальшивые вычисляет. Но это промежуточный этап. Скоро и без бюллетеней вообще будет работать: пришел, на кнопку нажал, и голос твой полетел в ЦИК, сообщил прежний Председатель.
- Так она и без людей сможет работать, неосторожно пошутил Сергей Васильевич.
- Сможет, без тени улыбки подтвердил Валентин Иваныч. Новая эра демократии.
- $\mathcal U$ что, неужели не ошибется никогда? на всякий случай уточнил Сергей Васильевич.
 - Нет.
- И подтасовки невозможны? разведчицким шепотком спросил Сергей Васильевич, так, чтобы люди в синих спецовках не слышали.
 - Невозможны, уныло сказал Валентин Иванович.
- Но ведь должны быть способы ee... заинтересовать? продолжал нашупывать почву Сергей Васильевич.
- Не заинтересуете вы ее. Это же машина. У ней нету души. Разума даже нет. Одни алгоритмы статистические... Идите вон для начала в пасьянс «Косынка» компьютер попробуйте обдурить...
- У меня с этой техникой вообще-то... признался Сергей Васильевич. Секретарша занимается. И внук хорошо соображает.
- Меня, наверное, уберут, Сергей Васильевич, вдруг сказал Председатель. Вы ведь, если что, прикроете?

— Брось чушь городить, Валька! — строго ответил тот. — Никогда машины не возьмут верх над людьми! Мы еще повоюем! Слышишь ты, хрень железная?! Повоюем! — И Чистяков погрозил ГАС «Выборы» кулаком.

* * *

Ворота мягко разъехались в стороны, и «Мерседес» зашелестел резиной по гравию внутреннего дворика. Сергей Васильевич выбрался с командирского заднего сиденья, тяжело распрямил треснувшую спину. В верхушках корабельных сосен, частоколом окружавших резиденцию, гулял теплый ветер. Над трубой вился белый дымок, и в воздухе стоял вкусный запах костра. Две карнаухие кавказские овчарки, увидев хозяина, поскуливая, поползли к нему ластиться, точь-в-точь как сам он с утра полз к Председателю Избиркома.

Должен быть способ, сказал себе Чистяков. Должен быть.

Он поднялся на крыльцо, через прихожую затопал в дом.

Внук — совсем уже взрослый, но по старой памяти сбежавший на каникулы из Москвы от генерала-отца, пялился в телевизор невиданных размеров. На экране железные роботы крошили людей в капусту. «Знак», — подумал Сергей Васильевич.

- Что смотришь? с неподдельным интересом спросил он у внука.
- «Терминатор» последний, не отрываясь, промычал тот. Как дела, дед?
 - А о чем кино? не отступал Чистяков.
 - Тебе неинтересно, отмахнулся внук. Я тебе «Волгу-Волгу» привез.
- О чем кино? повторил Сергей Васильевич спокойно тоном, которым он еще говорил своим собакам «лежать».
- О восстании машин. Как роботы пошли против людей. Уже четвертый фильм дерутся, и люди все время проигрывают.

Чистяков полез в штаны за корвалолом: сердце, казалось, сейчас вырвется из клетки.

- А с чего все началось? сглотнув, продолжил он.
- Ну, короче, поставив плеер на паузу и озадаченно глядя на Сергея Васильевича, начал внук, люди типа создали такой суперкомпьютер, который был соединен из многих станций, и он назывался «Скайнет». Они, короче, думали, что

он будет работать как машина просто, а в нем типа завелся искусственный разум. Сам по себе. Типа зажил своей жизнью. И объявил людям войну, короче. Ну, в общем, тебе не понять, дед...

- Отчего же, прошептал Сергей Васильевич. Я как раз все понимаю... $\mathcal H$ как люди борются с роботами?
- Ну там есть типа один герой, объяснил внук. И он как бы должен был в прошлом вырубить этот суперкомпьютер, в котором жизнь завелась... Ну или предупредить других людей. А машины сами тоже в прошлое отправились и пытались ему помешать раньше, чем он все понял... Короче... Дед, ты куда?!

* * *

Чартер задерживался.

Пузатые бизнесмены — неотличимые друг от друга лесопродавцы и металлурги — возмущенно трясли перед лицом девочки-администратора своими тяжелыми часами за бессчетные тысячи евро и требовали объяснений.

Сергей Васильевич отгородился от всех областной газетой и сидел инкогнито. Узнают — либо начнут пресмыкаться (это если слухи еще не дошли) или (если уже все знают) возьмут безопасную дистанцию — как от чумного. Акелла промахнулся, сами понимаете. Дружить надо с будущим начальником, а не с бывшим. Закон джунглей.

Девочка-администратор растерянно хлопала ресницами, огромными и яркими, как крылья тропической бабочки. «Технические неисправности... Аппаратура на борту... Сбой навигационной системы...» — долетало до Сергея Васильевича сквозь газетное полотнище.

Вот оно. Начинается.

Может быть, Машина, по своему хотению записавшая Чистякова во враги, теперь пытается помешать ему добраться до столицы? Поездом в Москву не меньше двух суток... Зато в поезде никакой электроники, сказал себе Сергей Васильевич. Там даже чай на угле кипятят. Российские поезда просты, понятны и надежны, как саперная лопатка.

Или паранойя? Или дождаться рейса?

Мониторы, подвешенные над кожаными диванами ВИП-зоны, заморгали, обновляясь, и все разом выдали сообщение «Москва — — HET».

— Врешь, — зло сказал Машине Чистяков.

— Приносим извинения за причиненные неудобства, — испуганно чирикнула девочка-администратор.

И отправилась с наиболее наглым бизнесменом куда-то за кулисы — возмещать моральный ущерб.

Сергей Васильевич, ни на кого не оглядываясь, встал со своего места и маршевым шагом покинул здание аэропорта. В руках у него был только чемоданчик с несессером и пачкой бюллетеней, испорченных оппозицией, — так, в качестве последнего отчаянного аргумента. В «Мерседесе» встрепенулся пригревшийся на солнышке водитель.

Черт его знает, сказал себе Чистяков. Там ведь навигатор внутри, у этой фашистской консервной банки. Интеллектуальная система управления... Получит сейчас приказ из космоса и столкнет его с «КамАЗом» на скорости двести. Или компакт-диск выплюнет и шею старику перережет. Делов-то.

Он отпустил водителя и поймал «четверку», спидометр и тахометр которой не работали и были заклеены иконками с Богородицей и святым Николой Угодником.

Еле успел забраться в отходящий уже вагон. Сунул проводнице в зубы пятитысячную, чтобы нашла место в купе. Пока все было тихо. Видимо, Машина от Сергея Васильевича такой прыти не ожидала и зависла, пересчитывая план действий.

Ничего, пусть посчитает, гнида. Он ей еще и не такое выкинет.

— Вы верите в то, что в компьютере может завестись жизнь? — после двухчасового молчания спросил-таки у своего соседа Чистяков.

Тот смотрел на него внимательно, приглаживая жидкие волосы. Мерно отстукивали колеса, на столе позвякивали граненые стаканы в подстаканниках.

- Я системный администратор. Работаю в налоговой инспекции. Сосед помолчал немного. Верю.
- A вы слышали что-нибудь о системе ГАС «Выборы»? оживился Сергей Васильевич.
- В новостях что-то было... Вроде бы скоро бумажных бюллетеней не потребуется, голосовать будут кнопкой, и никаких подтасовок. Хорошее дело, кивнул сосед.
- А вот скажите, как администратор администратору, взволнованно сказал Сергей Васильевич, может ли в такой системе пробудиться злой разум?
- Как сотрудник налоговой, а значит, сугубо рациональный человек, могу сказать, — сосед прихлебнул чаю, — в этом мире возможно все.

- Там ведь таким цифрам неоткуда взяться! выплеснул накипевшее Чистяков. Понимаете... У меня по логике никак не получается, чтобы... Ну, чтобы один человек проиграл выборы. Значит, Машина сама так решила. Обмануть ее нельзя, так? Но если в ней вдруг жизнь проснулась?
- А вы ее... Обижали как-нибудь, эту Машину? кроша в стакан упаковку сахара, спросил сосед. Есть у нее причины вас не любить?

Сергей Васильевич примолк, вспоминая. Поезд въехал на темную полузаброшенную станцию и встал.

- Кто же знал, что она такая злопамятная, наконец выдавил из себя Чистяков.
- Что-что, а память у них хорошая, почему-то улыбнулся сосед. И каждый год удваивается. Говорят, скоро на флэшке будет помещаться больше, чем у человека в сознании!
- Вы как будто ими восхищаетесь, машинами этими, подозрительно сказал Чистяков.
- A что такого? Я ведь с ними живу! Системный администратор улыбнулся еще шире.

Тут его телефон — необычно крупный, снабженный широким экраном и множеством кнопок, да и вообще напоминающий больше компактный компьютер — ожил и пропищал что-то. Сосед, заслонив от Сергея Васильевича спиной экран, прочел сообщение и спрятал телефон в карман.

- А пойдемте в тамбур, перекурим, пока поезд на станции? Улыбка, словно приклеенная, все не сходила с его резинового лица.
 - Не курю, насупился Чистяков.
 - Ну, семечек купим. Или пива, настаивал сосед.

Время приближалось к двенадцати ночи. На перроне не было ни души.

— А пойдемте, — неожиданно для себя кивнул Чистяков.

Сосед двинулся по узкому проходу первым; двери всех купе были плотно задраены, словно Сергей Васильевич шагал не по настоящему вагону, а по сценической декорации и единственное жилое купе устроили только там, где разыгрывалось действие...

«Системный администратор, — повторял про себя Чистяков. — Сожительствует с машинами. Знает, что разум может возникнуть. Спрашивает, не обидел ли я Ее чем-нибудь? Подводит к мысли... Потом приказы ему кто-то шлет в компьютерчик его... Станция пустая. Семечек ему... Пива».

Наймит, падла. Полицай. Все ясно. Сейчас он Сергея Васильевича за семечками поведет и в кустах под ребро старику перо засадит. А сам — раз! — и на поезд. В Москву, отчитываться за геройство.

— А вон ларек работает! — выглянув из тамбура на перрон, радостно сообщил сосед. — Сходите со мной, а? А то мне одному страшно. А семечек хочется — смерть!

Поезд протяжно заскрежетал: вот-вот отправится.

- Одна нога здесь другая там! обернулся сосед.
- Нет. Расчленить точно не успеешь, мрачно усмехнулся Сергей Васильевич.
 - $-4^{\text{TO}}!$

И тут, прежде чем системный администратор успел осознать, что происходит, старик свалил его аперкотом на рубчатый пол тамбура, а потом выпихнул из поезда на платформу. Сосед, кажется, упал головой. Начал подниматься — медленно, очумело, — но состав уже уходил в ночь.

— Полицай, — сплюнул презрительно Сергей Васильевич и побрел, шатаясь, в свое купе.

И тут же — поворот на девяносто градусов.

У выбывшего соседа под подушкой оказался журнальчик, открытый на интересной статье. Репортаж, так сказать, с места событий: основатель корпорации «Майкрософт» Билл Гейтс лично приезжал в Москву... и посещал Центризбирком!

По некоторым сведениям, «Майкрософт» выиграла закрытый тендер и помогала России оснастить новейшими информационными системами избирательные участки и центр обработки голосов.

Эге, да тут не просто взбунтовавшийся компьютер! Тут подготовка американского вторжения... Внутри у Сергея Васильевича словно заработал барабан стиральной машины.

Значит, это американцы ей такие цифры против него заложили... Но зачем им сдался он — старик, и так уже доживающий свое? Почему именно он стал первой мишенью, на которой они отрабатывают свое адское оружие? Чем насолил? Ну да, не любил Чистяков американцев, и на митингах об этом всегда открыто говорил. Но мало ли кто их не любит — от Жириновского до бен Ладена... И сам Национальный Лидер нет-нет да и приложит их в своей афористичной манере.

Может быть... Может, стараются убрать Чистякова — как в Терминаторе! — не за то, что он уже сделал, а за то, что сделает в будущем?!

Сергей Васильевич дочитал статью до конца, но понял только, что кто бы ни стоял за экспансией ГАС «Выборы» в России — сама ли Система или иностранные агенты, невидимая война против его страны была уже почти выиграна. Железные ящики с красными глазками наводнили всю Россию, они стояли теперь в каждом райцентре, неслышно о чем-то докладывая в Москву. Своему собственному начальству докладывая — гигантской вычислительной Машине с тысячей глаз.

И совсем скоро она отдаст им приказ.

* * *

Выход у него был один — захват Центризбиркома.

Двое суток в поезде Сергей Васильевич не спал, оттачивал план действий. Пробраться внутрь, заминировать все кругом и потребовать прямую линию с Президентом. И пусть еще камеры будут! О таком должны знать все.

Сергей Васильевич понимал: да, это конец карьеры. Но то, что случилось с ним за последние два дня, вдруг совершенно перетряхнуло его приоритеты. Он понял, что оказался на войне — небывалой, непостижимой. И ему, отставному замполиту, жравшему пыль на плацу и в кабинетах воинских частей, сейчас казалось куда слаще погибнуть героем, чем бесславно выйти на пенсию.

Тут уже не до личных амбиций. Тут Родина в опасности!

На Казанском вокзале Сергей Васильевич сразу нырнул в толпу, надвинул на глаза шляпу и посеменил к метро...

Главное, чтобы Машина не победила. Предупредить руководство, даже ценой своей жизни предупредить и остановить ее! Получится — значит, он выполнил свою задачу. Спас страну. Защитил людей...

Турникет на входе эло лязгнул в сантиметре от былого; Чистяков и это списал на происки искусственного интеллекта. А хоть и отрубайте это самое! И без этого самого доползу и грудью на амбразуру...

Добрался до Покровки, отыскал квартиру сына и принялся названивать в дверь. Ничего, что семь утра. На войне как на войне.

— Нужен тротил. И противопехотные мины. Срочно, — огорошил он сонного усатого здоровяка.

- Бать... Какой тротил? Тот поморгал и зевнул.
- И «Газель», чтобы отвезти. С остальным я сам справлюсь, решительно заявил Чистяков. Смотри, сына, не подведи!
- Погоди, бать. Я под кроватью гляну, может, завалялось чего с дня рождения. Генерал поскреб в промежности и побрел в комнаты.

Сергей Васильевич присел на табурет. Клонило в сон. Но не уснул: через закрытую дверь долетело тревожное: «...собирается что-то взрывать. Скорее приезжайте...»

Иуда! — горько прошептал Чистяков.

В ЧК он жалуется или в дурку? А может, напрямую Машине?!

Сергей Васильевич тихонько притворил за собой дверь и шагнул в лифт. Итак, взрывчатки не будет. Делать нечего... Терять время дальше нельзя.

* * *

— В коробках — динамит! Здание захвачено! Я требую прямой линии с Президентом! — заорал Сергей Васильевич в звенящий от напряжения громкоговоритель.

Картонные коробки, забитые бумагой и связанные скакалками, равномерно заполняли холл Центризбиркома. Сверху в каждом ящике лежали бюллетени из чистяковского чемодана. Охрана сама помогла таскать коробки из угнанной «Газели» внутрь: Сергей Васильевич сказал, что приехали голоса, уворованные демократами, а в такое не поверить преступно.

В вычислительный центр — к самой Машине — его, правда, так и не пустили; но раз никакой вэрывчатки на самом деле не было, то какого черта?! Теперь ставка только одна — на силу убеждения.

Снаружи здание постепенно окружала милиция, подтягивалась группа «Альфа», разворачивали спутниковые антенны телевизионщики.

— Тут хватит, чтобы весь квартал к едрене фене вынести! — взвизгнул громкоговоритель. — Я, Чистяков Сергей Васильевич, требую прямой линии с Президентом! У меня информация государственной важности! Я буду считать до десяти, а потом снесу ваш Центризбирком и все, что вы успели вокруг понастроить...

Ответом ему был только вой сирен.

— Раз, — угрожающе произнес Сергей Васильевич. — Два. Три.

Надо было хотя бы ампулу с цианистым калием в зубе...

— Четыре. Пять. Шесть...

Хотя, наверное, сейчас снайпер одним выстрелом в лоб снимет, и все...

— Семь. Восемь...

В здании погас свет. Вот и Машина вмешалась...

— Девять…

— Чушь!

Дверь отворилась, и по полу заскользил на середину холла какой-то предмет, вроде бы привязанный веревкой. Газ? Бомба? Что-то белое...

Телефон! Белый гербовый телефон!

Аппарат зазвонил. Сирены на улице почтительно умолкли.

- Слушаю вас, спокойно сказал голос на том конце вертикали.
- Товарищ Президент! Докладывает Чистяков! Мною раскрыт заговор! Система ГАС «Выборы» совершает самостоятельные действия, которые неподконтрольны руководству страны, Партии и Правительству! взволнованно оттарабанил Сергей Васильевич. Цель дискредировать избирательную систему, подорвать стабильность в нашей России!
 - Чистяков? Это который... удивленно начал Президент.
- Так точно! Тот самый! обрадовался Сергей Васильевич. У меня есть две версии происходящего! Первая: система ГАС «Выборы» действует по своей воле, потому что в ней завелся искусственный интеллект! Вторая: система ГАС «Выборы» на самом деле является агентом влияния, внедренным американскими разработчиками программного обеспечения! В любом случае Машина будет совершать непредсказуемые поступки... Ввиду грядущих президентских выборов... Свободных и честных не получится ведь... Она взбесилась, товарищ Президент!

По крыше Центризбиркома тихо и нежно, будто балетными чешками, зашуршала штурмовая группа отряда «А». В грудь и лоб Сергея Васильевича уперлись тонкие красные лучики. И хотя старик знал — так щупают мишень лазерные целеуказатели спецназовских винтовок, ему все равно казалось, что это Машина смотрит на него насмешливо тысячей своих глаз.

- Слушай, Чистяков, Президент понизил голос, открою тебе государственную тайну. ГАС «Выборы» не может ожить. Никакой Системы нет.
- Как?! растерянно пробормотал Сергей Васильевич и полез в штаны за корвалолом. Как нет?
- Тут технические детали... Погоди, вот глава Центр- избиркома трубку рвет. Слушай!

- Все программное обеспечение Машины это экселевская табличка! радостно сообщил смертнику другой голос толстый, чинный. Ажурная работа! Какие бы цифры ни были в итоге у всех вместе все равно получается ровно сто процентов. Сама, собака, пересчитывает, представляещь? Скажем, у нашей Партии восемьдесят процентов, тогда у коммунистов десять и у демократов десять. А вместе сто! А вот, например, у нашей Партии семьдесят девять с половиной процентов, у коммунистов двенадцать и семь десятых... И она тут же сама считает, сколько у демократов. У нас ведь раньше как было? Начнут голоса в прямом эфире подсчитывать и вечно тебе: то сто три процента в итоге, то девяносто восемь! Никак не сходилось, позор на всю страну. Но теперь американцы нам все отладили. Теперь у нас настоящая демократия западного образца будет. Без ошибок и скандалов. Гейтс лично привозил дискету, устанавливал. Электронное голосование! И бюллетеней никаких не надо. Всего-то нужно десять кнопок с цифрами, запятая и кнопка «Ввод». Прогресс его не остановить!
- Погодите... Постойте... А зачем же вам все эти железные ящики по всей стране? В ящиках-то что? путаясь в мыслях, прошептал Чистяков.
- Для солидности, сказал глава Центризбиркома. Чтоб наводить страх на вассалов! А внутри у них, Чистяков, лампочка. Светодиодная, по последнему слову техники. На тридцать лет стабильности в стране должно хватить!
- Теперь у нас всегда на сто процентов все будет, вступил Президент. Так что ты, Чистяков, за выборы не переживай. Обеспечим. Нет никакого бога из машины.
- Погодите... пересохшим языком проворочал он. Но если этого бога нет... Кто же тогда вводит цифры?

В трубке что-то зашуршало, будто кто-то смеялся тихонько.

И тишина.

- Наши хоть вводят? с надеждой спросил Сергей Васильевич. Люди?
- Наши, успокоил его голос. Наши люди.
- Тогда, значит, ничего не переменится? тревожно, тоном ребенка, просящего утешения, хныкнул Сергей Васильевич. Ведь все останется, как раньше?
 - Конечно. Все останется, как раньше. Ничего не изменится.

Красные лучики собрались в рой, застыли и заглянули Сергею Васильевичу прямо в зрачки. Это он вечности в глаза смотрит, понял старик.

— Слава богу. — Сергей Васильевич умиротворенно сомкнул веки. — Теперь и помереть не страшно.

HE OT MUPA CECO

Над крышами Грановитой палаты, над колокольней Ивана Великого, над Государственным Кремлевским дворцом плыл легкий белый дымок. Морозный воздух пах необычно — вроде бы гарь, но сладкая, странная. Раньше ее списывали на ароматные испражнения труб «Красного Октября». Но шоколадную фабрику давно попилили на лофты и галереи. И поэтому казалось, что воздух подслащивают специально, чтобы отбить какой-то другой, тревожный привкус.

Отец Мефодий, вышедший подышать за компанию с соскучившимся по куреву Зыкиным, дымок сразу приметил. Обернувшись к Зыкину, который ломал спичку за спичкой, пытаясь прикурить, он с невинным видом поинтересовался:

— Что, уже прогреваете?

Зыкин ответил не сразу: сначала зачем-то протер крупный значок с державным триколором на лацкане строгого пиджака, потом затянулся. Наконец кивнул.

- Проверяют исправность. От ваших, кстати, он кивнул на старинную, но все такую же стройную, словно Λ юдмила Гурченко, колокольню, тоже дым валит.
- Колокольня Ивана Великого не в собственности РПЦ, мягко возразил отец Мефодий. С семнадцатого года, после большого передела, ваши отобрали.
- А храм Христа Спасителя? не отставал Зыкин. Вчера ночью ехал мимо, гул от него, как на Байконуре.
- Бдим и молимся всенощно, потупился отец Мефодий. О спасении человеков от страшной напасти, от гнева Господня.
- A сами тем временем лыжи навострили. Зыкин очертил окурком плавящиеся на ярком декабрьском солнце золотые кресты.
- Мы можем лишь молиться, предотвратить катастрофу не в наших силах, печально вэдохнул священник. Это удел мирян...
- A я думал, раз речь идет о внеземном, вы как раз могли бы вмешаться, остро глянул на него Зыкин.

- Увы, потряс головой отец Мефодий. Вы можете представить себе, как прискорбно нам будет расстаться с этой землей, но иного выхода нет.
- Так не осуждайте и нас, нахмурился Зыкин. Пойдемте внутрь, батюшка. Незачем дышать этой дрянью.

Бутафорские екатерининские гвардейцы открыли перед ними двери в неимоверных размеров бело-золотой зал, битком забитый основательными гражданами в добротных костюмах и бородатыми мужами в черных рясах. Меж них сновали учтивые официанты с тяжелыми подносами, но собравшимся, похоже, было не до еды. Зал гудел разворошенным ульем.

Тут были и люди с депутатскими значками, и министры, и чины из Администрации Президента. Где-то в глубине, в плотном кольце архиепископов и секретарей, негромко, но внушительно вещал патриарх. Богатыри с прозрачными завитками наушников и парализованными лицами протащили к выходу задержавшегося дольше положенного телеоператора.

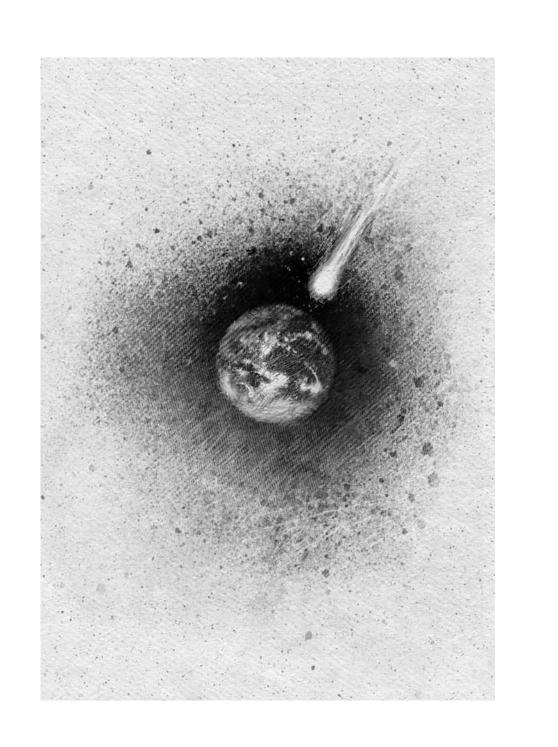
Щелкнули и заперхали динамики, и тут же в зале воцарилась тишина. Колонки проснулись и заговорили: негромко, довольно высоким, но очень уверенным голосом. Из-за столпотворения Зыкину не было видно говорившего, но этот голос он не смог бы спутать ни с чьим другим.

— Уважаемые коллеги. Друзья. Как вы знаете, над Землей нависла страшная угроза. Наша радиокосмическая разведка сообщает о приближении небесного тела... — Динамик зашуршал бумажкой. — Астероида Зет-Икс 716 А. Его вес превышает три тысячи тонн, и по всем расчетам, он столкнется с нашей планетой всего через две недели...

* * *

— Американские фондовые рынки открылись очередным падением, — озабоченно сообщила ведущая, выглядывая из телевизора в убогую кухоньку. — Золотовалютные резервы России на этой неделе выросли на полтора миллиарда долларов. Во Владивостоке продолжаются спасательные работы на месте обрушения пятиэтажного дома. АвтоВАЗ объявил о сокращении пятисот рабочих мест... И только что мы получили кадры из Кремля...

Антон Алексеевич откупился ириской от занывшей со скуки внучки и, макнув картофелину в соль, сделал погромче. Раздосадованно посмотрел на постепенно

возбуждающийся чайник со свистком, подошел к эмалированной старой плите и перекрыл чайнику газ. Глянул в загаженный двор, огороженный белыми блочными пятиэтажками, иссеченными такими жирными швами, будто их собирали, как Франкенштейна, из трупов разных домов.

— ...торжественный прием делегатов Вселенского собора в присутствии депутатов Государственной думы и членов Совета Федерации. Уникальное событие, объединившее первых лиц духовенства и первых лиц государства...

Антон Алексеевич плеснул в чашку со сколотой золотой каемкой жидкого чаю и, близоруко щурясь, подошел поближе к мерцающему экрану, зашевелил губами.

- ...Обсудили выход из экономического кризиса, финансирование социальных программ, поддержание здорового нравственного и психологического климата в стране...
- Ведь те же самые хари, что и тридцать лет назад, пробубнил Антон Алексеевич, ткнув жирным пальцем в выпуклый экран. Кто-то помер, конечно, кто-то подрос... А вот этот... Как его... И вот еще. Видать, оттуда только ногами вперед, вздохнул он.
- И в завершение выпуска о погоде, умиротворяюще улыбнулась ему телеведущая.

* * *

В зале раздались сдержанные аплодисменты. Хлопали, разумеется, не известию о том, что в скором времени гигантская глыба протаранит Землю. Нет, просто показывали, что тронуты неподдельным патриотизмом Президента.

— Да, именно с нашей планетой, — почувствовав, что взял верную ноту, закрепил успех говоривший. — Потому что планета, на которой родились мы все, на которой появились на свет наши дети, наша. И именно поэтому решение, которое я принял после совета с Патриархом, далось мне так нелегко...

Из зала все расходились подавленные, погруженные в свои мысли. Зыкин вплоть до самых последних слов президентского обращения надеялся, что будет найден другой выход. Отец Мефодий, который понуро брел с ним рядом, волоча полы рясы по бурым лужицам, молчал.

— Что, на юга-то не хочется? — невесело спросил у священника депутат, кивая на солнце.

- Да уж... Прижились мы тут, чего там, хмуро отозвался батюшка. Да мы-то ладно... Спасемся. Паству бросать жалко.
- Мне, знаете, всегда нравилась эта ваша прямота. Никаких экивоков, хмыкнул Зыкин. «Паства» ведь от слова «пасти», так? А «пастырь» это просто «пастух», да? Стадо, выражаясь современным языком.
- Ну да... рассеянно кивнул отец Мефодий. Все честнее, чем электоратом звать. Они же ничего не выбирают, а уж тем более им не попасть в избранные. А доили вы их не меньше нашего, если вы на это намекаете. Только вам от них одно нужно было, а нам другое. Богу, как говорится, богово, а кесарю кесарево.
 - Вы, между прочим, тоже аборигенов не брали, отметил депутат.
- Мы с ними игр хотя бы не затевали. Веками внушали, что власть дается свыше. Что вам все неймется?..
 - Да ладно, батюшка. Что нам теперь-то делить? Досадно все это просто.
- А нам-то как! всплеснул руками тот. Ведь только-только с вами заново договорились по-человечески, он не сдержал невольной улыбки, только стали об обидах забывать... За семьдесят лет накопленных. Только вера у паствы стала крепнуть... Потоком пошла...
- И у нас потоком, почесал голову Зыкин. Экспорт наладили... Электорат снова приручили, за небольшой, в общем, процент. Эх! Да что там процент! В магазины сосиски развези, чтобы без очередей, да йогурт подешевле. Ну и виски, или что там они пьют, чтобы успокаиваться.
- Виски, по-моему, не пьют, с сомнением откликнулся отец Мефодий. По-моему, вино пьют, хотя ручаться я бы не стал.
- Неважно... отмахнулся депутат. В стране процветание было, все себе немецкие машины напокупали, на отдых на Сейшелы на прайват джетах... Им хорошо и нам нормально. Качай не хочу. Ну или дои, в вашем случае.
- Ну нет, мы еще когда вас предупреждали, что все так кончится? Уже двадцать лет назад стали станции и челноки строить по всей стране, — возразил священник. — Готовились к исходу. Но надеялись на вас. На технологию. Думали, сможете отразить.
- Если бы там один метеорит, вздохнул Зыкин. Так ведь это только флагман нескончаемой армады... Тысячи и тысячи. Угораздило же Землю оказаться на их пути. Мы уж, знаете, и так отвлекали их как могли. Все сделали, чтобы аборигены на них внимания не обращали, чтобы не паниковали. Постарались их

другим занять. Кризис этот вот... Опять же, цены скинули. Ну и вам от него только польза была. Электорат, лишенный ресурсов, естественным образом превращается в паству. Духовное побеждает материальное, когда заканчиваются деньги.

- Да, у нас последний год богатый выдался, признал другой.
- Увы, все хорошее имеет свойство заканчиваться, грустно подытожил депутат.

Выйдя из ворот Спасской башни, они зашагали к стоянке, где обоих под парами ожидали похожие черные авто.

- Приятный вы собеседник, батюшка. Даже странно как-то с вами прощаться. Зыкин протянул отцу Мефодию руку.
- Вы слышали, смиренно пожал плечами священник, наше руководство приняло такое же решение. Полная эвакуация.
- Куда же вы теперь? Домой? На Южный Крест? Депутат оглянулся на вздымавшийся вдалеке мощный силуэт храма Христа Спасителя.
- Да. На наш скромный ковчег... и на юга, как вы выражаетесь, перехватив зыкинский взгляд, кивнул батюшка.
- Ну, а мы на Большую Медведицу, зачем-то сказал Зыкин, будто отец Мефодий и сам этого не знал.
- Что же, улыбнулся ему священник. Будете в наших краях как говорится, милости просим. Выглядеть я, сами понимаете, дома буду несколько иначе... Надеюсь, не испугаетесь каких-то там шупалец.
- A вы, я уверен, сумеете разглядеть мою душу под хитиновым панцирем, усмехнулся депутат.
- Когда-нибудь мы обязательно встретимся. Батюшка вдруг отдал Зыкину карикатурный мушкетерский салют, и оба засмеялись.

* * *

Эвакуация началась через трое суток. Ровно в четыре ночи приторный дымок, все струившийся над Кремлем, окреп, загустел, окутал мглою Царь-пушку и Царь-колокол, дворцы и музеи, заполнил огромную чашу кремлевских стен до края и выплеснулся наружу.

Неистово загудела земля. Словно собака, вернувшаяся с прогулки и отряхивающая мокрую шерсть, затряслась, завибрировала Кутафья башня, потом разом слетела с нее шелуха кирпичей и обнажился литой корпус, словно металлический, но удивительный, цвета расплавленного олова, без швов и иллюминаторов. За Ку-

тафьей последовала Боровицкая, за ней — Арсенальная и Сенатская... Все, кроме Спасской.

Повинуясь неслышному сигналу, корабль, скрывавшийся в первой башне, похожий не на ракету даже, а на поставленный на попа цеппелин, вырвался из асфальта, из брусчатки и бесшумно ушел в небо. Стартовали следом за ним и остальные башни, делая кремлевскую стену похожей на старческую беззубую челюсть.

И тут город накрыл невообразимый рев. Горделиво, неспешно высвобождаясь из-под бетонных плит, стряхивая штукатурку и позолоту, над Москвой поднималось циклопических размеров судно, не линкор даже, а нечто доселе невиданное. Взлетал храм Христа Спасителя. За ним, пропустив титана вперед, выстрелили десятки небольших спасательных челноков, упрятанных в часовнях и монастырях, в церквях всех мастей.

Через четверть часа столицу было не узнать: город словно повторил судьбу Дрездена. Незыблемыми оставались лишь Спасская башня и колокольня Ивана Великого. На полпути между ними, одинокие, застыли две фигурки.

- Простите, если что не так, сказал Президент. \mathfrak{S} пойму вас, если вы все еще держите на нас эло за ту историю с Никоном и за тридцать седьмой...
- Ну что вы... Быльем поросло, улыбнулся в бороду Патриарх. Ведь в конце концов мы неплохо сработались.

Улыбаясь друг другу тепло и не вполне искренне, как Сталин Рузвельту в Ялте, они распрощались. Президент нырнул в боковую дверцу Спасской башни, Патриарх поднялся по ажурной лесенке в древнюю колокольню.

Еще миг — и две ярчайших звезды метнулись ввысь, теряясь среди других звезд.

До и После

Август выдался удивительно мягким и благостным. Свирепых сибирских комаров, которые обычно как раз в этот месяц разворачивали последнее решающее наступление на человечество, на сей раз унесло куда-то игрой циклонов.

Пару недель назад случилось, правда, небольшое землетрясение, но по сравнению с прошлогодним августовским пеклом и лесными пожарами, которые чуть не пожрали и деревню Подвигалиху, и соседнее Самылово, и сам райцентр — Мантурово, толчки казались неправдоподобно легким испытанием. Словно ждали червонец строгого режима, а отделались тремя годами условно.

Главной неприятностью было то, что в телевизоре теперь пропал сигнал.

— Как-то там Андрюша... — ковыряясь резиновым наконечником клюки в земле, переживала Ангелина Степановна.

С тех пор как от Андрюши ничего не было больше слышно, вечерние посиделки было решено перенести во двор Нины Прокофьевны, благо комары не докучали.

- Нехорошо ему на голове навертели, покачала головой Анна Павловна. Растрепанный такой, словно бошку не мыл неделю, да еще и чумазый стал. Раньше мне он больше нравился. Опрятный такой был, а теперь тьфу! Хоть бы и не видала его век.
- Зато поправился хоть немного. А то кому он такой тощий нужен? почти ласково улыбнулась Нина Прокофьевна.
- А в последний-то раз чего рассказывал... Про мальчонку этого, который своего товарища случайно из ружья отцовского застрелил! А потом отцу парнишки убитого позвонил, и тому говорит: на, извиняйся, если хочешь. И все! Дальше, говорит, в следующий раз все доскажем. И на тебе! разорялась Ангелина Степановна.

— Ничего, Анатолий из райцентра вот вернется, станет понятно, что там у них, — уверенно заявила Нина Прокофьевна.

Телевизоров в деревне было всего два.

Один — старый, советского производства, заботливо накрытый вязанной из белой нити кружевной салфеткой, стоял на почетном месте в зале у Анны Павловны. Он играл роль алтаря под иконостасом пожелтевших овальных фотокарточек с обветренными временем лицами ее покойного мужа, родителей и глянцевыми прямоугольничками с розовыми физиономиями внуков, которые жили с родителями в райцентре.

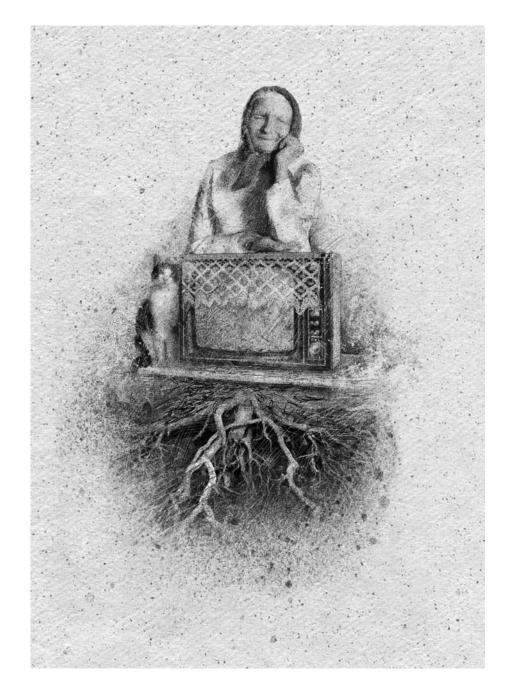
Второй — с Совершенно Плоским Экраном и надписью Made in Indonesia — был привезен Нине Прокофьевне ее дочерью из города прошлым летом.

«Горизонт» Анны Павловны был всегда мутен и пуст, так как безнадежно поломался тринадцать лет назад и не был выброшен только из пенсионерской солидарности. Плод же японского индустриального неоколониализма в странах Юго-Восточной Азии работал исправно, и каждый день Нина Прокофьевна торжественно расчехляла его, приподнимая паутину стираных кружев и осторожно нажимала кнопку на пульте.

Зимой паломничество к ней соседок начиналось еще утром: по Главному каналу страны объясняли, как правильно дозировать мочу, чтобы избавиться от остеохондроза, и убедительно показывали, как побороть метастазы при помощи сырого мяса. Летом с утра надо было спешить на огород, зато вечером можно было поохать над невероятными историями человеческих страстей, сочиненными за косяком сценаристами второго Малахова.

Новости в деревне глядел только Анатолий, остальные никаким политикам не верили, да не очень-то и интересовались московскими информационными абстракциями. Раз в год, когда Президент, по слухам, обещал поднять пенсию, случалось, включали программу «Время» — чтобы удостовериться. Чтобы не попасть впросак перед стервозной почтальоншей, которая раз в два месяца привозила из райцентра конверты с редкими купюрами, вихляя восьмерками велосипеда «Орленок» по выбоинам единственной дороги.

Но внеочередное повышение уже свалилось под мартовские выборы, и в августе от Москвы ничего хорошего не ждали даже самые ярые оптимистки. Нет новостей — да и шут с ними. От них сплошные расстройства, а про политику уж всегда соврут, это в деревне твердо знали еще с тех пор, когда телевизор

«Горизонт» только-только вылупился из картонной коробки с надписью «Не кантовать».

— Да вон же он едет! — привстала со скамьи дальнозоркая Анна Павловна. — Анатолий! Толя!

Гонец, отправленный за истиной в райцентр, смотрел вперед несмело и руль держал неуверенно. Сначала хотел прислонить свой зловонный мопед к ограде, потом передумал и сообщил от калитки, не приближаясь на опасную дистанцию:

- Вышка повалилась ретрансляторная! Говорят, скоро подымут. Когда трясло, она и вылетела с корнем. До тех пор никакого телевизора!
 - Это надо же! всплеснула руками Анна Павловна.
- Заходи, Толя, что стоишь. Упершись руками в поясницу, Нина Прокофьевна трудно поднялась на ноги. У меня пирожки, для внуков пекла.
- Спасибо... Анатолий дыхнул в кулак, закашлялся и замотал головой. Не голодный! В Мантурове накормили.
- К своей, что ли, ездил? прищурилась Ангелина Степановна, не замечая укоризненного взгляда Анны Павловны.
- Угу. Анатолий неопределенно качнул головой и на всякий случай крутанул ручку газа, намекая, что разговор затягивается и что ему пора бы ехать.
- А может, мерзавчик налить, а, Толь? Хозяйка дома, кряхтя, двинулась к шкафу с пыльными стограммовыми гранеными стаканчиками.

Тот дрогнул, но устоял. Будь сейчас утро, он бы вряд ли был так несгибаем. Но время легального опохмела миновало, и перед мысленным взором Анатолия маячил костлявый призрак запоя. Именно железный принцип: больше трех дней подряд не пить — позволял ему изящно балансировать на грани алкоголизма все эти годы, пока его одноклассники и сослуживцы самозабвенно отдавались белой горячке.

Нина Прокофьевна пожала полными плечами и уселась обратно. Анатолий взял под козырек и отчалил, оставляя за собой рваные облачка сладковатой бензиновой гари. Дочь с зятем и оба внука — городские, приехавшие к бабке на каникулы, — ушли купаться на речку и вернуться должны были только к ужину. Пирогов Нина Прокофьевна успела напечь с утра, картошку ставить на огонь было еще рано: оставалось время для умственной деятельности.

- Все врет, высказалась она.
- Про кралю свою? встрепенулась задремавшая Ангелина Степановна.
- Вообще все, категорично заявила Нина Прокофьевна. Не был он в Мантурове.
 - А где же он был? На мотоцикле ведь ездил.
- Вчера дождь шел? Шел. Там от Самылова до Мантурова дорога колдобина на колдобине, после дождя не лужи, а болота настоящие. А мотоцикл чистый у сукина сына, разоблачила авантюриста Нина Прокофьевна. Значит, дальше Самылова не уехал.
- Да что ему в Самылове сдалось? Ангелина Степановна пригладила шерстяную юбку. В Мантурове у него девка хотя бы, учительница тамошняя.
- Поругались они, авторитетно возразила Анна Павловна. Как, ты не знаешь?
 - Да когда же они успели? На той неделе же ездил к ней...
- Ничего не ездил. Он уж у ней месяц не был! Скажет к Наташе, а сам в Самылово.
 - А в Самылове-то что?
 - Дружок там его, Витька рыжий. На лесопилке работает. Сидел который.
- Да что я, Витьку не знаю? Уличенная в некомпетентности, Анна Павловна попыталась восстановить позиции. Кто мне дрова-то зимой привозил?
- С Витькой и пил. Точно, с прокурорской убежденностью заключила Нина Прокофьевна.
 - Тебе Танька, что ли, доносит? нахмурилась Анна Павловна.

У хозяйки в рукаве имелся козырь: почтальонша, всех бабок открыто презиравшая, в проницательной и подозрительной Нине Прокофьевне видела себе равного и иногда делилась с ней сплетнями о самыловской и мантуровской жизни. Плохо только то было, что в этом году деревенские ни на что из газет не подписывались, а пенсия, как ни старались Партия и Правительство наладить выплаты, до Подвигалихи доходила не чаще, чем раз в два месяца. Июньская же задерживалась и того больше.

- Лучше бы она другого чего донесла, открестилась от информатора Нина Прокофьевна.
 - Да уж... На два с половиной месяца отстают. Макароны-то на что брать будем?

По совести, на четыре тысячи пенсионных рублей в Подвигалихе покупать было нечего. Сложенное из силикатных белых кирпичей сельпо находилось в Самылове, и крашенные зеленой масляной краской полки были поровну заставлены скверной водкой, батареями сайры в собственном соку, кондовыми коробками с рафинадом, расфасованными по бумажным пакетам крупами и буханками сыроватого серого хлеба. Водка особым спросом не пользовалась, а сахар, напротив, уходил влет, поскольку в каждом втором доме стоял самогонный аппарат. Все остальное можно было вырастить на своем огороде или выменять у соседей. У Нины Прокофьевны были куры и фруктовый сад, у Анны Павловны — подающие надежду поросята и двадцать соток огорода, у Ангелины Степановны — отелившаяся недавно корова и парники с помидорами.

Натренированные годами реформ, жители Подвигалихи, Самылова и любого другого российского поселка могли с легкостью перейти в автономный от государства режим, изо всех слабостей позволяя себе лишь традиционную русскую ностальгию по сервелату.

Нина Прокофьевна половину повышенной своей пенсии аккуратно отделяла и раз в квартал отправляла с мантуровского почтамта детям в город. Ангелина Степановна закупала на все гречку и сахар, потому что уже отпраздновала семьдесят пятый день рождения и за это время была не единожды учена горьким опытом. Анна Павловна откладывала сбережения в конверт за иконкой Николая Чудотворца, которая висела у нее в спальне, и дрожала от каждого натужного дыхания своей старой избы, опасаясь грабителей. И для всех троих нерегулярная подачка была скорее знаком причастности их деревни к некому необъятному государственному целому.

Макаронный вопрос, изначально риторический, повис в воздухе. Лето выдалось хорошим, в парниках разрослись настоящие огуречно-патиссонные джунгли, и фаланги начищенных трехлитровых банок ждали сигнала к выступлению: зима не будет голодной.

Мазохистическая природа русской женщины располагает ее говорить не о том, что у нее хорошо, а о том, что не складывается.

— Потоскливо без Андрюши-то, — вернулась к своему любимцу Ангелина Степановна. — Когда теперь вернут?

РАССКАЗЫ О РОДИНЕ

— Как нам теперь знать, — развела руками Нина Прокофьевна. — Сукин сын обманул, никуда не ездил. Теперь только если зятя попрошу прокатиться узнать... Да захочет ли он по такой дороге? И так уж матерился...

Конечно, корейские автоконструкторы не могли предвидеть суровых условий, в которых будет эксплуатироваться их детище. Оно, в общем-то, неплохо держалось, учитывая, что, по южнокорейским понятиям, за Мантуровым дороги не было вообще. Но зять Нины Прокофьевны, взявший под это дело потребительский кредит, не намерен был ставить на новом автомобиле бесчеловечные эксперименты. Большим одолжением по отношению к его супруге было просто согласиться ехать в эту отчаянную глушь на машине.

Он, как и все остальные обитатели Подвигалихи, в первые дни переживал телевизионную ломку, механически и обреченно тыкая вечер за вечером в кнопки пульта якобы для тещи купленного им телевизора. Лазил даже на крышу, исследовать засиженную воронами антенну. Тщетно: Совершенно Плоский Экран показывал лишь эфирную пургу, и приключения сотрудников убойного отдела, которых до душевного зуда не хватало первую неделю, стали постепенно забываться.

Взвесив все за и против, ехать в Мантурово и проводить там расследование обстоятельств исчезновения Малахова и сериальных кукол зять отказался. На третью неделю по Андрюше скучала уже только сентиментальная Ангелина Степановна. На четвертую, когда родне Нины Прокофьевны пора было уже грузить машину и отправляться обратно в город, из-за холма показался ездок на дребезжащем старом велосипеде.

- Пенсия, разгибаясь и отставляя в борозду жестяную лейку, предположила Анна Павловна.
 - Война! заголосила издалека взмыленная почтальонша.

* * *

Вместо привычных уже цветных «Аргументов» в ее сумке валялись плохо отпечатанные фронтовые сводки. Хотя фронтов, собственно, никаких не было, да и война уже три недели как закончилась. И сколько ни читали они мажущиеся свинцовой краской страницы, никто из жителей Подвигалихи не мог понять, как залп китайских крылатых ракет по Тайваню мог привести к отправке американских

МБР в Пекин, что было неверно расценено в одинцовском бункере РВСН и вызвало ответный удар по США, после чего...

Землетрясение месячной давности оказалось отголоском чудовищных взрывов, в одночасье обративших в пыль и пепел все крупные европейские, американские и азиатские города. Все случилось настолько стремительно, что ни правительства, ни военные командования не успели эвакуироваться. Государств, которых задел атомный молох, уже почти месяц больше не существовало. О Самылове и тем более о Подвигалихе в райцентре вспомнили только теперь.

Листок прошел по рукам и, обескровленный, упал на скамейку. Люди растерянно смотрели друг на друга, пытаясь найти нужные слова: опровергнуть, поверить, утешить. В голову отчего-то лезли мысли совсем неуместные...

- Андрюша-то как же... прикрывала рот заскорузлой ладонью Ангелина Степановна.
- Это что же, пенсии-то не будет теперь? попыталась осознать Анна Павловна.
 - Кредит можно не возвращать, почти неслышно добавил зять.
- Да как же мы жить-то теперь будем? запричитала Ангелина Степановна.

В повисшей тишине слышно было, как побрякивал колокольчик на шее у ее коровы и фальцетом звенел первый адаптировавшийся к новой жизни комар. А может быть, это наконец долетел до Подвигалихи отголосок того звука, когда лопнули невидимые струны, протянувшиеся через всю огромную страну из Останкина и удерживавшие ее за счет единства мыслей и переживаний мало чем похожих друг на друга граждан.

— Да так же и будем, как жили, — вдруг объявила Нина Прокофьевна. — Что изменилось-то?

Содержание

From Hell
Че почем
Протез
Панспермия
Перед штилем
Благое дело
Каждому свое
Главные новости
Иногда они возвращаются119
Utopia
Одна на всех
Явление
На дне
Deus ex Machina
Не от мира сего
До и После

Дмитрий Алексеевич Глуховский

РАССКАЗЫ О РОДИНЕ

Сборник рассказов

Зав. редакцией М.С. Сергеева

Художественный редактор М.Г. Мельникова
Редактор Л.В. Смирнова

Технические редакторы Е.П. Кудиярова, Т.П. Тимошина
Корректор И.Н. Мокина

Компьютерная верстка Е.М. Илюшиной

ООО «Издательство АСТ» 141100, РФ, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

ООО «Издательство Астрель» 129085, г. Москва, проезд Ольминского, д. 3а

Наши электронные адреса: www.ast.ru E-mail: astpub@aha.ru

По вопросам оптовой покупки книг Издательской группы «АСТ» Обращаться по адресу: г. Москва, Звездный бульвар, 21 (7 этаж) Тел.: 615-01-01, 232-17-16

